

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

1
2019

ЯНВАРЬ •
ФЕВРАЛЬ •

Содержание

СТАТЬИ

- Гусев Н.С. (Москва). Южные славяне в начале XX века: перспективы и сложности научного подхода..... 3
- Оськин М.В. (Тула). Создание Румынского фронта в конце 1916 года: политика взаимного компромисса между союзниками Антанты на Востоке..... 15
- Борисенко Е.Ю. (Москва). Н.М. Могилянский об «украинском вопросе» и революции в России..... 26
- Зеленкова А. (Прага). Драматургия Франка Вольмана и русский театр..... 39
- Косик В.И. (Москва). Миры хорватского режиссера Оливера Фрлича, театрального провокатора и правдоискателя..... 47

СООБЩЕНИЯ

- Ганин А.В. (Москва). «Русский проект» гетмана П.П. Скоропадского: опыт Екатеринослава (ноябрь–декабрь 1918 г.) 56
- Ламм М.А. (Москва). Архаичная образность в поэтике литературы белорусско-польско-литовского пограничья (в текстах авторов Гродненщины послевоенного периода)..... 62
- Носкова А.Ф., Носов Б.В. (Москва). К вопросу о политическом характере антифашистского Сопротивления в Польше в годы Второй мировой войны и историческом значении Варшавского восстания 1944 года..... 68
- Покивайлова Т.А., Слоистов С.М. (Москва). Проблемы национальной идентичности эмиграции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (1917 – начало 50-х годов XX века). По материалам конференции..... 81
- Зайцев А.В. (Москва). Конец Общеславянского комитета..... 96

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВИСТИКИ

- Малинов А.В., Курпьянов В.А. (Санкт-Петербург). В.И. Ламанский в университете..... 103

РЕЦЕНЗИИ

- Александрова А.К. 1000 лет вместе: ключевые моменты истории России и Греции. Сб. статей..... 119
- Попов К.А. Střípky z českého Chicaga: Edice dokumentů k dějinám Čechů v americkém Chicagu v letech 1848–1918..... 122
- Борисенко Ю.А. Советский Союз и польское военно-политическое подполье. Апрель 1943 г. – декабрь 1945 г. в 3 т. Т. 1: Апрель 1943 г. – август 1944 г. Ч. 1: Апрель 1943 г. – март 1944 г..... 124
- Белова О.В. Народная проза Акциябршчыны..... 127

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Дронов М.Ю. Международная научная конференция «20 лет университетской русинистике в Словакии»..... 131

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.А. РОБИНСОН (главный редактор),
И.Е. АДЕЛЬГЕЙМ, М.М. ВАЛЕНЦОВА, Г.К. ВЕНЕДИКТОВ, А.А. ГИПШИУС,
В.И. КОСИК, М.В. ЛЕСКИНЕН, Г.Ф. МАТВЕЕВ,
В.В. МОЧАЛОВА, К.В. НИКИФОРОВ, В.Я. ПЕТРУХИН, А.С. СТЫКАЛИН,
Б.Н. ФЛОРЯ, О.В. ХАВАНОВА

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *И.Е. Адельгейм* (отдел литературоведения),
О.В. Белова (отдел культурологии), *М.М. Валенцова* (отдел лингвистики),
А.С. Стыкалин (отдел истории)

Заведующая редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Л.А. Авакова, Е.В. Пономарева, И.Ю. Веслова*

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а

Телефон 8-495-938-01-20

E-mail: zhurslav@mail.ru

Рукописи принимаются в электронном виде с распечаткой (1 экз.) объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков. Статьи и сообщения должны сопровождаться краткой аннотацией (200–300 знаков) и ключевыми словами (5–7 слов) на русском и английском языках.

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Правила оформления см. на сайте: <http://inslav.ru>. Авторы должны предоставить сведения о степени, должности, месте работы; адрес электронной почты и контактный телефон.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

ЮЖНЫЕ СЛАВЯНЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА:
ПЕРСПЕКТИВЫ И СЛОЖНОСТИ
НАУЧНОГО ПОДХОДА

© 2019 г. Н.С. Гусев

*Канд. ист. наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН
E-mail: gusevns@gmail.com*

*Статья написана при финансовой поддержке Российского фонда
фундаментальных исследований, проект № 18-09-00346.*

В данной статье на примере корреспонденции русских наблюдателей во время Балканских войн 1912–1913 гг. рассматривается потенциал изучения истории и культуры Балканских народов на основе источников, созданных русскими очевидцами. Указывается значимость исторических документов такого рода, приводятся возникающие сложности и пути их преодоления, намечаются возможные направления исследований.

In this article, on the example of correspondence of Russian observers during the Balkan wars of 1912–1913 the potential of studying history and culture of the Balkan peoples on the basis of the sources created by Russian witnesses is considered. The importance of historical documents of this kind is indicated, the emerging difficulties and ways of overcoming them are given, possible directions of research are outlined.

Ключевые слова: теория, Балканы, Балканские войны 1912–1913 гг., травелог, имагология.

Keywords: theory, Balkans, Balkan wars of 1912–1913, travelogues, imagology.

DOI: 10.31857/S0869544X0003667-6

В исторической науке обращение к наблюдениям иностранцев как к источнику по истории и культуре различных народов не является новаторством. Чаще всего такие источники задействуют специалисты по Средним векам, в силу чего подробно и тщательно разработана методология использования путешествий того периода. В Новое время количество подобных исторических документов возросло, правда, внимание сосредоточивалось в основном на европейских или экзотических восточных странах. Балканам в этом плане не везло — для Европы они принадлежали к Востоку («ориенталистская стигма», по выражению современного историка М.В. Белова [1. С. 527]), хотя настоящим Востоком и не казались в силу своей близости к Европе. Являясь мостом и границей между Ев-

ропой и Востоком, полуостров был периферией обоих миров и интереса вызывал мало. Но русско-турецкие войны, представление о религиозной, а затем и кровной близости побудили русских заняться изучением Балкан. Редкие и разновременные описания региона в первой половине XIX в. только начинали знакомить русское общество с жителями полуострова, которых часто романтизировали, в текстах прослеживаются черты, характерные для классических путешественников предыдущих эпох, что снижает достоверность данных [2–4]. Типологическое изменение русских описаний Балкан связано с русско-турецкой войной 1877–1878 гг., когда эти источники перестали быть эксклюзивными, оваянными ореолом экзотического путешествия, а обыденность рождала внимание к деталям и спрос на достоверные сведения. Данный корпус материалов не единожды привлекался историками, на его основе защищена не одна диссертация [5–7]. Последовавшее развитие периодической печати, распространение телеграфа, свободное перемещение по Балканам привели к еще большей заурядности и массовости описаний региона, что дает историкам новые возможности, однако и создает новые сложности. К сожалению, нельзя констатировать, что исследователи всегда это учитывают, в связи с чем хотелось бы обратиться к данному вопросу и на примере русских текстов о Болгарии и Сербии во время Балканских войн 1912–1913 гг. указать на некоторые перспективы и опасности, подстерегающие при использовании этого типа источников.

Начавшаяся в 1912 г. война Болгарии, Сербии, Греции и Черногории против Османской империи была с воодушевлением и интересом принята русским обществом. Многие издания отправили на полуостров своих корреспондентов, оставивших немало описаний увиденного ими (см. [8–10]). При этом цензура, не допуская журналистов близко к линии фронта, препятствовала своевременному извещению публики о происходящем, но облагодетельствовала ученых – вынужденные хоть чем-то отчитываться перед редакциями, корреспонденты не только слали выдумки (чего тоже было предостаточно), но и описывали то, что им было доступно – а именно страны, царившие там порядки и жившие там народы. В связи с этим возник довольно массивный комплекс одновременных путевых заметок, в которых речь идет о сравнительно небольшом регионе, а это дает возможность сопоставления и сравнения информации.

Перед ученым открывается следующая перспектива. На основании имеющихся данных можно попытаться обрисовать объективную картину Болгарии и Сербии начала XX в. Здесь обращение к заметкам иностранцев позволяет заглянуть за фасад официальной статистики, законодательства и прочего, поскольку очевидцы наблюдали реальную жизнь, а не ее образ на бумаге, зачастую даже не подозревая, что идут вразрез или в полном согласии с официальной точкой зрения. При этом в данном случае обращение к источникам личного происхождения представителей изучаемого общества имеет ограниченный эвристический потенциал. Во-первых, в случае с источниками автокоммуникативными (дневники и т.п.) или с фиксированным адресатом (письма и т.д.) авторы отражают лишь то, во что были вовлечены, либо то, что оказало лично на них сильное влияние, а процессы, идущие фоном, не упоминаются. Так, например при сравнении отражения Балканских войн в русской прессе в 1912–1913 гг. и мемуарах русских современников заметна огромная разница – в последних упоминаниях о событиях на далеком полуострове в разы меньше. Во-вторых, мы не замечаем многих вещей, для нас привычных и само собой разумеющихся, и способны их увидеть лишь на контрасте, сопоставляя с уже имеющимся представлением о феномене. Это же отмечал отечественный филолог и культуролог Ю.М. Лотман, указывая, что норма для носителя культуры «не только очевидна,

но и порой незаметна», а «иностранцу же странной и достойной описания кажется сама норма жизни, обычное “правильное” поведение» [11. С. 677]. Балканские особенности различных явлений и процессов ярко выявлялись под взглядом русских путешественников, привычных к классической интерпретации того или иного европейского института. В качестве иллюстрации можно привести слова писателя Е.Н. Чирикова о демократических порядках Болгарии. Внешне эта страна обладала всеми традиционными атрибутами классической европейской демократии начала XX в.: конституцией, регулярными выборами, цензура отсутствовала и т.д., и автора поразила свобода обсуждения политических тем: «Рассказывают такие анекдоты, что я пугливо озираюсь по сторонам и все жду, что вот-вот сейчас подскочит господин средних лет и скажет: — Пожалуйте!». Но в то же время писатель признал, что одну из его пьес не поставили в театре, поскольку, как ему разъяснили: «Наша внутренняя политика всецело определяется внешней, и дирекция театра бывает иногда чрезмерно осторожной и дипломатичной». Тут он сам заметил разницу написанного на бумаге и реального исполнения законов: «Конституция прекрасна, но... директор дипломат» [12. С. 43]¹.

Большое значение имеет тот факт, что в данном случае мы говорим именно о текстах русских, а не европейских очевидцев. Для последних проще было представить образ жизни африканских племен, нежели балканских народов. Как заметил словенский антрополог и культуролог Б. Езерник, «Запад в целом никогда не был готов видеть Балканы такими, какими они являлись в действительности», а в текстах отражались «ностальгические проекции» [15. С. 9]. Русские авторы оказываются для исследователя более полезными в силу ряда причин. Во-первых, к началу XX в. многие путешественники и ученые побывали на Балканах, не один солдат в ходе русско-турецких войн посетил полуостров, многократно регион описывался в печати. К тому же сербы, болгары, черногорцы были не в диковинку в России, где учились, работали или жили. И, в конце концов, хотя и крайне стереотипные, но уже появились южные славяне в русской художественной литературе: серб Вулич в «Герое нашего времени» М.Ю. Лермонтова и болгарин Инсаров в «Накануне» И.С. Тургенева. Потому британские солдаты во время Первой мировой войны могли представлять албанцев альбиносами, а черногорцев — чернокожими, и считать, что от их смешанных браков «появляются дети, которых называют далматинцами, потому что у них черные и белые пятна» [15. С. 126], а русские — нет. В качестве доказательства можно привести следующий факт. Когда в 1912 г. сербы в печати активно доказывали европейскому общественному мнению, что нельзя создавать государство албанцев по причине их отсталости и дикости, то в подтверждение этого приводились различные доводы. В агитации в России использовалось немало аргументов [16–18], но не те, что привел сербский политик В. Джорджевич, обращаясь к европейской публике — в обоснование отсталости албанцев он упомянул сведения, согласно которым, еще в XIX в. у некоторых албанцев имелись хвосты [15. С. 84].

Во-вторых, соответствие действительности в русских описаниях намного выше не только в силу более тесного знакомства с южными славянами. Как неоднократно подчеркивал российский историк А.Л. Шемякин, «русский взгляд», основанный на конфессиональной близости и схожести ценностей, проникал глубже, чем «европейский», которому было присуще постоянное осознание собственного превосходства [14. С. 69; 19. С. 9; 20. С. 402]. И это замечали сами русские ученые и путешественники. Так, в XIX в. известный славист П.А. Ровинский, находясь в Сербии, утверждал, что иностранцы «на все явления народной

¹ Подробнее о русском взгляде на сербскую политическую культуру см. работы А.Л. Шемякина [13–14].

жизни смотрят издалека и свысока, схватывают их поверхностно и дают им толкование по своему вкусу или по своим субъективным воззрениям» [21. С. 91].

Третье, что следует отметить, русских традиционно на Балканах привечали, пускали туда, куда европейцам вход был запрещен. «То, что недоступно в Сербии для каждого иностранца, вполне открыто для нас», — писал тот же П.А. Ровинский [20. С. 401]. В 1912—1913 гг. союзники при помощи цензуры старались избежать раскритичивания своих планов и лицезрения европейской общественностью неблагодарной изнанки войны [22. С. 19—67]. В журнале «Нива» писали, подразумевая печать: «И турки, и союзники заключили между собой оборонительный союз против седьмой великой державы» [23. С. 1406]. Но и тут к русским было иное отношение. «Там, где иностранец не мог проехать, имя русского служило паспортом и рекомендацией», — словно вторил П.А. Ровинскому в журнале «Вестник Европы» журналист М.А. Осоргин [24. С. 314]. А позднее он вспоминал, что в Старой Загоре местный градоначальник выдал ему лучшую лошадь, ответив на вопрос об участии остальных корреспондентов: «Нам не до других, а вы — русский» [25. С. 526]. Ну, и наконец, языковой барьер не был столь высок, как в случае с европейцами, и позволял общаться с местным населением на различные темы, менее подбирая слова, а значит — менее обдумывая и отфильтровывая их.

В конечном счете русские травелоги позволяют нам уйти от сухого институционального анализа и понять, какими в реальности оказались балканские государства и общества в начале XX в., заметить детали, невидимые при иной исследовательской оптике. Стоит оговориться, что в данном случае большую ценность представляют не ограниченные по размеру газетные статьи, а развернутые описания в книгах или журналах, причем не только в силу объема, но и их аттрактивности — желания автора привлечь и развлечь своего читателя. Однако здесь следует учитывать, что создатели путевых заметок часто вольно или невольно придавали своим текстам типичные для произведений такого жанра черты, сближающие повествование с художественной литературой. У корреспондентов, являвшихся профессиональными военными, описание поездки походит на отчет, что делает картину более достоверной, но менее подробной. Таким образом, при работе с данным корпусом источников нужно учитывать цели создания текста: анализ ситуации на полуострове, желание развенчать мифы о балканских славянах, вызвать к ним сочувствие, поиск приключений, поездка по местам боевой молодости и т.д.

Однако здесь на пути исследователя возникает методологическая сложность. «В любом случае нам не следует ожидать от путешественников “фотографического” отчета», — точно описал проблему М.В. Белов [1. С. 521]. Авторы текстов никогда не бывают для нас идеальными проводниками в мир увиденного ими, а всегда являются призмой, через которую преломляется картина прошлого. И для того, чтобы полноценно задействовать эти источники, необходимо, по словам Ю.М. Лотмана, выявить «коэффициент искажения» [11. С. 683].

Советский этнограф С.А. Токарев отметил, что на рубеже XIX и XX вв. полевые исследования стали проводить профессиональные этнографы, которые уже имели в голове определенную концепцию и намеренно или неосознанно подбирали «фактический материал, который подкреплял эти взгляды, может быть, упуская то, что могло им противоречить» [26. С. 23]. В нашем случае на полуострове находились люди с ярко выраженными политическими взглядами — социалисты Ст. Вольский и Л.Д. Троцкий. Лев Давидович, чтобы сгустить краски, описал ужас и разруху еврейского квартала Софии, хотя наряду с лачугами там были и дома весьма зажиточных горожан; рассказывая о политической системе Болгарии, он назвал все партии, кроме Болгарского земледельческого народного союза [27. С. 82] — влиятельной силы, представлявшей крестьянское движение,

которое будущий нарком плохо понимал и воспринимал негативно [28. Р. 10–13, 17]. Ангажированным и нацеленным на чрезмерное выхолащивание сербской политической системы выглядит его же утверждение, что в королевстве Карагеоргиевичей партии не отражали внутренних «классовых интересов», а группировались по признаку русофильства и австрофильства [29. С. 52]. Однако после Боснийского кризиса 1908 г. публичное заявление о своей ориентации на Вену граничило с политическим самоубийством².

Авторы были предвзятыми и в силу симпатий к одной из сторон. В основе ее могло лежать этническое происхождение. Так, газету «Новое время» в Сербии представлял выходец из Боки Которской и друг сербского премьера Н. Пашича И.П. Табурно, от «Голоса Москвы» в Болгарии находился уроженец Македонии К.П. Мисирков, все три русских офицера-добровольца в болгарской армии, опубликовавшие затем свои впечатления в военных изданиях (И.Д. Чинтулов, Й.Г. Пехливанов и В.С. Везенков³) – этнические болгары. Кто-то же, как патриарх отечественной военной журналистики Вас.И. Немирович-Данченко, оказался на полуострове не впервые и давно определился с объектом своих симпатий⁴. Вдобавок на местах болгары и сербы окружали корреспондентов всяческой заботой, ожидая взамен благодарности. Сотрудник «Русского слова» И.Н. Калина⁵ писал в редакцию: «Здесь, в Болгарии, меня, напротив, постоянно упрекают в недостаточном болгарофильстве, нередко с возмущением цитируют выдержки из моих корреспонденций, ставят мне в пример всех других русских корреспондентов» [39. С. 252]. На симпатии журналистов мог повлиять и просто случай. Е.Н. Чириков описал свою встречу при отъезде из Лозенграда в Димитику с двумя русскими корреспондентами-офицерами: «Оба возмущены недоверием, пылают каждой мести и грозят по приезде в Россию разоблачениями». Одного из них, «бывшего офицера русского генерального штаба», лишили права обедать при главной квартире, и он выражал свое возмущение: «И это в то время, когда я, имея возможность напасть, старался поднять дело Болгарии [...]. Я считаю это личным оскорблением! Как только я перееду границу, покажу им!» [12. С. 103]. Е.Н. Чириков не уточнил, кто это, но, по всей видимости, указанными лицами являлись возвращавшиеся в Софию В.Н. фон Дрейер и Н.П. Мамонтов. Последний, действительно, описал такую ситуацию [40. С. 164], но из обоих офицеров лишь полковник В.Н. фон Дрейер был сотрудником Генерального штаба, соответственно, именно он обещал Е.Н. Чирикову «показать» болгарам. После Второй балканской войны вышла его книга, в негативном ключе изображавшая Болгарию [41].

В итоге, например, каждый очевидец почему-то не видел жестокости, проявленной «своими», но зверства «чужих» фиксировал. В Софии уже после Чаталджинской операции и перерыва на переговоры зимой 1912 г. в ресторане «Панах» собрались представители российской печати. Как написал один из участников встречи, начав обсуждать увиденные жестокости, «разбиваются резко на два лагеря: один знает зверства только турецкие, другой – болгарские» [12. С. 139].

Указанная специфика травелога о Балканах в переломные 1912–1913 гг. снижает их объективность и сближает с политической публицистикой, что негативно сказывается на достоверности сведений и усложняет работу исследователей. Однако выявление сознательных искажений текстов не представляет собой нерешаемой задачи, поскольку чаще всего причины их можно найти в биографии авторов. Сложнее же с неосознанными деформациями.

² Подробнее о его сербской корреспонденции см. работы А.З. Нюркаевой и А.Л. Шемякина [30; 31].

³ О них см. [32. С. 459–460; 33. С. 86; 34–36].

⁴ Подробный разбор его корреспонденции см. [37].

⁵ О нем см. [38].

Вышеупомянутый этнолог С.А. Токарев утверждал, что более точными, нежели у ученых, были описания путешественников, не знакомых с регионом, на что современный исследователь П.С. Куприянов справедливо возразил: «В одном случае искажающим моментом является научная концепция, а в другом — обыденные взгляды и представления, чаще всего неотрефлексированные» [26. С. 24]. И, как отметил российский историк А.В. Голубев, «восприятие может быть разной степени адекватности, но в любом случае опирается на стереотипы, составляющие основу менталитета» [42. С. 4]. Американский социолог У. Липпман писал, что попытка увидеть реальность «не как типы и способы обобщения утомительна, а если вы очень заняты, то она практически обречена на провал» [43. С. 103]. Корреспонденты на Балканах в 1912—1913 гг. пребывали далеко не в кабинетных условиях, располагающих к вдумчивым размышлениям. Постоянное передвижение, бытовая неустроенность, «борьба» с цензорами, война и холера приводили к подавлению мыслительных способностей. По выражению того же У. Липпмана, «именно тогда возникает “невыносимая тяжесть мысли”» [43. С. 89]. Автор отбрасывает рефлексию и начинает фиксацию на механическом уровне. Однако мыслительные способности человека далеко не безграничны, и в действие приходит принцип когнитивной экономии — мы видим то, что ожидаем в силу разных причин увидеть. Остальное же, не вписавшееся в магистральный образ, по нашей воле или помимо ее оказывается в «слепой зоне».

В то же время сам автор «слепую зону» может зафиксировать, но при этом не отрефлексирав, что проявляется во внутренних противоречиях. Так, Вас.И. Немирович-Данченко то утверждал, что жестокости никто не оправдывает, «сами болгары их знают, и лучшие их писатели, народные избранники, поэты [...] предьявят народу свои запросы о случившемся» [44. С. 114], то говорил, что все слухи о казнях мирного турецкого населения «оказывались злостной и подлою выдумкой венских лгунов» [44. С. 120]. Показательно описание г. Визы корреспондентом Н.П. Мамонтовым. По его словам, этот населенный пункт «немного пострадал от *турецких* (курсив здесь и далее мой. — Н.Г.) бесчинств», но тут же он пишет следующее: «на улицах города еще лежали трупы *турок*, обернутые лицом книзу» [40. С. 122].

Невозможность отрефлектировать не вписывающееся в стереотип приводило к поиску наиболее простого и удобного ему объяснения. Тот же Вас.И. Немирович-Данченко восхищался инициативой и героизмом воинов: «Один едет и захватывает турецкие пушки, другой снимает с позиции целые роты неприятеля, озадаченного смелым и неожиданным появлением болгарского разезда. Третий с таким же разездом берет город» [45. С. 117]. Он позитивно оценивал подобное поведение, даже когда оно приводило к срыву стратегического плана, и эти последствия сам признавал [45. С. 107—110]. Таким и другим случаям правового нигилизма приводились разные объяснения. Например, народность, «отечественность» войны виделась там, где надо было ставить вопрос о подготовленности армии к войне и о работе интендантских служб: корреспонденты часто описывали солдат, облаченных в личную одежду, потому что «казенное добро недолго выдерживает непогоду» [46. С. 128], в узорчатые шерстяные чулки [47. С. 545], в опанки [48. С. 29]. О народном характере воинства говорит данное корреспондентом описание болгарских войск на смотре на фронте. Солдат, дабы легче было нести ружье на плече, подложил объемный початок кукурузы под погон, к оружию были привязаны большие часы с маятником, адъютант же «имеет вид бабы в шлафроке» [46. С. 123—124].

Помимо личных предпочтений, политических взглядов и стереотипности мышления существовала еще одна причина расхождения описанного с действительностью, в которой наблюдатели уже виновны не были. Ею являлось прямое

давление властей. Так, посланник в черногорской столице Цетинье сообщал, что русские корреспонденты, находившиеся в стране, писали «едва ли не под диктовку» монаршего двора, чтобы поддержать «в известной части русского общества желательное королю Николаю настроение» [49. С. 39]. Схожая ситуация сложилась во взятом сербами Скопье. «Ежедневные реляции, составленные сербским Pressebureau по поручению “верховой команды” и подносимые два раза в день корреспондентам, были не только далеки от истины, но по своей фантастичности, по смелости, с которой они составлялись, граничили с насмешкой», — писал русский очевидец, указывая, что при этом представители прессы воочию видели несоответствие сообщений реальному положению дел [50. С. 72–74]. И в данном случае обращение к травелогам, изданным в виде книг после возвращения авторов на родину, более «безопасно», хотя их и значительно меньше: к примеру, из 17 русских журналистов, получивших от болгарского правительства разрешение на пребывание в действующей армии [22. С. 180–183], лишь шестеро опубликовали свои фолианты, и еще один не нашел издателя [37. С. 33]. Если же мы желаем расширить свой круг источников и за счет корреспонденции, то вынуждены вновь обращаться к биографии авторов текста, выясняя, покинул ли он описываемую страну к моменту отправки статьи.

Путевые очерки являются многоплановым источником, и исследованием стран и народов, увиденных авторами, возможности их использования не ограничиваются. Как бы это ни ранило самолюбие историка, но тексты писались не для него, а для современников. Это рождает для нас еще один путь изучения травелогов — в нашем случае анализ представлений русских о Балканах.

Большинство описаний полуострова этого периода выходило в прессе, хотя и со значительным опозданием: корреспонденты, приближившиеся к линии фронта, указывали, что в действительности телеграммы шли до ближайшего болгарского города не по проводу, а на буйволах [40. С. 56], срочные новости приходилось отправлять со специально нанятым курьером, вдобавок не стоит забывать о цензуре в стране пребывания. Благодаря этому, в путевых заметках сложно заметить изменчивость оценок тех или иных участников событий на Балканах, хотя она ярко выражена в статьях обозревателей газет и журналов того времени. Например, воспетый и восхваляемый за мудрость, любовь к России в 1912 г. болгарский царь Фердинанд после Второй балканской войны упоминался как «австриец на славянском престоле», нелюбимый народом и всегда ориентировавшийся на Вену⁶. Но чаще ответственность возлагалась лично на представителей власти и лишь изредка — на народ, потому отношение к нему мало коррелировалось с политической ситуацией.

Опираясь на этот массив источников, можно пытаться восстановить сложившиеся в русском обществе образы балканских народов и государств. Авторы очерков являлись частью того социума, для которого писали, и находились с ним в рамках единой парадигмы восприятия Балкан, поэтому они не только формировали представления о болгарях и сербах, но и ретранслировали уже сложившиеся, тиражировали существующие стереотипы. В силу этого возникает некий уроборос, где в бесконечном взаимовлиянии общества и отдельных его членов формируется образ Балкан и балканских народов.

Вдобавок нельзя не учитывать, что в случае с травелогами и статьями в прессе мы имеем дело с источниками, нацеленными на межличностную коммуникацию, причем с нефиксированным адресатом. Как справедливо отметил П.С. Куприянов, «создавая текст своего “путешествия”, автор неизбежно ори-

⁶ Об этом см. [51–53].

ентировался на ожидания адресата – читателя этого текста» [26. С. 25]. Для путешествий предыдущих эпох были характерны заимствования у предшественников, обращение к их опыту как к более авторитетному, а к описаниям – более искусным⁷. В начале XX в. читателя же интересовали новые детали и личный опыт автора, однако они не должны были затрагивать основ традиции восприятия региона, в том числе и Балкан. Продемонстрированное Н.И. Гасфельдом (по его же определению) «нелицеприятное изложение деятельности балканских народов», их потребительское отношение к России и к славянской идее, вызвало гневные отклики, и, видимо, именно из-за ожидания подобной реакции автор при публикации книги «скрылся» под псевдонимом «Шевалье». В рецензии в журнале «Исторический вестник» (близком к консервативной газете «Новое время») Н.И. Гасфельда обвиняли в том, что он, увидев сравнительно мало, сделал заключения, требующие глубокого знания дела. Следовательно, как указывалось, он был изначально предвзят, а его априорные взгляды «явно критически относятся к действиям балканских славян, заливающих в настоящее время своею кровью поля своих предков». «Едва ли теперь время односторонним суждениям придавать значение беспристрастных заключений», – наставительно замечивалась заметка [55. С. 686–687].

Однако интеллектуальным мейнстримом дело не ограничивалось. Требовалось понимание ситуации и колебаний общественных настроений, чтобы угадать ожидания читателей, а вместе с ним – и издателя. Они уже зависели от политической конъюнктуры. Тут вновь можно обратиться к отношению к Болгарии после Второй балканской войны. Жена болгарского профессора и друга П.Н. Милюкова И. Шишманова Лидия в ноябре 1913 г. отправила в редакцию кадетской газеты «Речь» статью, в которой рассказывала о случайной встрече в поезде с сербским студентом. Передавая разговор и свои мысли, Лидия Драгоманова-Шишманова доказывала несправедливость распределения симпатий России – Сербия лишь пользовалась могуществом своей покровительницы, а Болгария, в которой повсеместен интерес и любовь к России, всегда зовется неблагодарной [56. С. 239–241]. Но статья, которая вполне могла бы появиться весной 1913 г., осенью того же года была нежелательна. «“Речи”, как органу, который обвиняли в болгарофильстве, не совсем удобно выступать с такими статьями», – ответил редактор газеты П.Н. Милюков своему болгарскому другу [57. Ф. 11К. Оп. 3. А. е. 968. Л. 50].

С началом Первой мировой войны подобная самоцензура приобрела дополнительную силу. Корреспондент Петербургского телеграфного агентства в Болгарии Н. Сурин в частном разговоре признавал совершаемые сербами преступления при насильственной сербизации населения Македонии, но не предавал эту информацию огласке, «так как теперь не время». «Сербы – наши союзники, и все, что может ослабить Сербию, для нас вредно», – объяснял он свою позицию в личной беседе [58. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 1782. Л. 1–1об].

Тогда же не могло выйти и дифирамбов болгарам. Это, по всей видимости, обусловило то, что очерк о Первой балканской войне, составленный бывшим добровольцем в болгарской армии Н.К. Самосеевым, так и остался в рукописи. Исходя из текста, он отправил его для публикации лидеру октябристов А.И. Гучкову уже после начала Первой мировой войны, а главной мыслью, выраженной в произведении, являлась высокая оценка боеспособности болгарской армии и необходимость привлечения ее на сторону Антанты [59]. Долго не могла выйти и книга слависта Н.С. Державина о македонском вопросе, в которой доказыва-

⁷ Например, см. про влияние традиции в описаниях Парижа XVII в. [54].

лась несостоятельность сербских притязаний на эти территории. Хотя литературы, освещавшей эту проблему с различных точек зрения, по весне 1913 г. публиковалось немало, осенью того же года денег на труд будущего академика никто не выделил. В конечном счете книгу издали в 1914 г. на средства, предоставленные болгарским правительством [60. Ф. 176К. Оп. 3. А. е. 106. Л. 2–6].

Официальной позицией и «чутьем» издателей, однако, причины следования общепринятой точке зрения на Балканы объяснить нельзя. Человек сам по себе подсознательно старается избежать изоляции и потому склонен не выражать своего мнения, если оно расходится с доминирующим в обществе. Указанный феномен немецкий социолог Э. Ноэль-Нойман назвала спиралью молчания: «Спираль молчания закручивается тогда, когда люди, не желая оказаться в изоляции, постоянно наблюдают за своим окружением, подробно регистрируя, какое мнение убывает, какое распространяется, усиливается» [61. С. 381–382]. и эта спираль после Балканских войн особенно сильно сжалась.

В итоге авторы травелогов были вынуждены идти на поводу у своей публики, иногда дорисовывая ту картину, которую от них ждали, иногда – не изображая каких-то деталей, поскольку от этого зависели отношение к ним в обществе, тиражи и, соответственно, прибыли. В конечном счете создававшиеся произведения несли в себе не только информацию о Балканах, но и царившие в обществе стереотипы и представления о регионе. Как это ни парадоксально, тут недостаток источника превращается в его достоинство.

С направленностью на широкий круг читателей и тем фактом, что источник создавался в рамках определенной культуры и, следовательно, определенного дискурса, связана возможность исследования самой риторики. Так, интересно, что часто происходила подмена понятия «православные/христиане» термином «славяне», чем как бы игнорировалось участие Греции в Первой балканской войне. Однако, несмотря на меньшие симпатии к эллинам, объяснение указанному факту кроется в оппозиции этому термину, которым являлся «германизм», поскольку, судя по прессе, главным врагом Балканского союза выглядела Австро-Венгрия, а не Османская империя [62. С. 462]⁸.

Существует еще одно потенциальное направление исследования русских источников личного происхождения о Балканах – изучение русских нравов того времени. Поскольку «чужое» конституируется на основе «своего», и мы отмечаем лишь различия, то и факты, поражающие очевидцев, говорят не только о культуре описываемых народов, но и их собственной. В данном случае можно указать на удивление корреспондентов от отсутствия барьеров при общении между офицерами и солдатами в болгарской и сербской армиях [12. С. 77; 18. С. 78; 45. С. 248; 47. С. 545; 48. С. 47], равенство всех слоев общества, изумившее донскую казачку, посетившую Болгарию в 1911 г. [64. С. 6]. Иллюстрацией возможностей такого подхода к источнику также служит описание тыла болгарской армии, поразившего на фоне недавней русско-японской войны Вас.И. Немировича-Данченко. Он утверждал, что не было «ни пьянства, ни кутежа, ни разврата», «ни хриплых, распущенных девок особого сорта, выступающих в военное время в заплеваннных кафешантанах, ни утренних переводов бешеных денег домой от щедрот обкрадывающих армию» [45. С. 57]. «Ни увеселений, ни музыки, ни песен, ни единого пьяного [...]». Нет даже граммофона и кинематографа! [...] В десять вечера полная тишина», – удивлялся Е.Н. Чириков [12. С. 91].

⁸ Эту же подмену отметила российский лингвист Л.П. Рупосова, но ее объяснение представляется неверным, поскольку было сделано вне контекста ситуации и основывалось на одном периодическом издании [63. С. 254].

Помимо сугубо исторического использования этих источников остается поле и для смежных дисциплин. Массовый характер описания Балкан в начале XX в. позволяет ставить вопрос о том, в рамках какой терминологии описываются южные славяне, проводить дискурсивный и контент-анализы и проч., но это уже предмет исследования специалистов из других областей науки. В конечном же счете, как мы видим, возможности подхода, условно назовем его, перефразировав А.Л. Шемякина, «Русские о Балканах и балканских народах», довольно широки. Однако необходимо учитывать тот факт, что приходится опираться на источники личного происхождения. А их создателям были присущи обычные людские недостатки стереотипность мышления, предвзятость и т.д. Список опасностей, подстерегающих исследователя в работе с этими материалами, увеличивается в силу того, что у нас довольно мало дневников⁹ и личных писем, в которых адресаты были более откровенны и могли не сверяться с настроениями общества или своего начальства. В большинстве своем мы вынуждены обращаться к травелогам, предназначенным для печати. Однако и тут сознательные искажения можно обратить во благо — они позволяют нам судить о той общественно-политической ситуации, в которой были созданы изучаемые произведения.

Таким образом, требуется отказаться от слепого позитивистского пересказа источника и в большинстве случаев обратиться к неочевидным фактам, найти то, что, говоря словами великого французского историка М. Блока, «автор дает нам понять, сам того не желая» [67. С. 37]. Русские описания Балкан и балканских народов, усыпанные подробностями и деталями, являются прекрасным материалом для этого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Белов М.В. Стереотипы, ментальные карты, имагология: методологические априоры // Открытие «братьев-славян»: русские путешественники на Балканах в первой половине XIX века. СПб., 2018.
2. Белов М.В. Славянская тема в путевом дневнике П. И. Кеппена: от сентиментализма к романтической этнографии // Славяноведение. 2011. № 2.
3. Белов М.В. «Службное» славяноведение в России первой половине XIX века // Славяноведение. 2012. № 4.
4. Белов М.В. «Славянский характер»: русские публицисты, литературные критики и путешественники первой половины XIX века в поисках народности // Диалог со временем. 2012. № 39.
5. Прокудин Б.А. Идея славянского единства в политической мысли России XIX века: генезис, основные направления и этапы развития. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2007.
6. Сучалкин Е.А. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. В оценках российских современников. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Белгород, 2013.
7. Кочуков С.А. Общество, правящая элита, армия Российской империи и Русско-турецкая война 1877–1878 гг. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Саратов, 2012.
8. Гусев Н.С. Первая Балканская война и русское общество // Славяноведение. 2015. № 5.
9. Кострикова Е.Г. Первая Балканская война и российское общество // Вестник Университета дружбы народов. Серия «История России». 2009. № 4.
10. Кострикова Е.Г. Геополитические интересы России и славянский вопрос: Идеинная борьба в российском обществе в начале XX века. М., 2017.
11. Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб., 2002.
12. Чириков Е.Н. Поездка на Балканы. Заметки военного корреспондента. М., 1913.

⁹ Едва ли не единственным счастливым исключением является дневник профессора П.А. Кулаковского за 1878–1881 гг. [65. С. 70–111]. В случае с Балканскими войнами 1912–1913 гг. пока ни один не известен. По предположению А.Л. Шемякина, секретарь русской дипмиссии в Белграде В.Н. Штрандтман писал свои мемуары, основываясь на дневнике, но этого документа пока не найдено [66. С. 19].

13. *Шемякин А.Л.* Особенности политического процесса в Сербии глазами русских (последняя треть XIX – начало XX века) // Славяноведение. 2010. № 5.
14. *Шемякин А.Л.* Русские очевидцы о специфике политического процесса в независимой Сербии (1878–1914) // Человек на Балканах глазами русских. СПб., 2011.
15. *Езерник Б.* Дикая Европа: Балканы глазами западных путешественников. М., 2017.
16. *Лавров П.А.* Балканский союз и Сербия. СПб., 1913.
17. *Семиз Д.И.* Сербский народ накануне войны // Славянский вопрос в его современном значении. СПб., 1913.
18. *Табурно И.П.* О сербских битвах (впечатления очевидца войны сербов с турками 1912 г.). СПб., 1913.
19. *Шемякин А.Л.* Введение // Русские о Сербии и сербах. Т. 1: Письма, статьи, мемуары. СПб., 2006.
20. *Шемякин А.Л.* Post scriptum // Человек на Балканах: Особенности «новой» южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС в 1878–1920 гг. М., 2016.
21. *Шемякин А.Л.* Сербские сочинения П.А. Ровинского (первичное осмысление и перспективы исследования) // Славяноведение. 2017. № 3.
22. *Шипчанов И.* Вестители на бойна слава (военните кореспонденти през Балканската война от 1912–1913 г.). София, 1983.
23. Нива. 1913. 16 II.
24. Вестник Европы. 1913. № 2.
25. *Осоргин М.* Заметки старого книгоеда. Воспоминания. / Сост., примеч. О.Ю. Авдеевой. М., 2007.
26. *Куприянов П.С.* Представления о народах у российских путешественников начала XIX в. // Этнографическое обозрение. 2004. № 2.
27. *Станчев М., Чернявский Г. Л.Д.* Троцкий, Болгария и болгары. София, 2008.
28. *Todorova M.* War and Memory: Trotsky's War Correspondence from the Balkan Wars // Perceptions: Journal of International Affairs. Vol. XVIII. № 2 (Summer 2013).
29. *Троцкий Л.* Перед историческим рубежом. Балканы и Балканская война. СПб., 2011.
30. *Нюркаева А.З.* Балканы во взглядах Троцкого. Пермь, 1994.
31. *Шемякин А.Л. Л.Д.* Троцкий о Сербии и сербах (военные впечатления 1912–1913 гг.) // Историки-слависты МГУ: Кн. 9: В.А. Тесемников: Исследования и материалы, посвященные 75-летию со дня рождения В.А. Тесемникова. М., 2013.
32. *Ганин А.В.* Болгары – выпускники Николаевской военной академии в Гражданской войне в России // Славянский альманах 2012. М., 2013.
33. *Станчев М.Г.* Болгары в Российской империи, СССР, странах Балтии и СНГ. Харьков, 2016.
34. *Ганин А.В. И.Г.* Пехливанов – один из первых историографов Первой балканской войны // Модернизация vs. война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913). М., 2012.
35. *Ганин А.В.* Българиянтъ защитил Русия: Съдбата на Йордан Пехливанов. София, 2014.
36. *Пехливанова К.* Биография Йордана Георгиева Пехливанова / Публ. Гусев Н.С. // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2018. № 1–2.
37. *Гусев Н.С.* Патриарх отечественной военной журналистики Вас.И. Немирович-Данченко и его корреспонденция с Первой балканской войны // Studia historiae Bulgariae et Europaе Orientalis. К юбилею Т.В. Волокитиной. М., 2018.
38. *Шелудко Н.* Иван Николаевич Кашинцев (Калина) // Исторически преглед. 1967. Кн. 3.
39. *Кострикова Е.Г.* Российское общество и внешняя политика накануне Первой мировой войны 1908–1914. М., 2007.
40. *Мамонтов Н.П.* с болгарскими войсками от Балкан до Чаталджи. М., 1913.
41. *Дрейер В.* Разгром Болгарии. Вторая Балканская война 1913 г. СПб., 1914.
42. Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998.
43. *Липпман У.* Общественное мнение. М., 2004.
44. *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. СПб., 1913. Т. XV.
45. *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. СПб., 1913. Т. XIV.
46. *Пиленко А.А.* Около Болгарской войны. Дневник и сорок девять любительских фотографий. СПб., 1913.
47. *Сахаров М.В.* С сербами к Скутари (впечатления) // Русские о Сербии и сербах. Т. 1: Письма, статьи, мемуары. СПб., 2006.
48. *Мартины Е.И.* Серб в войне с царем Фердинандом. Заметки очевидца. М., 1913.

49. *Хлебникова В.Б.* Роль династических связей России и Черногории в выстраивании политического сотрудничества на рубеже XIX–XX веков // Славяноведение. 2015. № 1.
50. *Шевалье Н.* Правда о войне на Балканах. СПб., 1913.
51. *Гусев Н.С.* Болгарское военное руководство в оценках русских журналистов в период Балканских войн // Российско-болгарские научные дискуссии. Российская и болгарская государственность: проблемы взаимодействия. XIX–XXI вв. М., 2014.
52. *Иванов А.А., Ренников А.В.* «Болгарская измена»: русские правые о вступлении Болгарии в Первую мировую войну на стороне Центральных держав // Новейшая история России (Modern history of Russia). 2014. № 3.
53. *Котов Б.С.* Межсоюзническая война лета 1913 года в восприятии русского общества (по материалам прессы) // Новая и новейшая история. 2015. № 3.
54. *Федоров С.Е.* «Увидеть Париж и...»: путевые заметки юного англичанина // Одиссей: человек в истории. 2009.
55. Исторический вестник. 1913. № 5.
56. *Гусев Н.С.* Профессор Иван Шишманов на защите болгарских интересов в Петербурге в 1912–1913 гг. // Дриновски сборник (Дриновський збірник). Харків; София, 2017. Т. X.
57. Научен архив на Българската академия на науките (НА-БАН).
58. Государственный архив Российской Федерации.
59. *Гусев Н.С.* Неизвестный очерк о Болгарии периода Балканских войн 1912–1913 гг. // *Bulgatica, slavica et rossica*. Научный сборник в честь заслуженного профессора Московского университета Людмилы Васильевны Гориной. М., 2019 (в печати).
60. Централен държавен архив на Република България (ЦДА).
61. *Нозль-Нойман Э.* Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М., 1996.
62. *Гусев Н.С.* Тема славянского единства в русской периодической печати во время Балканских войн 1912–1913 годов // Историки-слависты МГУ: Кн. 8: Славянский мир: в поисках идентичности. М., 2011.
63. *Рупосова Л.П.* Лингвистические средства оценивания события и его участников (на материале публицистических источников периода первой и второй Балканских войн (1912–1913 гг.)) // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: история и современность. М., 2015. Вып. 3.
64. Письма крестьян. Сборник второй. Пг., 1914.
65. *Кулаковский П.А.* Дневник // Русские о Сербии и сербах. Том II (архивные свидетельства). М., 2014.
66. *Шемякин А.* «Балканские воспоминания» Василия Штрандтмана // Родина. 2014. № 8.
67. *Блок М.* Апология истории или ремесло историка. М., 1973.

СОЗДАНИЕ РУМЫНСКОГО ФРОНТА В КОНЦЕ 1916 ГОДА: ПОЛИТИКА ВЗАИМНОГО КОМПРОМИССА МЕЖДУ СОЮЗНИКАМИ АНТАНТЫ НА ВОСТОКЕ

© 2019 г. М.В. Оськин

*Канд. ист. наук, доцент Института законовения
и управления Всероссийской полицейской ассоциации (г. Тула)
E-mail: maxozv@yandex.ru*

Вступление Румынии в Первую мировую войну на стороне Антанты в августе 1916 г. неизбежно предполагало сотрудничество с союзником по Восточному фронту – Российской империей во всех отношениях. Военное взаимодействие двух стран после осенних поражений и отступления в Молдавию вылилось в создание Румынского фронта, формальным главой которого являлся румынский король, а фактическим – русский генерал. Тактика взаимного компромисса позволила союзникам, минимизировав недоверие и недовольство друг другом, углубить сотрудничество военного времени, что позволило Румынскому фронту стать наиболее устойчивой единицей на Востоке вплоть до выхода России из войны.

Romania's entering in World War One on the side of Entente in August 1916 implied a multifaced cooperation with the new ally on the Eastern front – the Russian Empire. Military interaction of the two sides after the autumn defeats and retreat in Moldavia ended with the establishing of the Romanian Front with the King of Romania as its formal commander and the Russian general as an actual one. Their tactics of mutual compromises let the allies to deepen their cooperation in the wartime. As a consequence, the Romanian Front remained a stable unit in the East up to Russia's quit from the war.

Ключевые слова: Румынский фронт, падение Бухареста, помглавкорум Сахаров, военное сотрудничество, миссия Бертело, союзники по Восточному фронту.

Keywords: Romanian front, fall of Bucharest, Pomglavkorum General Vladimir Sakharov, military cooperation, mission of Bertelo, allies in the Eastern Front.

DOI: 10.31857/S0869544X0003668-7

Военные действия румынской армии в 1916 г., в начальный период участия страны в Первой мировой войне (август–ноябрь), закончились поражениями на всех фронтах (Трансильвания, Добруджа, сражение у Фламанды) и потерей столицы. 23 ноября австро-германские войска вступили в Бухарест, объявленный «открытым городом», чтобы избежать разрушений и гибели гражданского населения. К началу декабря, спустя неделю после поражения всех армий (кроме 4-й), общая численность румынских

войск, оставшихся под руководством короля Фердинанда I, не превышала 70 тыс. штыков [1. С. 108].

Таким образом, основная тяжесть борьбы на румынском театре военных действий легла на Российскую империю, по мере возможностей увеличивавшую военную поддержку незадачливого союзника. Падение Бухареста и отступление остатков румынской армии на север, в румынскую Молдавию, побудили русскую Ставку верховного командования в спешном порядке усилить российскую группировку в Дунайской армии В.В. Сахарова, сражавшейся в Южных Карпатах 9-й армии П.А. Лечицкого, а также во вновь формируемых армейских соединениях.

Прежде всего, следовало нарастить мощь Дунайской армии. К концу ноября 1916 г. в Молдавию, на дорна-ватренское направление были переброшены: 26-й армейский и 3-й кавалерийский корпуса из состава 9-й армии; 2-й армейский корпус из 7-й армии; 36-й и 34-й армейские корпуса с Западного фронта; 40-й армейский корпус из состава Особой армии. В октябре удары русской 9-й армии сковали в горах части 1-й и 7-й австрийских армий, отсрочив тем самым австро-германское наступление в Румынию. Это была новая 9-я армия, специально созданная для действий на северном участке Румынии, дабы позволить 4-й румынской армии двигаться в центр страны. Прежние войска 9-й армии, которые находились в ее составе еще в сентябре, были объединены с 8-й армией под управлением А.М. Каледина, и отправлялись в Румынию.

После поражения под Бухарестом румынское командование поспешило вывести остатки армии из-под ударов неприятеля и сколь возможно быстро отойти на северо-восток, навстречу подходившим русским войскам. Тем не менее, общее превосходство противника в численности и разрозненный ввод русских подразделений в бои, по мере прибытия на фронт, позволили германскому командованию фельдмаршала А. фон Макензена теснить союзников по Антанте к рубежу реки Серет. Весь конец года прошел в ожесточенных боях на северо-востоке. Линия фронта стабилизировалась только тогда, когда плотность войск на единицу его протяженности стала нормальной по меркам Восточного фронта.

Российское командование в попытке оказать продвигающемуся врагу достойное сопротивление перебросило в Румынию конные соединения. Кавалерия двигалась быстрее пехоты, а ситуация не позволяла медлить. Тем более что применение конницы было оправдано, ибо австро-германские авангарды также состояли из конных частей. Указания Ставки командующему Дунайской армией В.В. Сахарову от 30 ноября предполагали, что «создавшаяся обстановка на Румынском фронте требует принятия самых решительных мер, дабы остановить развитие успеха противника и не подвергнуть поражению по частям наши подходящие части. На румынскую армию рассчитывать нельзя. Вследствие затруднений в железнодорожных перевозках подать скоро перевозимые в район сосредоточения корпуса не представляется возможным. Признается необходимым безотлагательно двинуть из состава Вашего фронта все, что можно из кавалерийских частей, поддержанных стрелковыми дивизионами, заменив их на позиции пехотными частями». Конницу надлежало отправлять в район Ажуд, а 47-й армейский и 4-й Сибирский корпуса отвести «в район Браилов – Галац, сохраняя в то же время за собой переправы через гирла Дуная у Мачина, Исакчи и Тульчи» [2. Ф. 2085. Оп. 1. Д. 15. Л. 7].

Остановить неприятеля русская конница в одиночку не могла. Армейские же корпуса еще только подходили к Молдавии. Здесь, на линии государственной границы, начался настоящий коллапс, так как румынские беженцы переправлялись в русскую Бессарабию как конечную цель отхода. Поэтому, подобно австро-германцам, российское командование в ходе отступления с румынской равнины было вынуждено приступить к образованию сводных групп из русских и румынских частей. Как писал в своем письме от 4 декабря командир 8-го корпуса А.И. Деникин, «здесь не особенно благопо-

лучно. Расстройство войск, деморализация и шатание мысли в населении. Взаимоотношения запугались, и мне постоянно приходится то принимать в командование румынские войска, то принимать меры к наблюдению за их фронтом, так как неустойчивость их может отозваться трагически на нас» [3. С. 95].

На первом этапе общего отхода сводные группы, как правило, включали в себя русскую кавалерию и румынскую пехоту. В случае же если совместно действовали кавалеристы союзных войск, то союзное командование старалось обеспечить себе численное превосходство, чтобы получить равенство в огне. Если же участок удерживался русским армейским корпусом, то за него можно было быть уже спокойным. Другое дело, что на всю линию фронта русской пехоты не хватало, а немцы перебрасывали в Румынию все новые и новые контингенты, пользуясь остановкой операций на всех прочих фронтах (Верден, Сомма, Галиция). Чем больше румынской территории оказалось бы в руках блока Центральных держав, тем больший продовольственный паек могли получить войска и население Германии и ее союзников.

Образование смешанных групп войск позволило сбить темпы неприятельского наступления. Одной из таких наиболее значительных союзнических группировок стала так называемая группа Вранча в составе двух русских кавалерийских дивизий, а также двух пехотных и двух кавалерийских румынских дивизий, защищавших подступы к долине реки Серет и городу Фокшаны. Городок Фокшаны, находящийся приблизительно в 150 верстах от Бухареста (по прямой линии), был важен благодаря трем обстоятельствам. Во-первых, он находился у реки Серет, что позволило бы союзникам, в случае его удержания, иметь подготовленный для последующего контрнаступления плацдарм. Во-вторых, район Фокшан прикрывал южные укрепления русской 9-й армии, сосредоточенной в Карпатах. В-третьих, Фокшаны — это одна из промежуточных станций на железнодорожной магистрали Яссы — Бухарест, где первая точка находилась в руках русских, а вторая уже контролировалась австро-германцами. В любом случае, чем больше километров железной дороги оставалось бы в руках союзников, тем лучше оказывалось бы исходное положение в преддверии кампании 1917 г.

Соответственно, в районе Фокшан, куда, помимо прочего, противостоящие стороны могли перебрасывать подкрепления по железной дороге, развернулись наиболее ожесточенные бои. К 16 декабря австро-германцы вплотную подошли к Рымнику — другому городку на той же железной дороге, от которого до Фокшан оставалось всего около 30 км. Русско-румынские войска еще удерживались на линии Рымник — Исакача — устье Дуная, но в декабрьских боях русские были отброшены за Фокшаны, где фронт и стабилизировался прямо накануне нового года.

В декабре 1916 г. Фокшаны приобрели особенно важное значение для неприятеля, так как русские войска сумели удержать Галац, хотя фронт вплотную подошел к этому городу, контролировавшему не столько Дунай (все равно устье Дуная было занято немцами), сколько ветку Галац — Рени, соединявшую Румынию и Российскую империю. Галац — это плацдарм союзников на южном берегу Дуная, обеспечиваемый железной дорогой (через реку — паромы) для того, чтобы сосредоточить здесь сильную группировку для контрнаступления. Поэтому штаб фельдмаршала Макензена предпочел понести дополнительные жертвы в затухавших боях на Румынском фронте, но занять Фокшаны.

Как и бельгийский король Альберт I, румынский король Фердинанд I также стал королем без королевства с минимальными вооруженными силами под собственным началом (временной столицей Румынии стали Яссы, комендантом которых был назначен Е.М. Казакевич: российская Ставка первоначально хотела перевести штаб фронта в Кишинев, но румынский король отказался [2. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 422. Л. 147]). Но если бельгийцы по определению не могли сдерживать германский натиск в начале войны, то румыны стали заложниками бездарности собственного военно-политического руководства и несогласованных действий союзников.

Стратегическая некомпетентность румынского командования и быстрое продвижение австро-германцев на восток побудили российскую Ставку к принятию экстренных мер. Простая переброска сил не позволяла достичь эффективного результата. Требовалась новая организация, которая упорядочивала бы управление русскими войсками, находящимися в Румынии. Главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта А.А. Брусиллов, которому подчинялись действовавшие в Румынии российские войска, жаловался на то, что не может надлежащим образом руководить и 9-й армией в Карпатах, и Дунайской армией в Добрудже. Кроме того, в Румынию спешили все новые и новые соединения, объединить которые под управлением одной армии было невозможно. Да и сам фронт к середине декабря 1916 г. растянулся более чем на 500 км. Передача российских войск в подчинение румынам просто означала их уничтожение. Поэтому в Ставке было принято единственно верное решение — о создании нового фронта.

Еще 24 ноября, на следующий день после падения Бухареста, Верховный главнокомандующий император Николай II повелел сформировать новый, уже 5-й по счету, фронт, первоначально называвшийся Южным. Вследствие затянувшихся на неделю переговоров с румынским королем о прерогативах союзники не могли отладить соподчинение между собой: Сахарову уже сообщили, что он будет назначен командующим новым фронтом, но приказ император отдал лишь 1 декабря: «Румынский фронт надлежит считать выделенным из состава Юго-Западного фронта с 12 часов 3-го сего декабря; в состав фронта, кроме румынских армий, включаются 4-я и Дунайская армии; последнюю предположено именовать 6-й армией» [2. Ф. 2085. Оп. 1. Д. 15. Л. 8].

В середине декабря Румынский фронт наконец сформировали. Его штаб первоначально расположился в Бырладе, а затем переехал в Яссы. Основой фронтового управления стал штаб Дунайской армии, сами же войска передавались в подчинение штабу 6-й армии, который был образован на основе штаба 24-го армейского корпуса и штаба 6-й армии, до того прикрывавшей столичный район от угрозы со стороны Балтики. Основной проблемой в решении румынской задачи стал вопрос соподчинения между союзными армиями, румынским королем и российским императором, румынскими штабами и российской Ставкой.

Обойти союзников при образовании фронта было невозможно в силу монархической традиции. Поэтому новообразованный Румынский фронт находился под номинальным командованием румынского короля Фердинанда I с прямым подчинением русской Ставке. Фактическое же командование осуществлял помплавкорум — помощник командующего Румынским фронтом — В.В. Сахаров. Румынские армии подчинялись штабу фронта, а следовательно, на практике, русскому командованию. Приказ начальника штаба Верховного главнокомандующего от 5 декабря за №1683 гласил, что румынский король принимает на себя главнокомандование «русскими и румынскими войсками, действующими на вновь образуемом Румынском фронте».

Разумеется, создание фронта совместными действиями не могло пройти гладко, тем более с румынами, чувствовавшими французскую поддержку, но понимавшими, что без соподчинения не обойтись. Телеграфные переговоры по вопросу о создании единого командования в Румынии начались в середине ноября, накануне падения Бухареста, между Ставкой и представителем русского командования при румынской Главной квартире М.А. Белявым как посредником между русским и румынским командованием. В разговоре 20 ноября генерал-квартирмейстер Ставки М.С. Пустовойтенко заметил, что на данный момент вместо двух дивизий по конвенции в Румынию уже назначено до 30 дивизий. Следовательно, задачи русских и румынских армий сделались общими, а потому Дунайскую, румынскую и формируемую русскую 4-ю армию надо объединить в новый фронт, что начальник штаба верховного главнокомандующего (наштаверх) М.В. Алексеев уже высказал императору.

Главкомандующим новым фронтом с самого начала предполагался румынский король, но фактическим главкомом должен был стать русский генерал со своим штабом. По совету румынского премьер-министра И. Брэтиано была принята формула, по которой румынский король подчиняется не русскому императору (одна коронованная особа не может подчиняться другой), а — директивам штаба верховного главнокомандующего. Беляев был озабочен формой, в которой следовало представить решение королю, чтобы оно не вызвало «с его стороны обиды» и не привело к дальнейшим недоразумениям в будущем». Ибо король «до крайности самолюбив и постоянно опасается, дабы какая-либо мера не уронила его престижа в глазах румын». Спустя два дня Беляев телеграфировал в Ставку, что король согласен на русские условия создания Румынского фронта. В телеграфном разговоре с Пустовойтенко 23 ноября он еще раз подтвердил, что румынский король подчиняется русскому императору как верховному главнокомандующему и будет выполнять его директивные указания: «Вчера король прямо сказал, что как [главнокомандующий союзными армиями на Западном фронте французский] генерал Жоффр объединяет все командование на Западном фронте, так же необходимо, чтобы государь император объединял все командование на фронте Восточном». Дабы избежать возможных проблем, Беляев уговорил короля дать письменное подтверждение на французском языке [2. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 520. Л. 1а–10, 14–15, 19, 23, 33–36, 42–43].

Первоначально румыны хотели сохранить специальный румынский штаб, что было бессмысленно, так как все должны подчиняться штабу русско-румынской группы армий под российским командованием. К тому же Беляев сообщил о недопустимости присутствия в штабе французских советников короля (миссии генерала А.-М. Бертело): «Они все еще стараются выдвинуть себя на первый план, хотя положение их до некоторой степени уже поколеблено», их лучше использовать в качестве инструкторов румынской армии. Такая опасность действительно существовала: в телеграмме в Ставку русский военный агент в Румынии полковник А.А. Татаринов упомянул, что румынский начальник Генерального штаба Д. Илиеску предложил Бертело «быть фактическим начальником штаба короля, предложив себя в помощники», так как считал, что на назначение русского начальника штаба «король и румынская Главная квартира согласятся» [2. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 420. Л. 18–19]. Следовательно, дабы не допускать ненужного трения в работе штаба фронта, французы должны были быть выведены из его состава.

Беляев сообщил, что окружение короля «ревниво относится к нашим распоряжениям» (под Бухарестом Брэтиано даже настаивал на том, чтобы российские войска подчинялись румынским генералам). Поэтому необходимо проявить осторожность при выборе русского помощника — он и его начальник штаба «должны совершенно свободно владеть французским языком. Это необходимо для того, чтобы не только заставить себя понять в разговоре с королем, но и чтобы можно было в деталях обсуждать вопрос, возражать королю и не оставлять у него впечатление, что благодаря незнанию языка вопрос остался неясным и недостаточно разъясненным». Тем не менее Беляев полагал, что «по всем видимостям, король примет известие о новом фронте доброжелательно, так как теперь совершенно ясно, что спасение возможно только со стороны России». В конечном счете, в Ставку была послана телеграмма короля на французском языке, на которой Николай II, после доклада и совещания с временно исполняющим дела (врид) штабаверха В.И. Гурко, поставил резолюцию «согласен». Помощником главнокомандующего армиями Румынского фронта — короля Фердинанда I — был назначен В.В. Сахаров. Ставка в телеграмме Сахарову сообщила, что главкомом считается румынский король, но следует исполнять только исходящие от императора Николая II директивы относительно операций, управления войсками, снабжения. Помглавкорум должен представлять королю эти директивы, следить и отвечать за их выполнение [2. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 422. Л. 68–75, 108, 228].

Следовательно, румынский король, поступившись частью своих прерогатив, все-таки нашел в себе политическую волю, чтобы пойти навстречу русским доводам о целесообразности разрешения проблемы соподчинения русских и румынских войск на Восточном фронте. Несомненная заслуга Фердинанда I заключается в том, что он достаточно быстро понял, что румынская армия не готова к современной войне и преодолел инертное сопротивление своего генералитета, на первых порах не желавшего тесного сотрудничества с русскими. Пример — назначение командующим русско-румынскими войсками в Добрудже, объединенными в единую армию, русского генерала А.М. Зайончковского уже 26 августа, спустя всего две недели после вступления Румынии в Первую мировую войну.

И теперь, в конце года, потеряв кадровую армию, столицу и большую часть своей страны, румынский король осознал, что предлагаемый русской стороной компромисс является наиболее оптимальным решением, ибо львиную долю союзных войск Румынского фронта составляли русские. Лучшие человеческие качества короля неоднократно подчеркивали участники тех событий. Одно из интересных описаний Фердинанда I в воспоминаниях дает сын Д.Г. Щербачева, командовавшего Румынским фронтом в 1917 г.: «Король удивительно симпатичен. Он не красив. Его очень портят оттопыренные уши, поэтому он всегда снимается в профиль, так как нос у него красивый. Оригинальна его фигура, когда он без пальто. У него очень тоненькие ножки, выгнутые назад и порядочный животик, то есть впечатление вопросительного знака получается. Как человек он очень хороший, удивительно благородный, симпатичный, неглупый, но очень слабовольный, очень веселый [...]. Очень любезный, и до того даже, что его любезность стесняет» [4. Ф. 5936. Оп. 1. Д. 577. Л. 2об.].

Оперативное подчинение румынских войск русскому руководству состоялось. Юридически подписывал приказы румынский король, но реально они исходили от русских военачальников. Таким образом, тот самый наиболее выигрышный вариант взаимодействия русских и румын — немедленное подчинение всех румынских частей Ставке в качестве отдельной армии Восточного фронта — в конце концов осуществился.

По сути, проблема соподчинения русских и румынских войск была решена в русской Ставке, где видели, что румынам для реорганизации требуется время, а отдельных действий допускать было бы ни к чему. Еще 23 ноября Гурко сообщил Сахарову о новом назначении, предложив приступить к формированию штаба фронта: предполагалось сформировать новый, Южный фронт под командованием румынского короля. Соответственно, «Его Величество изволил остановить свой выбор на Вас как на ответственном помощнике Короля с предоставлением Вам прав главнокомандующего фронтом по отношению к русским войскам, входящим в состав фронта» [2. Ф. 2085. Оп. 1. Д. 15. Л. 4].

Получив новое назначение на повышение, В.В. Сахаров должен был реформировать свой штаб, а кроме того — разобраться с составом русской миссии в Румынии, так как теперь именно он становился ближайшим русским сподвижником румынского короля. Эта миссия для Сахарова была не то чтобы желательной. Еще в конце октября, только-только приняв под командование Дунайскую армию, Сахаров просил не включать румын в состав Дунайской армии и вывести их всех из Добруджи. Он считал, что положиться можно только на русские войска, и телеграфировал в Ставку, что «тыл Дунайской армии, ограниченный лишь Дунаем, до чрезвычайности стеснен, и представляется безусловно необходимым расширить район армии и к северу от Дуная если не на всю Бессарабскую губернию, то хотя бы на Измаильский уезд и соответствующую часть румынской территории», т.е. опереться прежде всего на русский тыл, дабы не связываться с союзниками. Главное же, по мнению Сахарова, «особенно точно, подробно и определенно должно быть выяснено и установлено положение Дунайской армии в отношении румынской армии и короля, которых я почитаю лишь соседом, с коим

обязан держать боевую связь и добрососедские отношения, но отнюдь не более» [2. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 420. Л. 31–34]. Судьба распорядилась иначе, и сотрудничать с румынами Сахарову пришлось в гораздо больших масштабах, нежели в Добрудже. Генерал плохо знал французский язык, принятый в румынской элите, вследствие чего ему приходилось для взаимодействия с румынами общаться с королем Фердинандом на немецком языке.

Из офицерского состава русской военной миссии в Яссах Сахаров ходатайствовал оставить в его распоряжении нового военного агента В.А. Палицына, русского посланника в Румынии А.А. Мосолова и того же А.А. Татиринова [2. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1266. Л. 66, 90], который просил дать ему полк в Финляндской дивизии, куда и убыл в начале 1917 г. Относительно же главного лица миссии — М.А. Беляева, то о взаимоотношениях с помглавкорумом говорит телеграмма Мосолова в Ставку от 30 ноября о необходимости удалить Беляева, хотя король ему и доверяет, так как «очевидно, что генерал Сахаров с ним не уживется». Сахаров не желал советоваться с Беляевым по военным вопросам, между тем как последний, занимая до августа 1916 г. пост начальника Главного управления Генерального штаба, разумеется, считал необходимым вмешиваться в руководство фронтом. В Ставке решили не торопиться, и 2 декабря Беляев получил указание Ставки «ввести Сахарова в курс всех дел и помочь ему разобраться в той сложной обстановке, в которой вы так ясно ориентируетесь» [2. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 422. Л. 199–202, 249]. Но все-таки в начале 1917 г. М.А. Беляеву пришлось покинуть Румынский фронт, чтобы стать последним военным министром Российской империи.

В штаб фронта Сахаров забрал начальника штаба Дунайской армии М.И. Шишкевича, с весны 1915 г. являвшегося начальником штаба 11-й армии, которой до назначения в Румынию в октябре 1916 г. командовал Сахаров. Вместо себя на должность командующего Дунайской армией Помглавкорум предлагал начальника 5-го Сибирского корпуса Н.М. Воронова, а до его прибытия врид командарма стал начальником 4-го Сибирского корпуса Л.О. Сирелиус [2. Ф. 2085. Оп. 1. Д. 15. Л. 4об.]. Однако Дунайская армия вскоре была упразднена, ее войска в основном переданы в 6-ю армию, которую возглавил А.А. Суриков. Инспектором артиллерии фронта до середины декабря оставался М.Н. Андреев.

В генерал-квартирмейстерскую часть фронта старый генерал-квартирмейстер Сахаров полковник В.М. Черемисинов взял себе в помощники полковника Берха; начальник оперативного отделения капитан Крушевский — капитанов Базаревича и Артемьева; начальник разведывательного отделения капитан Дубяго — капитана Биттенбиндера и ротмистра Кирпотенко, переводчиками — штабс-капитана Гарца и прапорщика Скобиолу. Большой проблемой являлась нехватка переводчиков. 10 декабря Шишкевич сообщал в Ставку: «Для связи со штабами румынских войск, находящихся на фронте, совершенно необходимо назначение в мое распоряжение не менее 4 офицеров генерального штаба, знающих французский язык, так как командирование для этой цели офицеров генерального штаба от войсковых и армейских штабов, тем более от штаба фронта, не представляется возможным». Новый генерал-квартирмейстер Ставки А.С. Лукомский отправил на Румынский фронт капитанов Ростова, Голешкина, Ожаровского, Лесли, Иордана, Чебыкина и Ласточкина, причем последний отправлялся во 2-ю румынскую армию, о чем ходатайствовал командовавший этой армией А. Авереску [2. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1266. Л. 3а, 127, 129, 153, 185]. В штабе Дунайской армии служили четыре переводчика. После образования Румынского фронта во фронтовом штабе стало шесть переводчиков, и в каждой армии фронта — еще по три человека. Должность исполняющего обязанности генерала для поручений при помглавкоруме занял М.М. Воронов; в конце года, в связи с трудностями снабжения Румынского фронта, в штаб был назначен второй генерал-майор для поручений [2. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 283. Л. 9; 68].

Начальником военных сообщений армий Румынского фронта первоначально оставался занимавший этот пост в Дунайской армии полковник Б.С. Стеллецкий, а в декабре его сменил начальник военных сообщений Одесского военного округа А.А. Колпаков. Стеллецкий стал начальником Этапно-транспортного отдела Управления военных сообщений Румынского фронта. Помощником Колпакова назначался А.Я. Месснер (ранее – помощник начальника военных сообщений Кавказской армии). Главным интендантом уже ближе к концу года стал врид начальника окружного интендантского управления Минского военного округа А.Н. Андреев. Главный начальник снабжений – М.И. Кияновский. Интересно, что профессиональные железнодорожники считали, что военные неважно разбираются в задачах железнодорожного транспорта, письмо начальника Юго-Западных железных дорог Э.П. Шуберского министру путей сообщения Э.Б. Войновскому-Кригеру от 1 января 1917 г. констатировало: «На линиях, примыкающих к Одессе, сейчас организуется особый Румынский фронт, который пока дезорганизован и будет приведен в порядок еще нескоро»; Кияновский и Колпаков, по характеристике Шуберского, – «люди совершенно бестолковые» [4. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1068. Л. 5].

К середине декабря 1916 г. Румынский фронт включал 4-ю и 6-ю армии А.Ф. Рагозы и А.А. Цурикова соответственно. С 22 декабря в состав Румынского фронта вошла и 9-я армия П.А. Лечицкого. Итого – 15 армейских корпусов (35 пехотных дивизий) и три конных корпуса (восемь кавалерийских дивизий), часть из которых была вскоре отправлена обратно на другие фронты или в глубокий тыл. Географически русские армии располагались следующим образом: 9-я армия в Карпатах, на стыке с 8-й армией Юго-Западного фронта; по линии дунайских гирл до Галаца – 6-я армия; между 9-й и 6-й армиями, в центре, по рубежу реки Серет – 4-я армия.

Состав войск Румынского фронта к 1 января 1917 года [2. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1030. Л. 115–117]:

	Офицеров налицо	Комплект	Чиновни- ков налицо	Комплект	Солдат налицо	Комплект	Лошадей налицо	Комплект
Боевые ча- сти	15504	-1966	4 982	-1081	829072	-95260	314764	-26555
Запасные войска	1034	+707	87	-17	70833	+59096	1045	-252
Всего во фронте едоков	16584	-2	5 101	-1098	901576	-59131	315996	-26832

К 1 января 1917 г. В 6-й армии числились 4 424 офицера, 189 070 солдат и 45 640 нестроевых при лошадях: 25 662 строевых, 21 337 артиллерийских, 44 069 обозных. В 4-й армии – 3664 офицера, 137 683 солдата и 28 527 нестроевых при лошадях: 32 753 строевых, 17 724 артиллерийских, 24 411 обозных. В 9-й армии – 8 281 офицер, 401 588 строевых солдат и 82 316 нестроевых, при лошадях 33 232 строевых, 43 878 артиллерийских и 72 471 обозный [2. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 404. Л. 23, 72, 111].

К 27 декабря 1916 г. В.В. Сахаров отвел войска на Серетскую позицию, где фронт и стабилизировался. Русские прикрывались естественными рубежами рек Дунай и Серет, одновременно создав на фокшанском направлении, между Фокшанами (немцы) и Марашештами (русские), перевес сил, который позволил

остановить неприятеля. Естественный рубеж оказался весьма кстати обеим сторонам, истощившим силы в маневренных боях в Румынии. Например, приказ командарма 6-й армии А.А. Сурикова от 27 декабря утверждал, что «занятием реки Серет для активной обороны армия закончила труднейший период войны, выпавший на ее долю за последние три недели. Только благодаря вашей несравненной героической доблести, славные войска армии, благодаря искусству и твердости ваших доблестных начальников, противник, имея большое превосходство в силах и преимущества свободы маневрирования, нигде на фронте армии не имел решительного успеха» [2. Ф. 2163. Оп. 1. Д. 1. Л. 232об.].

В свою очередь, остатки румынских войск отправлялись в русский тыл, в Молдавию, где французская миссия А.-М. Бертело занялась их реорганизацией. Из 600 тыс. бойцов середины августа в строю в рядах 2-й армии А. Авереску остались лишь около 70 тыс. 14 декабря румыны донесли в штаб фронта о составе своей 2-й армии: 1-я дивизия — 327 офицеров и 4060 штыков, 3-я — 233 и 5087, 6-я — 301 и 6275, 7-я — 293 и 8341, 12-я — 213 и 4431, 15-я — 624 и 21329 штыков, 1335 сабель, 2-я бригада 5-й дивизии — 133 и 6370, 7-я сводная бригада — 133 и 4715, 5-я бригада каларашей — 1036 сабель. Пополнение войск новобранцами и их обучение — вот задачи, стоявшие перед французами зимой. Здесь энергия генерала Бертело, именно как организатора, проявилась в полной мере. Уже к началу 1917 г., по французским данным, румынская армия насчитывала 179 687 штыков и сабель и 82 545 новобранцев [5. С. 524]. Помимо реорганизации, французы отвечали и за техническое усиление румынской армии. На Восточном фронте уже действовали четыре французских авиационных отряда, а в феврале 1917 г. в Россию прибыли еще два отряда французских летчиков (45 офицеров и 260 нижних чинов и специалистов) с 30 самолетами. Под командованием подполковника Берже их отправили на Румынский фронт [6. С. 94].

Румынская кампания показала низкие боевые качества румынских войск. Все положительные стороны, каковых было немало, оказались нивелированы существовавшей организацией и командованием. Упорство и подчас отчаянная храбрость отдельных румынских частей наглухо блокировались хроническим недостатком вооружения и боеприпасов, а также отвратительным руководством. Высшие штабы, начиная со штаба короля Фердинанда I, как правило, проявили бездарность в руководстве крупными войсковыми соединениями.

Это обстоятельство не было виной, но — бедой неопытных румынских вооруженных сил. Точно так же в начале войны немцы, австрийцы, русские и французы существенно проредили командный состав, убирая из строя наименее подготовленных военачальников. Но тогда все стороны делали это одновременно. Румыны запоздали с участием в войне, полководческие достоинства генералов выяснили только боевые действия, но теперь — против австро-германцев, уже имевших испытанные кадры. В 1915 г. германцы помогли болгарам пройти неприятную стадию самоочищения командного состава, да к тому же болгары наступали против ослабленной сербской армии, по которой главный удар наносили все те же немцы. Румыны же сразу столкнулись с сильнейшей военной машиной, а русской помощи, вследствие собственного отказа от таковой, не было. Вспомним, что А.М. Зайончковский был назначен начальником соединенной русско-румынской группировки уже на 10-й день по вступлении Румынии в войну, а ведь сначала предполагалось, что русский 47-й корпус будет подчиняться румынскому командарму-3. Румынский король, по чьей инициативе состоялось назначение Зайончковского, быстро понял недостатки своего генералитета, но изменить ситуацию было не в его силах, что вызвало тяжелое поражение в Трансильвании и под Бухарестом. В 1917-м году все изменилось.

Командование свело на нет достаточно высокое качество солдатского и обер-офицерского состава румынских вооруженных сил. Об этом же говорят те русские фронтовики, которые поражались отсталости румынской тактики, не говоря уже об оперативном искусстве. Румыны проигнорировали все новое, что появилось за два года Первой мировой войны. Русским приходилось не только сражаться, но и обучать своих союзников современным способам ведения войны, учеба давалась излишней кровью, да и разгромили румынские армии раньше, чем они успели научиться. Например воевавший в Румынии русский офицер вспоминал, что «до прихода русских войск румыны, не имевшие опыта в войне, занимали фронт несплошной линией, плохо наблюдали за незанятыми промежутками, окопов не рыли, рыть их в каменистой почве гор было очень трудно. Офицеры держались обособленно от солдат, были изнежены, многие носили корсеты, румянились. Они командовали своими частями издали: командир батальона сидел в нескольких верстах от передовой и названивал по телефону в роты» [7. С. 32].

Поэтому новым союзником были недовольны в первую очередь как раз те, кто бок о бок с ним находился в окопах. От надежности соседа – румынского подразделения – зависела судьба боя, и, следовательно, жизни русских солдат и офицеров. Так, в своем донесении в Ставку от 26 декабря 1916 г. начальник Кавказской туземной конной дивизии князь Д.П. Багратион утверждал, что существующие взаимоотношения с румынами в конечном счете «могут привести к катастрофическим результатам», «румынская армия ни в моральном, ни в техническом, ни в материальном отношении не подготовлена к ведению серьезных операций. Совместные боевые действия с румынами невозможны [...]. Отношение населения к нам недоброжелательно и даже враждебно, особенно вблизи фронта». Указывая, что все румынские войска выводятся в тыл, русские командиры предлагали не церемониться и сформировать полностью русский фронт в Румынии – в январе румынские части занимали лишь тридцатикилометровый участок из общего протяжения Румынского фронта в 430 верст. Шесть румынских дивизий, еще более-менее сохранивших боеспособность, были сведены во 2-ю армию А. Авереску, а прочие отошли в тыл, где приводились в порядок французскими инструкторами. В итоге князь Багратион предлагал взять управление остатками румынской территории и ее войсками в свои руки, а румынские части на фронте заменить русскими, чтобы застраховаться на время боев от любых неожиданностей [2. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1030. Л. 18об.–19].

Недоверие к новому союзнику со стороны отдельных российских командиров порой приводило к созданию драматических ситуаций, чреватых поражениями. Несогласованность действий между союзниками становилась причиной разрозненности и среди самих же русских частей. Хаотическое управление играло на руку австро-германцам, оттеснявшим русских и румын на север. Например, именно вследствие несогласованности были потеряны Фокшаны, которые, при условии твердого управления, вполне можно было удержать, так как противник уже совершенно выдохся и мог вести бои скорее по инерции, на пределе сил. Защищавшие район Фокшан русско-румынские части, подчиняясь разным высшим штабам, вводились в бой по частям и не могли противостоять атакам германцев. Общее отступление не способствовало твердости управления штабом В.В. Сахарова – получалось, что каждый русский командир зачастую сам определял себе задачи на боевые действия. К.-Г. Маннергейм в воспоминаниях упомянул о факте отхода во время оборонительных боев на подступах к Фокшанам соседней русской части, что повлекло за собой серьезные тактические последствия на этом важном участке фронта. В декабре 12-я кавалерийская дивизия

Маннергейма вместе с румынской бригадой полковника Стурдзе, также входившей в «группу Вранча», совместно с 2-м армейским корпусом В.Е. Флуга и Уссурийской казачьей дивизией А.М. Крымова защищали подступы к долине реки Серет. Однажды утром Маннергейм обнаружил, что генерал Крымов, не предупредив соседей, неожиданно отвел свою дивизию на тыловые позиции. Противник, не теряя времени, поспешил занять центральную часть горной цепи Магура с господствующей над местностью вершиной. В итоге командовавший румынскими войсками на этом участке А. Авереску был вынужден оставить город Фокшаны, над которым явственно обозначилась угроза противника. Попытка контрудара, предпринятая русскими, не имела успеха. Как объяснил причину отхода сам А.М. Крымов, «утратив всякое доверие к румынской армии, я решил вывести дивизию к ближайшему русскому корпусу и там доложить об этом командованию» [8. С. 66–67].

К началу 1917 г. Восточный фронт общим протяжением почти 1800 верст включал в себя четыре фронта: Северный (390 верст; от Рижского залива до озера Нарочь), Западный (480 верст; от озера Нарочь до железной дороги Ковель – Сарны), Юго-Западный (470 верст; до горы Батошу), Румынский (430 верст; до деревни Кислица). Огромное количество войск, сосредоточенных в Румынии и близлежащих районах с обеих сторон, совершенно не соответствовало оперативному значению данного района, условиям местности и времени года. Поэтому уже с конца декабря, как только стало ясно, что сражения затухают сами по себе вследствие усталости войск, и русские, и австро-германцы приступили к переброске части сил и средств на другие театры Первой мировой войны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. М., 1922. Ч. 6. Румынский фронт.
2. Российский государственный военно-исторический архив.
3. *Деникина-Грей М.А.* Генерал Деникин: Воспоминания дочери. М., 2005.
4. Государственный архив Российской Федерации.
5. Французские армии в мировой войне. М., 1940. Т. 8. Восточная кампания. Вып. 2. Издание французского генерального штаба.
6. Военно-исторический журнал. 1973. № 6.
7. Военная быль. 1974. № 128.
8. *Маннергейм К.Г.* Воспоминания. Минск, 2004.

Н.М. МОГИЛЯНСКИЙ ОБ «УКРАИНСКОМ ВОПРОСЕ» И РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ

© 2019 г. Е.Ю. Борисенко

Д-р ист. наук, зав. отделом Института славяноведения РАН.

E-mail: vostslav@yandex.ru

В статье анализируются политические взгляды на «украинский вопрос» известного российского этнографа Николая Михайловича Могилянского, резко отрицательно оценивавшего и деятельность большевиков, и деятельность сепаратистски настроенных лидеров украинского национального движения.

The article analyses political views on the «Ukrainian question» of the renown Russian ethnographer Nikolai Mogiliansky, who judged negatively both about the Bolsheviks activities, and on the separatist-minded leaders of the Ukrainian national movement.

Ключевые слова: Россия, «украинский вопрос», революция, автономия.

Keywords: Russia, Ukrainian question, revolution, autonomy.

DOI: 10.31857/S0869544X0003669-8

Имя Николая Михайловича Могилянского широко известно в современной этнологии. В большинстве случаев обсуждается предложенное им понятие «этнос» как предмета этнографии, значительно меньше внимания уделяется политическим взглядам ученого и предложенные им варианты русско-украинских взаимоотношений. Между тем, последний аспект заслуживает, несомненно, особого рассмотрения.

Н.М. Могилянский родился в Чернигове в 1871 г. в семье судейского чиновника. Николай Михайлович получил прекрасное образование: он закончил естественное отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета, учился и стажировался за границей. Вернувшись в Петербург, Могилянский работал сначала в Музее антропологии и этнографии, а затем – в Русском музее, преподавал в нескольких учебных заведениях Петербурга.

Зоной ответственности Николая Михайловича в Русском музее были Центральная Россия, Малороссия, Новороссия и Бессарабия. Много времени он проводил в полевых экспедициях [1. С. 73]. Полевой опыт повлиял на формирование представлений о «двух культурных типах» и позиции ученого по «украинскому вопросу». Как писал Николай Михайлович, «в костюме, в манере есть, в способе приготовления пищи, в украшениях и орнаменте, в семейных и обще-

ственных отношениях, украинец существенно отличается от своего брата великоруса». Наблюдения, сделанные в великорусской деревне, заставили ученого записать: «Воспитанный в русской школе, на русской литературе и истории, в обществе, которое считало себя русским, я никогда в жизни не чувствовал самого себя более малороссом или украинцем, как здесь, в этой непривычной для меня этнографической среде» [1. С. 74].

Придерживаясь кадетской платформы¹, в период революции Николай Михайлович проявил себя как ярый противник большевиков. После октябрьских событий, в январе 1918 г., он переехал в Киев. Могиянский поддержал П.П. Скоропадского и принял активное участие в политике Украинской Державы: был товарищем государственного секретаря, занимал пост председателя юридическо-редакционной комиссии украинской делегации на мирных переговорах между Украинской Державой и РСФСР, в октябре 1918 г. был назначен главой дипломатической миссии во Францию, но прибыл в Париж уже после падения гетманата. С 1919 г. Николай Михайлович был в эмиграции, жил в Швейцарии, Франции, Чехословакии.

В чем же заключалась особенность взглядов Могиянского на «украинскую проблему»? Во второй половине XIX—начале XX в. в российском обществе широко обсуждался вопрос о значении различий между великороссами и малороссами (см. подробнее [3]). Сторонники концепции «большой русской нации» рассматривали малороссов как часть русского народа, признавая, впрочем, наличие различий между отдельными его частями. Приверженцы «украинского проекта» настаивали, что отличия носят принципиальный характер, что дает основание для выделения особой украинской нации. Поэтому для одних легитимным понятием для идентификации стало наименование «малоросс», для других — «украинец».

Для Могиянского выбор наименования для обозначения населения не носил принципиального характера: «Населенный южноруссами, малоруссами или украинцами, как кому это больше нравится по названию, край этот, не говоря уже о его исключительных природных богатствах, легко доступен и с суши и с моря через Польшу, Румынию и Черное море» [4. Оп. 1. Д. 35. Л. 10—11]. В ответ на ожесточенные дискуссии о существовании отдельного украинского народа Н.М. Могиянский заявил: «Можно, конечно, без конца спорить о том. Существует (так в тексте. — *Е.Б.*) или нет Украина, термин, известный уже в летописи, можно отрицать существование украинцев и признавать лишь малороссов, можно еще больше потратить слов, доказывая, что никакого особого украинского языка не существует, а есть малорусское или южнорусское наречие русского языка, но если мы оставим вовсе в стороне все спорное, то бесспорным все же останется факт существования в южной России особой этнической группы, как бы мы ее не называли — украинской или малорусской, с ей свойственной суммой признаков антропологических, этнографических и лингвистических, группы весьма значительной по числу индивидуумов к ней принадлежавших и имеющей уже значительно изученное территориальное распространение» [5. С. 583—584].

Для Могиянского было важным наличие этнических различий между двумя народами. В очерке «Трагедия Украины» (1919) ученый ссылаясь на антропологические и этнографические изыскания своего коллеги Ф.К. Волкова, согласно которым «1) украинский народ на всей занимаемой им территории отличается

¹ Как писал в 1920 г. украинский еженедельник «Воля», выходявший в Вене, Могиянский «не то был, не то и теперь является русским кадетом» (см. [2. С. 122]).

целым рядом общих для всего его состава этнографических особенностей, которые не оставляют сомнений в том, что он представляет собой одно этническое целое, совершенно определенно выделяющееся из среды прочих славянских народов; 2) в этнографическом складе своей жизни украинский народ сохранил значительное количество остатков старины, доказывающих, что он не подвергался очень глубоким этническим влияниям извне и, несмотря на свою богатую событиями историю, развил свои этнографические черты последовательно и достаточно равномерно; 3) подвергаясь, как и все прочие народы, в известной мере внешним этнографическим влияниям, он ассимилировал некоторые чуждые ему формы, но не в такой степени, чтобы они могли изменить его основные этнографические черты и удалить от общего славянского типа; 4) в частности своего этнографического быта украинский народ обнаруживает наиболее близкое сходство со своими западными соседями, болгарами и сербами, а также с румынами, которые в этнографическом отношении остаются вполне славянским народом. Польша была проводником главным образом культурных влияний европейского Запада. 5) Этнографические особенности белорусов и великорусов оказываются если не идентичными, то весьма близкими к украинским в своих наиболее старинных формах» [5. С. 583]. Могилянский подчеркивал важность последнего положения: «Если первые четыре тезиса, как бы они ни были важны, способны заинтересовать только тех, кто специально работает в области этнографии, то последний вывод, совпадая в конечном результате с выводом чисто антропологических исследований, выходит уже за сферу специального интереса и становится весьма важным для деятелей практической политической и культурной жизни с ее жгучими проблемами текущего дня, и об этом выводе слишком забывают г[оспода] украинские националисты, ибо важны они для всякого культурного человека, будь то украинец или великорус» [5. С. 585–586].

Таким образом, Могилянский критиковал тех, «кто всех одинаково считал русскими – и малороссов, и белорусов, кто все украинское движение считает лишь интригой врагов России». Как подчеркивают современные специалисты, отстаивая самостоятельность украинцев как «этнического типа», Николай Михайлович в то же время считал их частью «русского народа»: «Совсем нового происхождения слово “украинец”, “украинцы” – введенное для обозначения особого этнического типа, который современная наука – антропология и этнография, отличают в общей массе русского народа, который, как известно, делится на три особые ветви: великорусов, малороссов и белорусов. “Украинец” и “малоросс”, следовательно, – синонимы» [1. С. 74–75].

Задаваясь вопросом «как провести границу между Украиной и Россией», ученый замечал, что «в действительности этой границы, строго говоря, не существует ни в географическом, ни в лингвистическом, ни в этнографическом смысле», а «есть ряд весьма сложных переходных форм с очень неопределенной границей» [5. С. 601]. Поэтому «нелегкая задача – определить территорию, на которую должно быть распространено понятие об Украине». Могилянский предлагал руководствоваться не политическим, а этническим признаком, поскольку «власть гетманов распространялась в разные моменты на очень неравнозначные [...] части южнорусской равнины, а потому политическим признаком весьма трудно пользоваться для определения границ украинской территории. Надежнее иной, этнический признак» [4. Оп. 1. Д. 40. Л. 1]. «Сейчас центром распространения малороссов или украинцев, народа с рядом ему свойственных этнографических особенностей, являются следующие 5 губерний: Черниговская (кроме северных уездов), Полтавская, Киевская, Волынская и Подольская. Но этой областью не ограничивается распространение малорусского народа. Мы

встречаем малороссов в большей или меньшей массе в губерниях: Курской, Воронежской, Харьковской, Херсонской, Северной Таврии, Бессарабии, Екатеринославской губернии, на Кубани; колониями: в Саратовской губернии, в Средней Азии и даже в далекой Дальневосточной окраине России — в Уссурийском крае. Всюду сохранили они свой язык и особенности своего бытового уклада» [4. Оп. 1. Д. 130. Л. 94], — считал Могилянский.

И в революционные годы, и в период эмиграции Могилянский много размышлял о существовании «украинского вопроса» и путях его разрешения. Весьма критически он относился к политике царского правительства в отношении украинского населения. «Присоединение Украины к России по Переяславскому договору 1654 г. было, конечно, актом исторической необходимости, актом логическим и неизбежным, но нельзя сказать, чтобы он дешево обошелся украинскому народу, — замечал ученый. — [...] факт превращения свободных людей в крепостных рабов под эгидой русской государственности не подлежит никакому сомнению» [5. С. 588].

Именно в официальной позиции властей империи по отношению к «украинскому вопросу» видел Могилянский причины «трагедии Украины». «Болезнь, загнанная внутрь всем тяжелым аппаратом государственной, административной и полицейской власти, болезнь старая, лишь обнаружила себя во всей ее неприкрытой сущности в послевоенном пароксизме революции» [4. Оп. 1. Д. 120. Л. 38об.], — был убежден Николай Михайлович.

Анализируя развитие украинского движения в Российской империи, Могилянский связывал его с ростом украинской интеллигенции и указывал на значение образования «первого политического общества, известного под названием Кирилло-Мефодиевского братства»: «С тех пор и до самого последнего времени Украина не выходит у русского правительства из подозрения насчет сепаратизма» [5. С. 589]. Репрессивная политика царского правительства имела негативные последствия — «последствия этой политики отразились чрезвычайно губительно на истории русско-украинских взаимоотношений, создав из соседней австро-венгерской провинции Галиции убежище для украинского слова. Загнанное у себя дома украинское слово приютилось под защитой австрийской конституции, и там же дано было убежище для лиц, которые своей деятельностью возбуждали против себя репрессии центральной русской власти» [5. С. 589].

«Как в истории России в целом политическая ссылка и эмиграция создали огромные кадры “революционеров” по профессии, теоретиков революции двух фракций русского социализма — с.-д. И с.р., [...] так и Украина, целиком и давно взятая под подозрение, [...] создала свои кадры украинских революционеров-сепаратистов, нашедших приют в соседней Австро-Венгерской провинции Галиции» [4. Оп. 1. Д. 35. Л. 14–15], — писал Могилянский. «Отчего в сознании русских общественных и политических деятелей вопрос финляндский, вопрос польский не возбуждал никаких сомнений? Отчего первое русское временное правительство на оба эти вопроса ответило ясно и определенно? И только украинский вопрос, гораздо более тяжкий и большой для внутренней жизни России разрешался неуклюже, случайно и под давлением назревавшей катастрофы?», — возмущался ученый [4. Оп. 1. Д. 6. Л. 68об.].

Разбираясь в эволюции украинского движения, Могилянский отмечал, что «обострение сепаратистских настроений в среде украинских патриотов и националистов, совпадает с периодом ликвидации мировой войны. Два элемента содействовали этому обострению: с одной стороны провал попытки создания независимой Украины в 1917–1919 гг., попытки, разбившейся о полное равнодушие массы украинского народа к идее отделения от России. С другой, — усиленная пропаганда и всякое содействие сепаратистским стремлениям со стороны

врагов России в мировой войне: Германии и Австрии» [4. Оп. 1. Д. 130. Л. 95–95об.]. При этом он отмечал полную политическую пассивность украинцев, не разделяющих сепаратистских воззрений [4. Оп. 1. Д. 130. Л. 95об.].

Негодование Могилянского вызывали действия сторонников украинской независимости. Украинские сепаратисты «в своем стремлении оторвать Украину от России большеинко ориентируется на Германию, давно уже, особенно с 1915 г., поставившую карту на создание независимой от России Украины. Меньшинство связывает свои надежды с Польшей. Также, по проникающим сведениям, группируются элементы и на Украине, входящей в СССР» [4. Оп. 1. Д. 130. Л. 95об.]. «Основные черты этой группы составляют: 1) непримиримость по отношению к России, 2) германофильство, 3) безудержная демагогия, 4) стремление к власти во что бы то ни стало» [4. Оп. 1. Д. 35. Л. 15–16.], – с печалью заключил ученый. С.В. Петлюру и В.К. Винниченко он называл «разбойниками»; резко отрицательную оценку вызывали те, кто «самозванно и нагло объявил сепаратизм, как необходимое условие его будущего благополучия» [4. Оп. 1. Д. 6. Л. 69.]. «Своими руками растерзали живое тело своей “неньки Украины” гг. Петлюра, Винниченко и прочие националисты-социалисты, отдали ее сознательно в руки большевиков, ибо живую и здоровую они хотят видеть ее только “самостийною”» [5. С. 600], – писал Могилянский в очерке «Трагедия Украины».

Едва ли не большее негодование Могилянского вызывали действия большевиков. Разбираясь в причинах их успехов, ученый заметил: «Легкость, с которой все это произошло в России в течение первых семи-восьми месяцев после революции, объясняется целым рядом обстоятельств, но достаточно будет упомянуть здесь основные факторы. 1. Люди, ставшие у власти, устранив старый аппарат власти, оказались совершенно бессильными в создавшихся условиях создать необходимый новый аппарат власти. 2. Значительное большинство русской интеллигенции, жившей вне реальных условий жизни, оказалось в рядах разных фракций социализма, но без фактического влияния на массы, они только подготовили победу и триумф большевизма. 3. Темная, некультурная масса народная пошла за заманчивым лозунгом – долой войну с Германией и беспощадная война буржуазии, причем деревенский дикарь без чувства патриотизма и без уважения к чужой собственности все и исполнил точно: бросил окопы, пушки отдал или продал немцам и отправился домой делить землю, скот и всякое имущество вообще. Достаточно известно, как все это было выполнено» [5. С. 594]. Последний пункт представлялся особенно важным. В дневнике он записал: «Украинское население, как и русское, стремилось к двум целям неудержимо:

- к ликвидации тяжелой войны,
- к дележу помещичьей земли.

В этом вся причина успеха большевиков» [6. С. 260].

Могилянский находил в политике большевиков определенную парадоксальность. Касаясь событий конца 1917–начала 1918 г., он замечал: «В самом деле, какие претензии могло иметь правительство Ленина к правительству Голубовича, чем Ц[ентральная] Рада менее на высоте положения, чем с[овет] р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов]? Ведь торжественно, *urbi et orbi* объявлено было самоопределение народов и к тому же специально по украинскому народу с[овет] р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов] вынес резолюцию, где прямо говорилось, что Украина может сделаться самостоятельной, если она того пожелает.

Когда же она этого не только пожелала, но и фактически осуществила свои пожелания, на нее двинуты были войска под тем предлогом, что Ц[ентральная] Р[ада] сплошь состоит из генералов и буржуев (помещиков), хотя это была заве-

домая ложь, ибо в Ц[ентральной] Р[аде] не было ни одного генерала или помещика, а просто мало известные личности, избранные по всему краю без достаточных гарантий выборной техники. Эти господа издали универсал о социализации земли, почти дочиста разоривший помещичьи хозяйства, и вообще в законодательной сфере обнаружили не меньше равноценного по значению творчества, чем и Петербургский совет раб[очих] депутатов. Но тут уже чувствовалась невидимая руководившая всей этой политической иноземная рука» [5. С. 595].

Вообще «иноземной руке» — Германии — Могиланский уделял много внимания в своих работах. По его мнению, события были тонко просчитаны: «Подарить Киеву несколько недель большевистского режима, чтобы показать несогласным с украинцами и тянувшим к России элементам прелести этого единения, а затем явиться в Киев по приглашению правительства Голубовича и с одобрения Центральной Рады» [5. С. 596]. Впрочем, очевидно, что Германии удалось «переиграть» деятелей УНР: «Но уже всего двух месяцев пребывания в Киеве для немцев достаточно было для того, чтобы убедиться, что при хозяйничании Голубовича и К^о им ничего не достанется на Украине, ибо вместо того, чтобы обрабатывать землю, крестьянин будет делить землю, а немцу нужен хлеб, а не социализация земли. Этим объясняется, почему немцы пошли на гетманский переворот, т. к. никакими собственными реальными силами гетман для переворота не располагал» [5. С. 596].

Николай Михайлович критиковал действия лидеров УНР, подчеркивал отсутствие у них выработанной программы действий. Описывая события весны 1918 г. («период между занятием Киева немцами 2 марта нового стиля и концом апреля, когда Украина из народной Республики превращается *de jure* в самостоятельное гетманство, *de facto* — в скрытую зону немецкой оккупации» [7. С. 605]), будущий соратник гетмана отметил, что «украинские деятели, вошедшие в министерство, партийно настроенные интеллигенты разных профессий, в своих теориях, на словах были разного вида и партийного толка социалистами, радикалами, демократами, а в сущности своей вышли из рядов мелкопоместного дворянства, служилого чиновничьего сословия, третьего элемента земств и т. п., были не более как мирные буржуа, часто весьма идеалистически настроенные [...] и только. Не было у них ни разработанного плана, ни технического опыта, ни даже необходимых знаний. Жизнь поставила их в действительно трагическое положение. В критике своей они были сильны и беспощадны, революционный язык им был известен в совершенстве — им они были обязаны своими министерскими портфелями, но когда дело касалось жизни, житейских отношений, а не теории, тут они были совершенно бессильны» [7. С. 612–613].

Гетману и Украинской Державе Могиланский уделял особое внимание. Разбираясь в природе Украинской Державы, ученый считал, что «гетманство было реакцией против социалистических опасных опытов, затеявшихся на Украине» [7. С. 615]. Именно поэтому «вокруг гетманства сгруппировались все элементы и группы антисоциалистические». В то же время для Скоропадского выбор был не простым: «Было большим самопожертвованием со стороны его идти на роль “гетмана всієї України”. Война с Германией еще не была закончена — это ставило его, самого активного участника войны в положение изменника делу Entente. Из немецких рук он принимал гетманскую булаву как эмблему «самостийной» Украины, что в корне для благородных людей шло вразрез с интересами России — он становился также в глазах русских людей изменником России.

Смысл создавшегося положения заключался в одном: спасти Украину, богатейший край, от ужасов большевистской анархии, спасти его для блага его самого и для блага будущей России» [5. С. 596–597]. С точки зрения Могиланского, гетманство было попыткой «сохранить тип государственности и порядка»

[5. С. 600], компромиссом, и, «как всякий компромисс, носило в себе яркие следы фальши» [7. С. 618]. В чем же заключался этот компромисс? «Те, кто хотели вовсе отречься от немцев и до конца идти против них, должны были отдать Украину большевикам, — размышлял Могилянский. — Кто испытал режим большевиков, тот имеет право предпочесть ему любой другой, самый тяжкий, даже морально угнетающий режим иноземной оккупации. Ибо этот режим допускает все же хотя бы ростки, зародыши национальной жизни, школы, культуры; режим большевиков — смерть и запустение. [...] Десятки и сотни беженцев из России на Украину подтвердят то, что гетманский режим, хотя бы и скрытой за ним германской оккупации Украины, был раем по сравнению с ужасом и режимом, которые создала в России советская власть. Спасти от такого разорения богатейший край, огромную площадь южной России была задача не только местного, но и мирового культурного значения. Она была неразрешима вне немецкой ориентации. Но, может быть, скажут: следовало умыть руки и предоставить все и всю ответственность немецким и оккупационным властям. Те, кто так рассуждают, пусть припомнят режим немецкой оккупации в Бельгии, где население осталось живо лишь благодаря американской благотворительной помощи» [7. С. 618].

В данном случае гетман П.П. Скоропадский представлял собой фигуру трагическую: «Скоропадского предали: немцы, когда он стал им не нужен, и украинцы — руководители движения, как и русские, зараженные социалистическими доктринами, и как завистники и соперники в своих притязаниях на власть. Как бы ни старались его осудить и очернить — это был глубоко честный, порядочный человек, настоящий джентльмен. Невероятную слепоту обнаружил Антанта и ее политики, в частности Франция, не поддержав Скоропадского в ноябре 1918 г., когда к тому была полная возможность» [6. С. 260].

Разбираясь в хитросплетениях гетманского правления, Могилянский замечал, что история этого периода «еще далеко не написана», однако несомненно одно: «Скоропадским создано было честное, работоспособное правительство, которое могло с достаточной удовлетворительностью разрешить вопросы — русский и украинский в условиях временного независимого украинского государства. Скоропадский был достаточно русским, чтобы не предать интересов России, он был искренним украинцем, чтобы не дать в обиду украинских интересов. Если бы у украинских «самостийников» было немножко больше государственного опыта и понимания — они обеими руками должны были бы держаться за Скоропадского, который мог составить счастье украинского народа. Судьба решилась иначе. Узкие шовинисты, тупые мыслители и ничтожные, жалкие политики — Петлюра, Винниченко, Порш из Национального союза сделали свое грустное дело развала Украины, подняв восстание против гетманской власти, как ненациональной и реакционной и [...] отдали ее целиком во власть большевистской анархии» [6. С. 261].

«Так что же такое, по существу, украинский вопрос, и как найти его нормальное решение?» [5. С. 600] — задавал вопрос Могилянский. С его точки зрения, «украинский вопрос есть вопрос национальной культуры и не может он разрешаться силою оружия», поэтому «не умно и опасно для будущих судеб самой России: 1) игнорировать украинский вопрос и бороться с самыми законными стремлениями украинского народа к культурному и национальному развитию, 2) всех украинцев считать сепаратистами (выделено в тексте. — *Е.Б.*) и преступниками против России. Среди культурных слоев украинства есть здоровые элементы, которые в тесном единении с Россией видят залог будущего процветания украинского народа и они должны быть призваны для политического и культур-

ного строительства на огромной территории, где живет многомиллионный украинский народ. Без этого не разрешить никакой проблемы Украины, самой жизненной проблемы для будущей могучей и сильной России» [4. Оп. 1. Д. 6. Л. 69].

«Украинская проблема – проблема национальной культуры, слишком обострившаяся в горниле мирового пожара вследствие двух основных факторов: 1) вследствие неразумной, унификационной, слишком централистичной политики по отношению к Украине старой русской власти, 2) вследствие немецкой пропаганды, нашедшей еще почву в соседней Галиции. Проблема эта может быть решена мирным путем, а не оружием» [5. С. 601], – подчеркивал ученый. Борьба «с националистическим движением, вытекающим из здорового чувства и самосознания народа» бесполезно: «Право говорить, думать и писать на родном материнском языке должно быть обеспечено 30-миллионному, богатому творческими силами народу. Нет в мире силы, которая могла бы задушить живое народное слово и загасить народное самосознание, ибо развиваются они постоянно самим подъемом и ростом культуры. Необходимо только направить его в нужное русло. Украинское движение, которому уже больше 70 лет, будет идти неизбежно вперед, пока не примет своего нормального течения. Для этого украинцы должны понять, что не в “самостийности” и не в сепаративных тенденциях их спасение, ибо есть вещи, которые идут в разрыв с природой, и искусственное их достижение чрезвычайно невыгодно и бесполезно» [5. С. 601].

«Русские люди должны понять, что украинский национализм не выдумка отдельных злокозненных лиц, но что чем больше давления и гонения на него, тем более уродливые формы может принимать то, что выражается им, – здоровые зерна, которые лежат в его основе. Пусть не закрывают глаза на тот факт, что создается значительный уже слой национально настроенной интеллигенции и слой этот растет, постоянно пополняется из народной стихии, – убеждал Могилянский. – Украинские интеллигенты со своей стороны должны оставить свой шовинизм, которого нет у народа украинского. Украинские крестьяне считают русских своими братьями, никакой вражды к ним не питают» [5. С. 602]. Более того, «малорусское или украинское население в своей массе никогда не выражало сепаратистских тенденций; последние, наоборот, разбивались о равнодушные к ним народные массы» [4. Оп. 1. Д. 120. Л. 39]. Поэтому «национальное движение должно быть направлено в нормальное русло необходимой, здоровой национальной работой» [5. С. 602].

Как же должен быть разрешен «украинский вопрос»? Могилянский считал, что этнические процессы имеют всегда сложный характер, и «если мы обратимся к современным государствам, то мы увидим, что все почти нации Европы сложились из элементов разнородных, часто весьма различных по происхождению, отличающихся друг от друга, не только по антропологическому типу, но и по языку», приводя при этом пример Франции, Германии и Англии [4. Оп. 1. Д. 130. Л. 95]. Важным было наличие общей «этнической базы»: «Этническая база на огромной территории восточной Европы общая – это народ русский в его трех ветвях. Языковые и этнографические различия не могут быть препятствием для нормального развития отдельных ветвей его в рамках единого государства» [4. Оп. 1. Д. 120. Л. 39].

Могилянский был убежденным сторонником тесного сосуществования Украины и России: «Для этого Россия будущего должна отречься от губившего ее жизненные силы централизма. Отдельные однородные области, особенно с однородным населением, должны получить право сами устраивать свою судьбу и жизнь. Украина должна получить широкую автономию, которая освободила бы ее культурные силы и дала бы им возможность свободно проявить себя» [5. С. 602].

Именно с этой формой государственного устройства связывал Могиланский будущее Украины. При этом он указывал, что «слишком часто злоупотребляли двумя терминами: автономия и федерация» [5. С. 602]. Действительно, особенно активные дебаты об автономии между представителями кадетской партии и украинского национального движения велись накануне Первой мировой войны. Как подчеркивает Т.И. Хрипаченко, требования национально-территориальной автономии, выдвигавшиеся украинскими лидерами, «вызывало негативную реакцию со стороны центральных органов главной либеральной партии (кадетов), но получало положительный отклик со стороны членов ее региональных украинских организаций» [8. С. 123]. После прихода к власти большевиков стал очевидным процесс автономизации украинских кадетов, причем ситуация обострилась после гетманского переворота, когда встал вопрос об участии кадетов в правительстве Скоропадского. 8–11 мая 1918 г. в Киеве состоялся территориальный съезд кадетской партии, который признал возможным участие кадетов в государственной работе и, в частности, персональное вхождение кадетов в состав Совета министров Украинской Державы. При этом делегаты говорили о возможности (и даже необходимости) создания самостоятельного украинского государства в связи с угрозой анархии, не отрекаясь, впрочем, от идеалов единой России. Летом 1918 г. В партии велась полемика по поводу отношения к независимому украинскому государству (см. [9. С. 135–136]).

Могиланский советовал не увлекаться дискуссиями, а сосредоточиться на конкретных действиях: «Здесь гораздо важнее условия о деталях, имеющих практическое значение. Оставаясь автономной в вопросах своей внутренней жизни, Украина не должна вовсе претендовать на самостоятельность в вопросах иностранной политики. Общими с Россией должны быть у нее и Министерство военное, путей сообщения, финансов и таможня» [5. С. 602]. Подчеркивая право украинского народа на культурное развитие, ученый одновременно настаивал: «Не разделения, а наоборот, тесного общения культурного должна искать Украина с Россией, и в этом залог ее будущего процветания и силы. И без русского языка и русской литературы нет еще пока для украинцев выхода на путь широкой мировой культуры, а потому украинцы должны понять, какое преступление перед своим народом совершают они преследованием и гонением, воздвигаемым на русский язык» [5. С. 602–603]. Последнее было особенно актуально, учитывая то, что «насильственная украинизация с искусственным изгнанием всего русского не встречает сочувствия в народных массах». «Не нужно закрывать глаза на действительность: 250 лет общей жизни тесно связали Украину с Россией, украинец понимает прекрасно русский язык и зачастую требует от школы “панского” т. е. русского языка. Всякое насилие в этом смысле никогда не приведет к желаемым результатам, здесь все должно быть предоставлено росту культуры и народного самосознания» [5. С. 603], — писал ученый. Одновременно он подчеркивал: «Но главное, что необходимо должны усвоить себе интеллигентные руководители народных масс в России и на Украине, — это на многие годы вперед забыть о практическом социализме, уже так ужасно истерзавшем несчастную страну» [5. С. 603].

Анализируя перспективы большевистской власти, Могиланский надеялся на существование на Украине здоровых сил. С его точки зрения, «южнорусское, украинское крестьянство [...] никогда не примет социализма ни в какой его форме» (выделено в тексте. — *Е.Б.*), «не примирилось и не примирится никогда с иностранной властью», и в то же время «ни разу во все время революции нигде не было выражено желаниа отмежеваться от России, вступить на путь сепаратизма»: «Украинцы видят в русских своих братьев и никогда не будут враждебны восстановлению мощи России» [4. Оп. 1. Д. 35. Л. 12–14].

Помимо крестьянства, Могилянский надеялся найти поддержку и в среде интеллигенции: «Между тем на Украине существуют интеллигентские круги [...], которые, будучи более умеренными в области социологических планов, не относятся враждебно к единению с Россией и в то же время искренне желают создать нормальные условия для свободного развития народа украинского, содействуя его широкому просвещению и общему культурно-политическому развитию» [4. Оп. 1. Д. 35. Л. 18–19]. Среди политических сил, способных противостоять как большевикам, так и украинским сепаратистам, Могилянский выделяет следующие: «Украинская радикал-демократическая партия, украинские социалисты-федералисты, умеренная социалистическая группа, украинские к.-д. и даже более правые элементы, вместе объединенные могли бы дать новой Украине серьезных, вдумчивых ответственных работников» [4. Оп. 1. Д. 35. Л. 19].

Могилянский в статьях резко критиковал радикальные настроения в украинских эмигрантских кругах, согласно которым «украинский народ ничего общего с русским не имеет ни в этнографическом, ни в культурном отношении, а потому освобождение Украины от угнетения ее Россией возможно в единственной форме – создания самостоятельной Украины, как независимого государства. Так ставится сейчас этот вопрос частью украинской литературы. В идеале сепаратистов – “Единая, Вольная, Независимая Украина – от Карпат аж до Кавказских гор”» [4. Оп. 1. Д. 130. Л. 88об.]. Могилянский с негодованием замечал, что «сейчас в эмигрантской колонии Праги в сферах украинского настроения определенно и резко сепаратистское, и украинцы – не сепаратисты считаются в лучшем случае “окацапленными”, т.е. руссофицированными, в худшем – изменниками своего народа» [4. Оп. 1. Д. 130. Л. 89об.].

Н.М. Могилянский был активным членом образованного в 1919 г. Украинского национального комитета (УНК), который объявил в декларации, что берет на себя временно защиту национальных интересов Украины перед международными политическими деятелями и ставит целью восстановление целостной Украины в ее этнографических границах в форме федерации с Россией [2. С. 120]. Декларация УНК появилась 19 декабря 1919 г., в период работы мирной конференции в Париже. В состав комитета, помимо Могилянского, вошли бывшие чиновники Украинской Державы Скоропадского С.К. Моркотун и А.А. Вишневецкий, а также представители Западной области УНР (В.Л. Панейко, С.Т. Томашевский и др.). УНК в США представлял К. Билык [2. С. 120; 10. С. 180]. Таким образом, помимо бывших чиновников гетманата, в состав комитета вошли также и некоторые деятели делегации УНР на парижской конференции. Украинская делегация раскололась: западноукраинские представители не могли поддержать внешнеполитическую линию директории УНР на союз с Варшавой и признание прав Польши на Восточную Галицию. В этой ситуации галичане вынуждены были искать других союзников. В начале декабря членам этой делегации Панейко и Томашевскому, представлявшим западноукраинский регион, было выражено недоверие, они были обвинены в том, что действовали сепаратно как в галицийских, так и в общеукраинских вопросах, а Томашевского обвинили также в поддержке Скоропадского. 17 декабря дипломаты вышли из украинского представительства [10. С. 180].

Галичане вошли в комитет после того, как командование Украинской галицийской армии в ноябре 1919 г. подписало соглашение о переходе под командование генерала А.И. Деникина, и после поражения последнего под Новороссийском в начале 1920 г. отошли от активного сотрудничества с УНК. В результате, как считают специалисты, его состав фактически сводился к председателю комитета С.К. Моркотуну, секретарю В.В. Цитовичу и члену комитета Н.М. Могилянскому. Комитет «от имени украинского народа распространял ноты к руководству разных

государств, в первую очередь Франции, Великобритании, США, а также издавал агитационно-пропагандистскую литературу на французском и других языках» [2. С. 122].

Могиянский отметил «общую неблагоприятную историческую конъюнктуру» для русско-украинских отношений в период проведения мирной конференции в Париже. Он подчеркивал «опасность отхода к Польше русских или украинских областей», что «обещает в будущем неизбежное столкновение между Польшей и Россией» [5. С. 591]. При этом ученый настаивал, что «и в языковом, и в религиозном, и бытовом отношении, не говоря уже об антропологическом, Украина, несомненно, ближе к России, чем к Польше» [5. С. 601].

В Париже С.К. Моркотун и Н.М. Могиянский решили издавать орган УНК «Bulletin du Comité National Ukrainien a Paris». Вышло два номера – 5 мая и 12 июня 1920 г. В бюллетене публиковались статьи, критикующие политику С.В. Петлюры и польско-украинский военный альянс. Будущее Украины издатели видели в федерации с небольшевистской демократической России, подчеркивали необходимость национально-культурной автономии для украинцев и их равноправного представительства в высших органах власти послевоенного российского демократического федеративного государства. Моркотун и Могиянский поддерживали П.Н. Врангеля [11. С. 91–92]. 15 августа 1920 г. бюллетень трансформировался в журнал-ревю «La Jeune Ukraine», продолжая исполнять функцию печатного органа Украинского национального комитета в Париже. Лозунгами издания были «Sans Russie pas d'Ukraine!» («Без России нет Украины!»), «Sans l'Ukraine pas de Russie!» («Без Украины нет России!») [11. С. 93; 12. С. 106]. Как отметил С.Р. Блавацкий, редакционная политика изменилась: «Если вначале редакция издания рассматривала российский фактор как фундаментальный, определяющий для будущего развития Украины, то позже она кардинально изменила свою позицию и интерпретировала Украину как залог успешного строительства российского федеративного государства». В то же время «редакция издания продолжала поддерживать политику барона Врангеля и выражала солидарность с его политикой касательно Украины. В критике действий “большевистской Директории” и С. Петлюры, деятельности дипломатических миссий УНР за рубежом, украинско-польского военного альянса и украинского сепаратизма четко прослеживается преемственность редакционной политики “La Jeune Ukraine” к своему предшественнику – “Bulletin du Comité National Ukrainien a Paris”» [11. С. 93–94].

Могиянский возлагал большие надежды на Украинский национальный комитет в Париже. В «Записке по украинскому вопросу и о ближайших перспективах, связанных с Украиной», составленной в 1921 г., ученый указал на необходимость учитывать две особенности текущего положения на Украине: «1) признание факта политической революции конца февраля 1917 г. с ее последствиями, 2) признание факта аграрной революции, связанной с переходом земли в руки крестьянства» [4. Оп. 1. Д. 35. Л. 19]. В идеале деятели комитета «видят Россию в виде демократической, федеративной республики, где отдельным нациям предоставлено будет широкое право культурного самоопределения и свободного развития национальной жизни» [4. Оп. 1. Д. 35. Л. 19]. Программа действий для Могиянского была следующей: «1) создать в Париже руководящий политический центр, могущий руководить освободительным движением, 2) создать для целей пропаганды организации и для создания военных кадров украинцев освободительный фонд, 3) помочь всеми силами организации и руководству повстанческим движениям на Украине» [4. Оп. 1. Д. 35. Л. 21].

Ожидания Н.М. Могиянского не оправдались: большевикам удалось удержаться у власти. Поддерживаемая ученым программа трансформации русско-

украинских отношений была сформулирована в период поиска перспектив преобразования бывшей Российской империи и отражала настроения части российского общества. Однако в условиях развития и радикализации революции шли процессы дальнейшего размежевания политических сил, и автономистскому проекту не удалось найти понимания среди деятелей украинского движения в эмиграции. Лидеры УНР утверждали, что члены комитета неизвестны широкой украинской общественности. Украинский еженедельник «Воля» называли УНК «комитетом трех русских агентов», людьми, «которые за деньги могут даже с чертом работать» [2. С. 122].

Не смогли оказать результативную поддержку комитету и лидеры белого движения. Украинский национальный комитет стремился найти контакты с Врангелем и приехал в Крым на переговоры. Как указывает А.В. Иванец, «в декларации УНК, которую правителю Юга России вручил С. Моркотун, провозглашалось, что в основу соглашения с врангелевским правительством должны быть положены три принципа: признание федерации на демократической основе, земельная реформа и вооруженная борьба с большевиками. П. Врангель в ответ заявил, что приветствует сближение с “украинскими массами”, но подчеркнул, что основной задачей является создание реальной силы, способной противостоять большевикам» [2. С. 128]. В 1920 г. комитет развернул деятельность по созданию своих филиалов в странах проживания украинских эмигрантов. Отделения пытались создать в Стамбуле, Белграде, Софии, Нью-Йорке и, возможно, в Германии.

После поражения Врангеля комитет пытался продолжать свою деятельность, активно выступал в период подписания в марте 1921 г. Рижского договора между Польшей и РСФСР и УССР. В нотах УНК раскрывал свое видение украинско-русско-польских отношений. Как указывает украинский специалист, «комитет декларировал славянскую солидарность и необходимость для сдерживания попыток немцев продвинуться на восток создать базу для альянса польского народа, с одной стороны, и русского с украинским, — с другой. УНК заявлял, что предпосылкой такого союза, “кроме наилучшего определения границ, может быть также политика полного невмешательства Польши в дела русские и украинские”. Поэтому комитет С. Моркотуна высказался “против того, что польское правительство держит на своей территории группу украинских эмигрантов во главе с Петлюрой”» [2. С. 129–131].

Постепенно деятельность комитета свертывалась. В августе 1921 г. еженедельник «Воля» сообщил о закрытии структур УНК в Стамбуле и Белграде [2. С. 132]. По словам С.С. Алымова, надежды на демократическую федералистскую Россию и на падение большевиков не оправдались, и Могиланский должен был приспособливаться к жизни эмигранта. В 1923 г. ученый переехал в Прагу, где работал в Педагогическом институте им. Яна Амоса Коменского — учебном заведении, готовящем учителей для будущей постбольшевистской России [1. С. 78]. В эмиграции Могиланский вел активную преподавательскую работу, написал несколько программных текстов по истории, этнографии, современному положению и будущему Украины. Он умер в Праге в 1933 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Алымов С.С.* Украинские корни теории этноса // Этнографическое обозрение. 2017. № 5.
2. *Иванец А.В.* До питання про діяльність паризького Українського національного комітету (1919–1921 рр.) // Український історичний журнал. 2010. № 5.
3. *Лескинен М.В.* Великоросс / великорус. Из истории конструирования этничности. Век XIX. М., 2016.

4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5787.
5. Очерк Н.М. Могилянского «Трагедия Украины». 23 мая 1919 г. // Гетман П.П. Скоропадский. Украина на переломе. 1918 год. М., 2014.
6. Россия и Украина. Из дневников Н.М. Могилянского и писем к нему П.П. Скоропадского. 1919–1926 // Минувшее: Исторический альманах. 14. М.; СПб., 1993.
7. Из очерка Н.М. Могилянского «Украина во время мировой войны» [не ранее 1922 г.] // Гетман П.П. Скоропадский. Украина на переломе. 1918 год.
8. Хрипаченко Т.И. «Автономия» и «федерация» в дебатах либералов и украинских националистов по «украинскому вопросу» // Вестник Омского университета им. Ф.М. Достоевского. 2011. № 1.
9. Пиріг Р.Я. Українська гетьманська держава 1918 року. Історичні нариси. Київ, 2011.
10. Попенко Я.В. Діяльність дипломатичної місії УНР на Паризькій мирній конференції (липень–грудень 1919 р.) // Наук. пр. іст. ф-ту Запоріз. держ. ун-ту. Запоріжжя, 2008. Вип. 24: Соціальні та національні чинники революцій і реформ в Україні: проблеми взаємовпливів (до 90-річчя УНР).
11. Блавацкий С.Р. Украинская русофильская франкоязычная пресса Франции (1919–1921 гг.) // Вестн. Моск. ун-та. 2014. № 2. Сер. 10: Журналистика.
12. Блавацкий С.Р. Українська франкомовна періодика Європи доби національно-визвольних змагань: ідентифікація, систематизація, класифікація // Збірник праць Науково-дослідного інституту пресознавства. 2013. Вип. 3.

ДРАМАТУРГИЯ ФРАНКА ВОЛЬМАНА И РУССКИЙ ТЕАТР

© 2019 г. А. Зеленкова

*Доцент, научный сотрудник Института славяноведения
Академии наук Чешской Республики (Прага)
E-mail: zelenkova.anna@centrum.cz*

Франк Вольман (1888–1969) относится к наиболее значительным чешским компаративистам XX в. в европейском контексте. Забытой оказалась драматургия Вольмана, многие пьесы которого остались в рукописи. Вольман свои трагедии обычно задумывал как литературные драмы, основанные на русской реалистической традиции и славянской балладе. Драматические тексты Вольмана характеризует жанровая гибридикация противоречивых импульсов как симбиоз славянской драматургии и западноевропейского развития, акцент делается на этических вопросах. В его склонности к русской традиции сыграли важную роль визит в СССР в 1937 г. и знакомство с постановкой пьес во МХАТе. Обнаруженная пьеса «Фридлянд» о чешском полковнике Альбрехте из Валленштейна представляет собой попытку возобновить исторические хроники, которая соединяет научный дискурс с искусством.

Frank Wollman (1888–1969) ranks among major figures respected in the twentieth-century Czech comparative studies within the European context. Admittedly, amidst his multifarious intellectual achievements, one endeavour has been consigned to oblivion, that is to say, his dramatic creations, which in the inter-war period remained largely in manuscript. Wollman's tragedies were conceived as verse dramas based on Russian realistic tradition and Slavonic ballads (Pushkin). Typical of his dramatic texts is the genre hybridisation of diverse impulses, namely a synthesis of Slavonic and West European dramaturgies, with special emphasis on ethical issues. Wollman's leaning towards Russian tradition was strongly prompted in 1937 by his visit to the USSR where he familiarised with the dramaturgy of the Moscow Art Theatre. The scenic enactments of Wollman's dramas may have failed to find their way to Czech theatres, nevertheless «Fridland», his newly found play about the Bohemian general Albrecht von Waldstein, deserves attention as an original effort to synthesise a historical account and literary drama, an attempt to fuse scholarly discourse and art.

Ключевые слова: Франк Вольман, чешская славистика, русская драматургия, структуралистская концепция драматического текста, литературная драма.

Keywords: Frank Wollman, Czech Slavic studies, Russian dramaturgy, the structuralist concept of a dramatic text, verse drama.

DOI: 10.31857/S0869544X0003670-0

Франк Вольман (1888–1969) относится к наиболее значительным чешским славистам и компаративистам XX в. в европейском контексте. Будучи членом Пражского лингвистического кружка, вместе с Р. Якобсоном был сторонником

структурной эстетики и феноменологии Романа Ингардена. Понимание Вольманом эйдологии представляло собой морфологическое изучение видов и жанров в связи с генетическими контактами и типологическими аналогиями. Исследователь в своих историко-литературных работах анализировал, в частности, славянскую словесность с точки зрения сравнительно-исторического изучения славянских литератур в рамках европейского контекста, сравнивая формы и структуры литературных произведений. В своей самой значительной работе «Словесность славян» (1928) он сделал попытку сравнительного изучения истории славянских литератур как интегрального единства устного и художественного творчества от ее истоков вплоть до 1918 г. В монографии «Сравнительная методология славянской словесности» (1936) он вел полемику с немецкой национально ориентированной славистикой (К. Биттнер, Й. Пфизнер и др.) и защищал автономное существование славянских литератур как ценностной составной части мировой культуры, в которую входят не изолированные национальные литературы, а отдельные формы в своих структурных отношениях. Будучи начинающим славистом, он уже тогда создал полную карту южнославянского драматургического творчества и первым представил его историю: «Сербохорватская драма» (1924), «Словенская драма» (1925), «Болгарская драма» (1928) и «Драматургия славянского юга» (1930).

После Второй мировой войны весьма плодотворной была деятельность Вольмана в редакциях журналов «Slavia» и «Slovesná věda» и его работа в Международном комитете славистов. На рубеже 50–60-х годов XX в. Вольман в выступлениях на международных съездах славистов уделял внимание прежде всего вопросам методологии историко-литературного изучения, связанным со сравнительным изучением славянских литератур. Монографии «Славянская общность в языковом и литературном возрождении у славян» (1958) и «Славизмы и антиславизмы в Весну народов» (1968) доказывали не только зарождение и развитие идеи славянской взаимности, но и проявления отличий в разных их модификациях в эпоху национального возрождения славян.

Забытой, однако, осталась драматургия Вольмана, которая относится в основном к межвоенному периоду: «Богокороль», «Лодка на море», «Великая Моравия» и другие, причем многие пьесы остались в рукописи и были обнаружены лишь недавно («Фридлянд») [1. S. 19–21, 48–49]. В начале 20-х годов XX в. отдельные пьесы были поставлены на сцене Словацкого национального театра в Братиславе и в театрах Праги, Брно, Пльзенья. Лишь в некоторых словарных статьях указаны названия его пьес и лишь коротко подчеркивается его участие в основании Академии музыки им. Яначека в сентябре 1947 г., где он в 1948–1949/1950 гг. был первым деканом театрального факультета [2–6.]. В творчестве Вольмана как представителя авангардного поколения проявлялись типичные противоречия между наукой и собственной творческой деятельностью, своим нравом, он был «тип скорее аристократический, явно индивидуалистический» [7. S. 164]. Первым драматическим произведением была философско-лирическая трагедия «Богокороль» (1921) [8], которая в пяти действиях рисовала историческую личность Александра Великого и отражала неоднозначные отношения между западным индивидуализмом и восточным коллективизмом. Уже в этом первом драматургическом произведении появилась типичная для Вольмана тематика, исследующая «отношение личности к целому и к порядку, трагичность богокоролья и исключительность»¹. Здесь автор полемизировал с ницшеанством и под «богокоролевством» понимал представление о новой религии-

¹ Франк Вольман в письме Эмилу Пацовскому от 08.03.1920 г. [9].

озности и новой социальной вере, путь к которой напрасно искал Александр Великий, погибший потому, что не смог избавиться от своих сильных эмоций и субъективного «эго». Через некоторое время он определил общую идею как преодоление собственного индивидуализма и романтического титанизма: «В “Богокороле” я [...] воле к власти, воплощенной в лице Александра, противопоставил индийского паломника. Воля Александра к власти ослабевает при познании Нирваны. Это смысл моего Александра и это также отражение моего мировоззрения той поры»².

«Богокороль» был издан только как книга и на сцены театров не попал, однако вторая по очереди драма «Рагислав» [11] получила государственную премию по драматургии и уже в марте 1922 г. была поставлена на сцене Словацкого национального театра в Братиславе. Пьеса была посвящена Ярославу Влчеку как выражение уважения к его историко-литературному творчеству, символизирующему корни и перспективы чешско-словацкого сотрудничества в области культуры. Было важно то, что автор в этой пьесе актуализировал традицию Великой Моравии как исходной точки идеи чехословацкой государственности и культуры, т.е. он объявил себя сторонником идей общего государственного образования двух народов. В середине 1920-х годов Вольман расширил «Рагислава», создав великоморавскую трилогию с названием «Великая Моравия», первой частью которой является «Моймир» и заключительной — «Святоплек» [12]. Тем самым этот обширный драматургический текст, вопреки автономии трех своих частей, более широко символизировал исторический смысл и миф нового чехословацкого государства. В образах великоморавских правителей автор указывал на то, что новые ценности формируются через сверхличесные жертвы и человеческие трагедии. Каждый персонаж как носитель определенной идеи, определенной миссии, кажется, наиболее близок автору. Рагислав показан здесь как идеальный государственный деятель, стремящийся к примирению Запада и Востока и к ненасильственному включению языческих традиций в христианские. По мнению чешского слависта Иво Поспишила, великоморавская трилогия Вольмана — это «скорее мистический образ или экспрессионистская драма, переполненная романтическими контрастами, восклицаниями [...] трагическими любовными страстями и смертью», где «распределение персонажей не может не напомнить нам “Братьев Карамазовых” Достоевского» [13. S. 377].

Интересно, что происхождение «Богокороля» и «Рагислава» было связано с намерением Вольмана написать монографическую статью о русской драматургии, которая, несмотря на существующие наброски вводных тезисов, написана не была, так как автору не хватало сведений о современных советских авторах. Несмотря на это, данная идея стала «порогом, через который я приступлю к изучению русской революции и к ее изображению в драматических произведениях»³. Вольман имел в виду концепцию трилогии, описывающую отдельные этапы революции как ценностный конфликт индивидуалистического и коллективного восприятия. В общем, он хотел после «Богокороля» и «Рагислава» создать большую массовую драму о русском мужике, которая «должна стать третьей степенью идеи Богокороля на сцене» [14].

После включения «Рагислава» в великоморавскую трилогию и в связи с нереализацией статьи о русской драматургии молодой автор к этим своим планам больше не вернулся. Они остались на уровне творческого воображения. В последующей пьесе — экспрессионистской сатире в трех актах «Лодка на море» [15]

² Франк Вольман в письме Альберту Пражаку (не датировано, написано, вероятно, в начале 1950 г.) [10].

³ Франк Вольман в письме Иржи Поливке от 05. 11. 1920 г. [14].

Вольман в отношении жанра колебался между социальной утопией и аллегорией, которая вытекает из основной ситуации пьесы — посреди океана на спасательной лодке плывут четыре человека, которые спаслись при крушении океанского теплохода, направлявшегося в Америку. Действие, которое происходит в период до воображаемой следующей мировой войны, сигнализирует возможный конец человеческой цивилизации.

Пьесы Вольмана имели характер экзистенциальных и исторических фресок, созданных как литературные драмы, которые были, между прочим, основаны на русской реалистической традиции и славянской балладе (Пушкин). Ею он занимался в своей статье «Путь Пушкина к балладной драме» [16], в которой со структуралистской точки зрения соотносил композицию исторической трагедии «Борис Годунов» с шекспировской теорией «коллективного театра». Вольман предпочитал классическую драму рубежа XIX и XX вв. с натуралистическо-социальными и лирико-психологическими элементами (Толстой, Чехов, Горький и др.), которая предвосхищает модернизм и поэтику экспрессионизма. Драматургические тексты Вольмана, воплощающие всегда конкретную идею, отличающуюся сверхличной символической силой, характеризует жанровая гибридизация противоречивых импульсов как симбиоз славянской драматургии и западноевропейского развития, однако акцент делается на этических вопросах. Часто наблюдается и полярность западной и восточной цивилизаций. С этой полярностью гиперболизированные персонажи не способны справиться, так как жаждут великого революционного подвига, но не способны отказаться от собственных моральных убеждений.

Всклонности Вольмана к русской традиции сыграли важную роль визиты в СССР в 1937 г. и знакомство со спектаклями МХАТа, которые высоко оценил еще в 1929 г. его учитель на философском факультете Карлова университета в Праге, романист и компаративист Вацлав Тилле в сборнике публицистических очерков «Москва в ноябре». Вольман во многих текстах [17–20], в частности в статье «Наблюдения о V театральном фестивале» [21], дал оценку двадцатилетнему юбилею советского театра в области драмы и отчасти и оперы. В сценической практике московского фестиваля он отметил пьесы с музыкальными и подвижными элементами, исходящими из эпической традиции русского народного искусства и синкретически актуализирующими разнообразные ритмические формы — мимику, пантомиму, пение и танец; адаптации классических произведений (Кальдерон, Шекспир, А. Толстой и др.) и классические реалистические пьесы русской драмы XIX в. (Гоголь, Островский), в том числе и революционные тексты и тексты о созидательном труде (Погодин, Гусев и др.), которые потребовали поисков соответствующего вида нового сценического стиля, в котором «нет места фотографической реальности» [21. S. 240], а необходимо выдвигать идеи, несущие чувства нравственности, которые участвуют в современном развитии и «характере нового общественного строя» [21. S. 241]. Именно данный этос, который должен избегать импрессионистской, кубофутуристической и конструктивистской эксцентричности (Вольман на сцене допускал только символические намеки), формирует «знаковость» формы постановки, основанной на динамической связи единого театрального пространства, наполненного актерами и зрителями. По мнению автора, современная советская драматургия, вершиной которой он считал режиссерскую практику В.И. Немировича-Данченко и методы воспитания молодых актеров в духе К.С. Станиславского, естественно возвращается от авангардистских экспериментов к тому, «что всегда было собственной задачей театра: к сценическому слову, к мимике актера и к психологической иллюзии» [21. S. 242]. В ответе на анкетный вопрос «Что значит для меня СССР» Вольман подвел итоги, сказав, что современный советский театр, отождествленный с современным реализмом, благодаря своему нравственно-социальному этосу является

оживлением античного типа трагедии, «возвращением того времени, когда театр [...] был одним из самых важных культурных явлений...» [22. S. 51].

Вольман во время своего визита в Советский Союз в 1937 г. посетил в Ленинграде постановку чешской классической оперы «Проданная невеста» Бедржиха Сметаны в Малом оперном театре (режиссер П. Румянцев, дирижер Ф. Штидри). Ленинградской публике чешская музыка была близка благодаря ее доходчивости и, в частности, благодаря ее мелодике и ритмике. Отклику зрителей, по мнению автора, способствовала и свободная обработка либретто Алексеем Толстым. Она, с одной стороны, тематически подчеркнула главную идею пьесы, основанную на народных типах, оптимизме и жизнерадостности, с другой стороны, приблизила постановку оперы к русской традиции путем пополнения хоровых номеров и вставкой «акробатических и эквилибристических цирковых элементов» [20]. В общем советская драматическая и оперная постановочная практика превосходит традиционный реализм нравственно-этическим пафосом, который увлекает зрителей. Театральное чудо «никогда не выражалось только в мистике и в символе, но и в этическом соединении сцены и зрительного зала» [17].

После возвращения Вольмана из Советского Союза Отдел литературы Клуба художников в Братиславе обратился к нему с просьбой прочесть лекцию. Вольман назвал ее «Перелом в советском театре». Из тогдашних откликов ясно, что лекция, на которой присутствовало много слушателей (в дискуссии выступили, например, известный словацкий драматург Йозеф Грегор-Тайовский и историки литературы Милан Пишут, Андрей Костольный и др.), вызвала большой интерес [23–26]. Вольман дал в ней характеристику эволюционным изменениям советского театра, начиная с В.Э. Мейерхольда и А.Я. Таирова и заканчивая учеником К.С. Станиславского Е.Б. Вахтанговым и молодым режиссером Н.П. Охлопковым. Довоенный Мейерхольд, по мнению докладчика, отличался стилизацией и символизацией сцены, подчеркиванием эффектной визуализации театрального выступления, в то время как Таиров видел сценическое пространство как определенный знак. Из этого вытекает антилитературный и антиживописный характер его драматического стиля. Чудо чистой театральной манеры отличается, прежде всего, экономией театральных знаков. Таиров будто бы указывал на факт, что предметом театрального изображения является не реальность, а только иллюзия. Однако этот иллюзорный театр не существует вне действительности, и поэтому социальная предпосылка должна определять реализацию актерской манеры. В советскую эпоху Вахтангов, а потом также Охлопков в своем режиссерском подходе требовали, чтобы театр не только своими текстами, но и как учреждение решал реальные проблемы коллектива. С другой стороны, они подчеркивали лиричность, поэтическое выражение и эмоции, в которых эстетические компоненты должны иметь приоритет перед физиологическими и техническими. Перелом в советском театральном искусстве носил, однако, скорее социальный, чем художественный характер, «как всякая другая художественная манера он представляет собой деформацию с ясным замыслом» [23], должен атаковать воображение зрителя во всех компонентах коммуникации, должен, по мнению Вольмана, отличаться определенным «театральным инстинктом» как имманентной закономерностью театральной «атаки» на действительность.

Драматургические тексты Вольмана начала двадцатых годов XX в. из-за их сценических требований ставили довольно редко, но, к примеру, вновь обнаруженная пьеса «Фридлянд» о чешском полковнике Альбрехте из Валленштейна заслуживает внимания, поскольку она представляет собой попытку возобновить исторические хроники и соединяет научный дискурс с искусством (ср. [27]). Эту пьесу, которая сохранилась в единственном экземпляре (находится в необрабо-

танном и незаархивированном до сих пор наследии Ф. Вольмана, которое хранится у А. Зеленковой), Вольман писал в качестве своего «магнум опус» в годы протектората — в 1941–1944 гг., сопроводив ее научными статьями по теме о Валленштейне в чешской и мировой литературе. Это была полемика с немецкой историографией, толковавшей Валленштейна как борца за Великую Германию. Традиция художественного изображения этого полного противоречий лица исходила из известной драмы Фридриха Шиллера «Валленштейн». Вольман, однако, хотел реабилитировать чешского полководца как человека действия и политика, стоящего рядом с такими великими реформаторами, какими являются Я. Гус или Я. А. Коменский. Понимание драмы как специфической структуры в виде эстетического объекта значило, что более серьезный акцент делается на тексте, представляющем собой интенционально и на специфическом языке выраженную действительность (ср. [28]). Пьесу по политическим причинам нельзя было ставить даже при изменившейся общественно-политической обстановке после февраля 1948 г. Валленштейна, с точки зрения марксистской истории, понимали как аристократа, оторванного от народных масс, и поэтому положительное изображение этой личности противоречило эстетической норме социалистического реализма.

В данной ситуации Вольман свои аргументы в пользу публикации драмы «Фридлянд» черпал, кроме прочего, из опыта советской драматургии. Он исходил из стремления объяснить балладную хронику с историческим фоном на основании дискуссий о социалистическом реализме в Советском Союзе тридцатых годов. Вольман в 1938 г. в журнале «Československé divadlo» опубликовал статью «Новый русский театр» [29], где дал оценку советской театральной практике, в частности, режиссерской поэтике основоположников и других представителей МХАТа, как, например, К.С. Станиславского, В.И. Немировича-Данченко, Н.И. Евреинова, В.Э. Мейерхольда, А.Я. Таирова, Е.Б. Вахтангова и др. Социалистический реализм он понимал как многослойное и ценностно-дифференцированное «сообщение в образах». Восприятие социалистического реализма как эстетического выражения со «значительной сложностью знаков» привело Вольмана к мнению, что в пределах этого направления могут применяться разные подходы (ср. [29]). Социалистический реализм — это не синтез романтизма и реализма в смысле «натурального» образа действительности, а специфическая структура, включающая в себя в соответствии с ингарденовской феноменологией слой предметный (объектный), слой формы, но и область схематизированных аспектов.

Социалистический реализм — это не механическое продолжение предыдущих -измов, хотя он исходит из конкретного исторического опыта. Свой окончательный вид он приобретет только в новую эпоху, которая может продолжаться несколько столетий. Определяя его суть, необходимо будет «постигнуть самые основные настроения, дух времени [...] эволюционную ценность общечеловеческую, в подлинном смысле слова социальную» [30]. Писатель, объявляющий себя сторонником социалистического реализма, должен считаться с комплексностью «плана выражения» и «плана художественных приемов».

Вольман, на которого с самого начала его карьеры ученого влиял структурализм, в качестве важного принципа социалистического реализма наметил соблюдение нравственной и социальной сущности действительности и стремление к «воплощению ее в произведении, в частности, в его смысловой составляющей, которая определит выбор из слоя предметного» [30. S. 75]. Русский вклад, по мнению Вольмана, заключался в том, что в изображении действительности он подчеркивал ее социальную и нравственно-этическую сущность. Во многих полемиках об отличительных чертах социалистического реализма на

рубеже сороковых – пятидесятих годов XX в., в которые Вольман вступил со своей статьей «Социалистический реализм как культурная эпоха и художественный стиль» [30], и одновременно в реакции на упрек в непонимании тезисов Сталина о языкознании Вольман пришел к заключению, что единство противоположностей содержания и формы даже в драматической форме имеет иерархическую, политематическую структуру, которая по своей интенции приобретает разное эстетическое качество.

Вольману, стремившемуся (однако без успеха) на рубеже сороковых и пятидесятих годов издать пьесу, теоретическая аргументация не помогла. Несмотря на это, он продолжал ссылаться на опыт современной советской драматургии – в наследии автора сохранились набранные корректуры неопубликованной статьи «Брожение в советской драматургии и Охлопков» (текст не опубликован, не является частью официального архива наследия Ф. Вольмана и хранится у А. Зеленковой). Вольман в статье критически определил свое отношение к формальным достижениям Таирова и Мейерхольда в тридцатые годы. Он, обсуждая пример советского режиссера Николая Охлопкова, который в марте 1948 г. со своим московским Театром драмы гастролировал в пражском театре 5 мая, встал на сторону Станиславского и его поэтики, которая режиссерской свободе и сценическим экспериментам предпочитала текст и реалистический замысел в драматическом строе. Современный театр должен показывать человека и исторического героя в конфликтах, поэтому драматическое искусство требует не только «записи» действительности, но, в частности, совпадения формы между идеей автора и ее обработкой. В случае несоблюдения этих принципов угрожает опасность стирания индивидуальности и разнообразия стилей социалистического реализма, который невозможно сузить до классовой точки зрения и ангажированного творчества. Поэтому авторы пьес могут находить нравственные конфликты и в сложных исторических темах. Всегда важна художественная обработка.

Стремление показать Валленштейна как положительную историческую личность в рамках художественной рефлексии в пятидесятые годы XX в. не могло быть успешным. Директивное установление обязательного метода социалистического реализма значило специальный, целевой взгляд на прошлое народа и культурное наследие. Концепция искусства как орудия классовой борьбы вытекала также из кампании против космополитизма в гуманитарных науках. Осенью 1951 г. Франка Вольмана как члена редакции журнала «Slavia» и бывшего члена Пражского лингвистического кружка обвинили в распространении компаративистики как западной «буржуазной» науки и в пропаганде исторической поэтики А.Н. Веселовского. Художественные размышления о Валленштейне как определенном символе, открывающем дискуссию о смысле чешской истории, были несовместимы с эстетикой и идеологией социалистического реализма после февраля 1948 г. Борьба Вольмана за драму «Фридлянд», в которой автор стремился использовать свои знания советской классической драматургии, остается историческим напоминанием о праве на свободу художественного выражения, а также конкретным доказательством столкновения моральных принципов довоенного интеллектуала с неблагоприятной обстановкой пятидесятих годов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Zelenková A.* Bibliografia Franka Wollmana // *Slavista Frank Wollman v kontexte literatúry a folklóru I* / Eds. H. Hlůšková, A. Zelenková. Bratislava; Brno, 2006.
2. *Osolsobě I.* Danost tvorově intencionální aneb wollmanovské opáčko // *Program Státního divadla v Brně.* Brno, 1968. R. 39.

3. *Grund A.* Osobnost Franka Wollmana // Pocta Fr. Trávníčkovi a F. Wollmanovi / Eds. A. Grund, A. Kellner, J. Kurz. Brno, 1948.
4. *Kudělásková M., Burian J.* Dramatik Frank Wollman // List Sdružení moravských spisovatelů 2. 1947–1948. Brno, 1948.
5. *Závodský Ar.* Frank Wollman a divadlo // Sborník prací filosofické fakulty brněnské university. Brno, 1969. R. 18. Č. 16.
6. *Závodský Ar.* Cesty k teatrologii a cesty teatrologie v Brně // Prologomena scénografické encyklopedie. Praha, 1973.
7. *Jeřábek D.* Brno – kulturní město předválečné a válečné. O divadle, literatuře, výtvarném umění a významných osobnostech univerzity v letech 1928–1948. Brno, 2006.
8. *Wollman Fr.* Bohokrál. Praha, 1921.
9. Литературный архив Памятника национальной письменности (ЛА ПНП) в Праге. Фонд Эмил Пацовский.
10. ЛА ПНП в Праге. Фонд Альберт Пражак.
11. *Wollman Fr.* Rastislav. Košice, 1922.
12. *Wollman Fr.* Velká Morava. Bratislava, 1924.
13. *Pospíšil I.* Ke konceptu eidologie/poetiky srovnávacích slovanských literatur v souvislostech díla Franka Wollmana // Stil. Beograd, 2012, Knj. 11.
14. ЛА ПНП в Праге. Фонд Иржи Поливка.
15. *Wollman Fr.* Člun na moři. Praha, 1923.
16. *Wollman Fr.* Puškinova cesta k baladické dramatice // Slovo a slovesnost. 1937. R. 3. Č. 1.
17. *Wollman Fr.* Sovětský divadelní festival // Lidové noviny/ 1937 R. 45. № 481.
18. *Wollman Fr.* Sovětský divadelní festival // Lidové noviny. 1937. R. 45. № 493.
19. *Wollman Fr.* Z festivalového zápisníku // Lidové noviny. 1937. R. 45. № 513.
20. *Wollman Fr.* Prodaná v Leningradě // Lidové noviny. 1937. R. 45. № 500.
21. *Wollman Fr.* Poučení z V. divadelního festivalu. Praha – Moskva // Revue pro kulturní a hospodářskou spolupráci ČSR a SSSR. Praha, 1937–1938. R. 2. Č. 7.
22. *Wollman Fr.* Co mně znamená SSSR // In: Československo Sovětskému svazu k 20. výročí. Sborník projevů. Praha, 1937.
23. *M.M.* Bratislavská debata o sovietskom divadle // Slovenské zvesti. 1937. R. 2. № 203.
24. Přednáška prof. Fr. Wollmana o sovietskom divadle // Slovenský denník. 1937. R. 20. № 238 (не подписано).
25. *K.* [= Kostolný, Andrej]. Súčasná ruské divadlo // Slovenská politika. 1937. R. 18. №. 239.
26. Literárne piatky v Umeleckej besede // Národné noviny. 1937. R. 68. № 121 (не подписано).
27. *Zelenková A.* Historická dramatika Franka Wollmana (nevydaná dráma Fridland) // Aktuální problémy současné slavistiky (jazyk – literatura – kultura – politika) / Eds. I. Pospíšil, M. Zelenka, A. Zelenková. Brno, 2015.
28. *Zelenková A.* Pokus oblikovnega eksperimenta v dramski ustvarjalnosti Franka Wollmana: prispevek k strukturalni teoriji drame // Primerjalna književnost. Ljubljana, 2017. L. 40. № 3.
29. *Wollman Fr.* Nové ruské divadlo // Československé divadlo. 1938. R. 21. № 2; № 4; № 5; № 6; № 7; № 9. (специальный выпуск: Praha, 1938).
30. *Wollman Fr.* Socialistický realismus jako kulturní epocha a styl umělecký // Slovesná věda. 1948–1949 R. 2. Č. 2.

МИРЫ ХОРВАТСКОГО РЕЖИССЕРА ОЛИВЕРА ФРЛИЧА, ТЕАТРАЛЬНОГО ПРОВОКАТОРА И ПРАВДОИСКАТЕЛЯ

© 2019 г. В.И. Косик

*Д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН
E-mail: kosikviktor@mail.ru*

Текст связан с освещением творчества хорватского режиссера Оливера Фрлича, нестандартные постановки которого широко известны как в самой Хорватии, так и в мире. В спектаклях ставятся вопросы, темы, в которых исследуется недавнее военное прошлое Хорватии, критикуется национализм, присутствует тема покаяния и тема разной реакции зрителей.

The text is connected with the reflection of the work of the Croatian director Olver Frlić, whose non-standard stagings are well known both in Croatia, and all over the world. In his performances, questions related concerning the recent military past of Croatia are formulated, nationalism is criticised, the motive of repentance is central for and all this provokes different reaction of the audience.

Ключевые слова: Фрлич, режиссер, спектакль, провокация, зло, покаяние, национализм, фашизм, преступление, «свой», «чужие».

Keywords: Oliver Frlić, director, staging, provocation, evil, repentance, nationalism, fascism, crime, «friend», «alien».

DOI: 10.31857/S0869544X0003671-1

Кровавая драма окончательного развала бывшей Югославии, ее народов стала предметом не только чисто научных изысканий, но и драматургов, режиссеров, актеров и актрис. На хорватской сцене появилось много пьес, в которых, так или иначе, ставилась тема катарсиса, очищения своего народа, своей нации от врагов, точнее, тема национализма с размышлениями о феноменах вины и прощения, зла и милосердия. Причем немалое место отведено поиску врага, вернее, поиску виновника прошедшей войны. И здесь выделяется своими спектаклями режиссер Оливер Фрлич (1976 г.р.)

Фрлич поставил на хорватских и иных сценах ряд пьес, в которых само зло связывалось не с сербами, этими традиционными «чужими» по вере, языку, культуре, истории, а с самими хорватами. Соответственно, режиссер в ряде своих постановок развешивал тему катарсиса, проще говоря, ставил во главу угла проблему прощения. В то же время здесь можно вспомнить Платона, проводившего мысль, что трагедии и их авторы лишь воспламеняют страсти, что само по себе не может сочетаться с разумным подходом в оценке тех или иных

ситуаций. Здесь можно согласиться с греческим философом, но как быть с человеческим, национальным началами? Можно напомнить, что истина рождается в споре, чаще всего в неравном. Однако когда «спор» приобретает характер военных действий, то он представляет собою естественное начало и следствие всего комплекса установок, базирующихся как в отдельной личности, так и в нации, народе, стране. Одновременно стоит еще раз сказать, что искусство, театр может служить и служит для укрепления духа. Но вот вопрос – какого? Христианского? Национального? Националистического? Может, некоего другого? Или речь пойдет о пьесах, где зло есть главный герой, если можно так сказать. Причем сама публика здесь выступает в роли своеобразной жертвы. Вместо театрального пафоса и счастливого конца театральный мир предлагает зрителям иной, жесткий донельзя взгляд на прошедшие драмы времен войн конца прошлого тысячелетия, да и нынешнего тоже.

Причем главную задачу Оливер Фрлич видит в «пробуждении» театрального зала, в провокации эмоций, в критике устоявшихся воззрений на «благостные» картины ушедшей войны, одномерного показа той страшной действительности, где «свой» переставал восприниматься «своим». Главное для него, впрочем, и других авторов и режиссеров внести в мир человека, общества общегражданскую ответственность за то зло, которое царствует в мире, особенно в военные годы, во время военных преступлений, «забытых» «своими», когда мораль исчезает в душе и действиях солдат, политика, общества. Одновременно нужно понимать, что так называемые черные фильмы, спектакли, вводящие зрителя в мир страданий, зла, яростных обвинений общества в национализме, в равнодушии, занимают первые строчки на различных фестивалях, получают награды и премии. Все это тоже не надо сбрасывать со счетов, когда идет «вал правды» и режиссер знает, что ставить на сцене и чем обратиться на свои творения вниманье публики. Проще говоря, хорошая реклама – половина успеха.

Блестящий хорватский театровед С. Никчевич в фундаментальном труде, посвященном исследованию «картин» Отечественной войны в хорватском театре, подчеркивает, что сам режиссер «все время говорит о себе как о беспощадном критике общества», но работает во всех известных театрах страны, в том числе за рубежом – от сцен в Европе до подмоетков Латинской Америки [1. S. 211]. И, надо признать, пользуется определенной благосклонностью властей.

С. Никчевич подчеркивает, что театральная струя была обусловлена тенденциозным трендом хорватской вины, решимостью оздоровления общества, но без учета жертв с другой, хорватской, стороны, где их было значительно больше. В итоге, как иронично замечает Никчевич, от «их жертв» мы создали высокохудожественные творения, а с «наших» – цифры статистики.

Переходя, собственно, к творчеству Фрлича, начну с его спектакля «Александра Зец» по пьесе Марина Блажевича.

В нем режиссер трактует сербскую «чужую» тему о драме убийства 7 декабря 1991 г. в Загребе двенадцатилетней сербской девочки Александры Зец и ее родителей, погибших от рук резервистов Министерства внутренних дел Хорватии.

На 48-м Белградском театральном фестивале эта пьеса получила Гран-при «Мира Траилович». Это театр. И премия сербская.

В жизни участники этого преступления после признательных показаний были выпущены на свободу, один из них в 1995 г. был награжден главой Хорватии Ф. Туджманом орденом. Это реальность. Хорватская.

Содержание пьесы, как пишет Анна Тасич в статье «Войны без конца», призывает к тому, чтобы не канула в забвение трагедия этого «события» и были осуждены «оправданные законом военные преступления». На сцене, отмечает

она, предстает смесь документального и драматического, реального и нереального, мира живых с миром мертвых, разговоры Александры с девочками о преступлениях, войнах, политике, национальном разделении и о «невинных буднях жизни». В завершающую часть спектакля включено возвращение Александры из мира мертвых. Четверка девочек выкапывает ее тело, символизируя тем самым необходимость сохранения памяти о трагическом конце [2. С. 79].

Гробовое молчание, последовавшее после спектакля в Риеке, заменило собой аплодисменты. Публика всхлипывала или молчала. И нет катарсиса, а только «оплакивание жертв...». Сам спектакль, выстроенный как «поэтическая партитура эмоций и фактов, — пишет Татьяна Мандич Ригонат, — [...] рождает эмоциональную связь невероятной густоты» и то ужасное чувство, что среди публики «может сидеть и кто-то из убийц, и смотрит» [3].

К этому стоит добавить, что у театра перед началом пьесы собралась группа хорватских добровольцев, участников Отечественной войны, с плакатами. На некоторых из них было написано: «Кому преступление над Александрой Зец было только на руку, чтобы очернить всю Хорватию», «86 мертвых вуковарцев», «Когда хорватские жертвы получают свою пьесу», «402 хорватских ребенка пострадали от четников» [3].

В книге «Александра Зец» режиссер пишет: «После двадцати с лишним лет имя Александры Зец все еще служит демаркационной линией в хорватском обществе. С одной стороны, это те, которые жалуется на судебный фарс, результатом которого было оставление на свободе убийц без учета их признаний и материальных доказательств. С другой стороны, те, которым Александра Зец служит исключительно для установления различия между “нашими” и “их” жертвами. В такой виктимологической дихотомии “наши жертвы” получают места особого пиетета и “мрамор их помнит”, в то время как “их” оставляем медийским стервятникам, постоянному новому пережевыванию того, что национально лоботомированное сознание никак не может переварить» (цит. по [3]).

Пожалуй, лучше не скажешь. Сама 55-минутная постановка может только подтвердить, что искусство может быть талантливым и просто правдивым, даже если оно рождено «чужим».

И более того, рассказы о сербских жертвах представляют собой «храброе слово о вине и самого общества». Именно поэтому была столь сильной реакция на спектакль «Александра Зец». Однако все это, как далее пишет Никчевич, было направлено не против самой пьесы или стремилось уменьшить злодеяние, совершенное над главной героиней. Тут, по ее убеждению, было отражение фрустрации, конкретнее, того, что хорватские дети никогда не стали персонажами пьес, идущих на хорватских сценах. 402 хорватских ребенка не имели и права, чтобы их имя было произнесено со сцены [1. S. 198].

Впрочем, Фрлич, говоря о спектакле, подчеркивал, что «в этом представлении имя Александры Зец относится к каждому убитому ребенку во имя любого государственного проекта в любой стране мира, в том числе и к детям Хорватии. Но в то же время один из зрителей высказался в том смысле, что Оливер Фрлич, плотно занимаясь и ставя пьесы о хорватских преступлениях, не упомянул жертв сербской агрессии. Только не о хорватских жертвах. Но это и не так. В конце спектакля исполнительница роли Александры Зец, обращаясь к зрителям, кричала: «Что вы пришли смотреть? Александру Зец? Так ли это? А что с четырьмя сотнями хорватских детей, которых убили сербские агрессоры? Кто о них поставит спектакль? Все мы хорватское дерьмо, так как молчим!» [1. S. 199]. В общем, в пьесе превалирует идея хорватского греха, которая может вести к покаянию.

Но такая трактовка «общего греха» не всеми воспринималась как должное последствие. По мнению С. Никчевич, «идея пьесы была в том, чтобы навязать

коллективную вину, исходя из латинской поговорки *pars pro toto* — часть вместо целого», иными словами, одно преступление может служить доказательством, что «все хорваты преступники, а страна фашистское создание». Но это воспринимается весьма слабо. Хотя тут, соглашусь с коллегой С. Никчевич, нужно принимать в расчет «неприкосновенность авторской инспирации [...] и здесь человеческие причины никак не могут действовать» [1. S. 200].

В то же время необходимо принимать и другое утверждение: жить в обществе и быть свободным от него нельзя.

Спектакли Оливера Фрлича не раз «взрывали» публику и критиков в разных странах, прежде всего в разъединенной Югославии. Например «Комплекс Ристича». В качестве отправной точки для него Фрлич взял концепт единого югославянского простора, творцом которого был авторитетный режиссер Любиша Ристич. Причем цель спектакля состояла, прежде всего, в том, чтобы поставить пьесу о прошедшем и нынешнем времени «из перспективы другого поколения».

Если говорить подробнее о постановках Фрлича, то можно назвать такой политический спектакль, как «Зоран Джинджич». По своей сути он имел право называться политическим памфлетом, поставленным в белградском театре «Ателье 212». Здесь подчеркну только три момента.

Первый — окуная руки в бочку с «кровью», на которой написаны слова «новая сербская история», очередной персонаж пьесы зачитывает со сцены разнообразные «обвинения», относящиеся к различным темам, от чисто бытовых до проблем сербской новейшей истории времени премьерства Зорана Джинджича, убитого в 2003 г. Например: «Из-за вас мы напали на Словению в 1991», «Из-за вас мы ушли из Словении», «Из-за вас у нас аллергия на слово “Косово”», «Из-за вас мы убили Зорана Джинджича», «Из-за вас мы смотрели, как у нас убивают жен, детей, семьи». Вопрос только в том: кто «мы» и кто «вы», кому предназначены эти «обвинения»? Джинджичу? Или всему обществу? Обоим, как сказала бы незабвенная комендантша Василиса Егоровна из «Капитанской дочки», вышедшей из-под пера ныне полузабытого Александра Сергеевича Пушкина. Но все же, полагаю, что больше — обществу, власти. Если быть еще точнее — виноваты все.

Второй: талантливая игра со словом «демократија», из которого «выскакивают» новые слова — «рат» («война»), «рај» («рай»), «крај» («конец»), «комедија» («комедия»), «крадемо» («воруем»). Все завершается появлением опять слова «демократија» [4]. Я бы сказал, что здесь высвечены основные принципы государственной «философии» многих стран и даже великих держав.

Третий: это спектакль для тех, кто хочет увидеть себя, иными словами, для сербского общества, только вопрос, есть ли оно? Во всяком случае, со сцены требуют ответственности от всех, и никто не может остаться наблюдателем. Одновременно ставится вопрос, может ли общество называться таковым, если оно политически «не образовано»?

Однако главное в спектакле, в режиссуре — свобода игры, свобода слова, отсутствие всех рамок, свобода провокации, когда зритель мог увидеть на сцене лозунг или эпиграф ко всей новой истории Сербии: «руке су нам кржаве, али нама је савест чиста» («наши руки в крови, но совесть чиста»). По крайней мере, пьеса должна была «пробудить» сербов, заставить работать мысль.

И еще, спектакль может быть назван антинационалистическим, но в то же время само «правление» Джинджича можно трактовать как многозначное, критиковать и «слева» и «справа».

И два замечания. Первое: кредо режиссера Оливера Фрлича — «вывести театр за пределы безопасности».

Второе – стало обычным называть Оливера Фрлича хорватским режиссером. Это определение использовано и мною уже на основании того, что он определенное время руководил театром в Риеке. Но в выступлении, помещенном на youtube 16 октября 2015 г., в Нови-Саде сам Оливер Фрлич заявил, что он не хорватский режиссер уже вследствие того, что работает на культурном поле, которое шире национальных рамок. Высказывая благодарности Хорватии, Фрлич подчеркнул, что его работа связана с разрушением национальных перегородок, которые воздвигнуты за прошедшие 20 лет. Более того, по его мнению, «понятие Югославия» в будущем обретет свою настоящую ценность. И, может быть, главное – политическая система не может быть изменена ненасильственным путем [5].

Свидетельством этому может служить очередная демонстрация нескольких сот риекских граждан, участников «домовинского рата (отечественной войны), славящих День Победы и одновременно протестующих против Оливера Фрлича, поставившего в августе 2015 г. в риекском Хорватском национальном театре документальный спектакль «Другая война», в котором пять женщин различных национальностей проговорили свои рассказы о прошедшей войне [6].

Перед спектаклем было зачитано обращение Бояна Главашевича, помощника министра обороны Республики Хорватия: «Война это самое ужасное, что может встретить человек. Ширится смерть. Уничтожает имущество. Сжигает дома. Но это не самое худшее. Худшее в том, что человек теряет человечность [...]. По прошествии некоторого времени мы перестанем воспринимать свидетельства жертв [...]. Судим, прежде чем слышим. Закрываемся и как отдельные лица, так и общество [...]. О войне необходимо говорить и нужно помнить войну. Это нужно делать из-за нас, которые пережили войну, из-за украденного детства, школьных лет, проведенных в убежищах, и студенческих дней, проведенных в окопах. Мы должны это делать из-за тех, которые не дождалась окончания войны и новой жизни, так как так сохраняем их от забвения.

В конце концов, и самое важное, должны это делать для тех, которых война не затронула и они не имеют собственных воспоминаний о страданиях и боли. И хорошо, что не имеют, – таким образом в их сердцах остается больше места для любви, неиспорченной [...]. Только такие люди могут построить мир без войны [...], в войне нет ничего хорошего. Хорошее есть только в людях. Поэтому, в сущности, помним людей, а не войну» [7].

Хорватские добровольцы увидели в этом спектакле оскорбление Хорватии, пролившей кровь за свободу, и требовали выгнать Фрлича. Демонстрация сопровождалась столкновениями хорватов и сербов. Так искусство превращается в политику, кровь...

Граффити «Смерть Оливеру Фрличу» появилось 3 февраля 2016 г. в центре г. Винковци на стене трехэтажного дома, что на улице Ивана Гундулича. В сообщении местного отделения Социал-демократической партии Хорватии расценили это граффити как «растущий тренд ненависти и дискриминации» [8]. В свою очередь сам режиссер в своем прогнозе для газеты «Nova gazeta» заявил, что «угроз смертью всем, кто не соглашается с государственной ложью, которой HDZ (Христианско-демократическое объединение. – В. К.) за 25 лет промыли мозги гражданам этой страны, будет все больше и больше». Одновременно прославленный режиссер открыто подверг критике нынешнее руководство Хорватии и HDZ: там упоминалось и потворство криминальным типам, и отрицание ценностей антифашистской борьбы, и насильственное навязывание своей правды. Поэтому, предупреждает режиссер, совершенно не случайна схожесть с Германией 1930-х годов [9].

В самой газете репортер подчеркивал, что Фрлич стал метой: идет ли речь об ордах, марширующих по улицам Риеки и скандирующих «Ubij Frlića» («Убей

Фрлича»), или о многочисленных комментариях в социальных сетях, страстно желающих его отставки, более того, «исчезновения предателя» Фрлича из Хорватии [9].

И заключение репортера: «Ясно, что нашим небольшим, разваленным балканским мини-государствам серьезные интеллектуалы и мастера искусств совсем и не нужны. Нам гораздо лучше с нашим саморекламированным национальным величием и подобными медиокритериями» [10].

Здесь можно только заметить, что национализм умеет творить чудеса, особенно в политике.

В другом спектакле, поставленном Оливером Фрличем, под названием «Трусость», Срджан Секулич в завершающей сцене обращается к публике со следующими словами: «Сцена, которую мы представим вам в конце пьесы, очень проста. В ней мы перечислим имена 505 убитых и идентифицированных жертв из Сребреницы [...] (речь идет о трагедии, связанной с убийством большого количества мусульман, в чем обвиняли сербскую сторону. — В. К.). Мы не хотим никого обвинять. Мы не будем пытаться дать точные и неточные числа. Все, что произойдет, если что произойдет, произойдет и в вас. Вы услышите имена, которые для вас ничего не значат, которые тяжело произносятся, которые мы выучили наизусть. Вы услышите имена, которые не можете связать с каким-либо ликом, так как коллективные смерти всегда безличны. Для прочтения этих 505 имен потребуется какое-то время между восемью и девятью минутами. Это время будет гораздо короче того времени, которое было нужно для убийства 505 человек» [11. S. 24–25].

Именно к этой сцене весьма приложимо определение «террор памяти».

И немного театральной критики. «Послевоенная драма, — пишет С. Никчевич, — больше не содержит оптимизма или утверждения жизни. И хотя мы победили в войне, общественные перемены нас разочаровали так, что пишут и играют драмы критики общества с попыткой объяснения нынешней ситуации. Именно в этом объяснении наглядно виден политический взгляд писателя. Действительно, право ориентированные писатели считают, что в сегодняшней ситуации виноват коммунизм, который “отравил” общество, поработил нас в Югославии, [...] и сейчас мимикрировал и вновь царствует [...]. Лево ориентированные считают, что во всем (война и сегодняшнее состояние) виновен хорватский национализм, который нас выбросил из Югославии. [...] Но и те и другие считают, что сейчас наступило самое худшее время, которое когда-либо было, соглашаясь, что в этом виновна некая ошибка/вина рода... в вину рода отлично включился и режиссер Оливер Фрлич, который этот тип спектаклей поставил в большинстве государств, возникших в связи с распадом Югославии [...]. При чем «тренд безличной и черной картины мира из девяностых и дальше царит на европейских сценах, да и мы также его продолжаем [...]. Поэтому не следует удивляться, что эта линия завершилась не только в интеллектуальности [...], но и в том, что молодое поколение авторов полностью перенимает чужой, в основном англо-американский, идентитет» [12].

Теперь немного подробнее о «хорватском фашизме», чрезвычайно волновавшей Фрлича.

Первым спектаклем, который вызвал сильнейшую реакцию общественности, были Еврипидовы «Вакханки» (Сплит, 2009.) В спектакле, в центре которого тема свирепого мщения Диониса, Фрлич ставит вопрос «о нашей свирепости», или по-иному — о «современных» и «вчерашних» сволочах. Актуальность наглядно видна в сценах, когда актеры залезают в мешки для мертвецов с именами известных жертв девяностых годов прошлого столетия, или в эпизодах о сплитском концлагере Лора для сербов.

В итоге последовал запрет спектакля. Позже запрещение было отозвано премьер-министром из-за страха перед либеральной общественностью и прессой.

Повторю, наиболее «излюбленной» темой для Фрлича стало исследование на сцене феномена вины Хорватии в девяностые военные годы. В 2014 г., будучи назначенным центральной властью новым директором ХНТ, он поставил в Риеке «Хорватский театр» («Hrvatsko glumište»), о котором писали все хорватские газеты и журналы.

Пожалуй, наиболее резко об этом спектакле писала известная публицистка и писательница Ведрана Рудан в своем блоге от 10 марта 2015 г.: «Фрлич “храбро” проговаривает о хорватском фашизме сороковых, девяностых и хорватском фашизме сейчас [...], о фашистах, которые в девяностые годы орала Туджману-фашисту зиг хайль, sieg heil» [...] И далее Ведрана Рудан пишет, что спектакль Фрлича провокационен по форме и сути. Исполнители на трусах спереди носили фото фашистов из 1990-х годов, сзади были помещены фото людей, играющих важную роль в современной театральной жизни. Более того, по ее мнению, Хорватия представляет для большинства сограждан «концентрационный лагерь».

Смело, не правда ли? Но, если прочесть ее следующие строки: «тюремные стражники не носят черную униформу, все в костюмах. Сегодняшние заключенные работают [...] без каких-либо прав человека, наши властители решают, что будем есть, когда будем есть и будем ли мы есть. Какие газеты читать, какие ТВ-программы смотреть, какие спектакли смотреть [...], в Хорватии нет усталей [...], Хорватия фашистская страна» [13].

Здесь можно долго рассуждать на эту далеко не простую, провокационную тему, но следует подчеркнуть одну банальность: у одних спектакли Фрлича пользовались успехом, у других – вызывали открытое неприятие, резкое осуждение и даже ненависть...

Свои спектакли «Александра Зец», «Вакханки», и «Хорватский театр» Фрлич назвал «трилогией о хорватском фашизме».

«Беспощадный критик общества», как он себя называл, ставил спектакли на сценах известных театров Хорватии. Об этом мнимом противоречии С. Никчевич пишет так: «Можно понять, как легко следовать трендам: возможность работы, обильные гонорары, награды [...], медийное пространство. Большинство людей стремится войти в мейнстрим [...]. Женщины носят драные джинсы, теоретики воруют куски из чужих диссертаций, не проверяя источники, а театральные режиссеры дают спектакли, полные насилия или хорватской вины. Конечно, нелогично в одно и то же время быть храбрым, выступая против государства, и получать от него все почести [...], я верю, что они искренне желают быть добрыми, значительными, умными, теми, кто укажет на истину, которая изменит мир. Все авторы, которые пишут пьесы или ставят спектакли, в которых нет насилия или хорватской вины именно это подчеркивают как основную мотивацию. Хотя Фрлич чаще всего произносит “общественная ответственность”, но мы как-то все знаем, что каждый наш труд, в том числе и в области искусства, несет в себе выбор решений которые все же имеют в себе форму морали или этики» [1. S. 216, 217].

И напоследок: «Если хотят очистить общество от вины, должны очиститься и те, которые на нас напали» [1. S. 197]. Иными словами, сербы тоже должны пройти нелегкий путь покаяния.

В своей работе, вернее, в своем творчестве, Фрлич обращается и к классике, которую, как стало уже общепринято, можно «переигрывать» в современном духе. Для Фрлича таким автором стал Луиджи Пиранделло с его пьесой «Шесть персонажей в поисках автора». Известно, что итальянский гений в своей драме сталкивает два плана: реальный (актеры, репетирующие пьесу) и нереальный,

фантастический (персонажи из ненаписанной комедии). Созданные воображением персонажи, по мысли Пиранделло, так же реальны, как и актеры, и еще более реальны, чем сама жизнь. Спектакль был поставлен в январе 2018 г. В театре «Керемпух» (народный герой под маской шута, изобличающий пороки в обществе).

Вначале несколько отзывов зрителей сразу после спектакля.

«Фрлич может режиссировать, что хочет, его дни в РХ сочтены. За ту свободу не нужно тратить слова. Тьфу»; «Господа из министерства правосудия, смотрите ли вы эту ненависть, которую они (Фрлич и компания) зовут сатирой? Одобрят ли они эту так называемую сатиру, где нападают на национальные и религиозные ценности в хорватском обществе? Почему упомянутый режиссер, который стремится к свободе выражения и демократическому методу показа общества, не наденет свиные головы, например, на своих близких родственников [...]. Это было бы демократично и свободно»; «Не знаю, почему Оливер из Босны думает, что оскорбительно отождествить кого-либо со свиньей? Для меня было бы оскорбительно только одно, чтобы меня отождествили с Фрличем»; «Браво Фрлич!!! По национализму из всех орудий!»; «Спектакль отличный и настоящий хит! Мне кажется, что некоторые не понимают сатиру» [14].

Страх, сатира, поиск идентитета отдельного человека, сообщества и всей нации – самостоятельные и в то же время связанные Фрличем в нечто целостное «сценические картинки». Сами сцены должны были бы, как мне кажется, заставить зрителя «стать соучастником своей истории», почувствовать на себе как удар «новую правду разоблачений». Режиссер Оливер Фрлич своей девушке Линде Бегоньи дал задачу высморкаться в знамя Хорватии», причем «завершающая сцена изнасилования в спектакле «Шесть персонажей в поисках автора» происходит на том же знамени». Здесь критик Бояна Радович корректно указывает, что «речь идет не о знамени нашей страны, а том, с первым белым полем, которое сейчас прилично называется “историческим”». Там же обыграна свадьба одного из телевизионных деятелей, которая превращается в «ярмарку правых» с «марципанской» памятной доской с площади маршала Тито, на ее задней стороне – надпись «Площадь Анте Павелича» (глава Независимого государства Хорватия в 1941–1945 гг., бывшего сателлитом Германии, лидер националистической партии усташей, фашистской). Что еще: на упомянутой свадьбе присутствует ряд публичных лиц в свиных масках. Священники там «причащают кокаином». Сам Фрлич бросает публике «картинки» Хорватии, от которых публика отворачивается [15]. Все это пронизано одним – «добить» публику, заставить ее думать, «раздеть героев», а может быть себя?

Для одних спектакль Фрлича – произведение искусства. Для других (как уже писал выше) – «это представление, как и все спектакли Фрлича, суть уродство и отрицание искусства!.. Это не сатира, не критика общества! Это чистой воды ненависть...! [...] Люди не животные! Этот спектакль – глубокое оскорбление здравого ума, оскорбление человеческого достоинства... Этот спектакль представляет автора и исполнителей в настоящем свете, показывает кто они» [15].

С другой стороны, спектакли Фрлича ставились не только в Хорватии, но и в ряде других стран, например в Польше, Колумбии, России. В целом, к нему «прилипло» определение – «театральный провокатор», «скандалист», отвергающий различные табу на сцене только ради того, чтобы, как он говорит, бороться против национализма и других «измов», равно против клише, критикуя и государство, и католическую церковь. Довольно объемный набор «обвинений», за которые в иное время он мог бы поплатиться жизнью. Впрочем, и сейчас угрозы не стихают. И тогда встает вопрос: для чего театр? Ставить позеленевшую от старости классику? Осовременивать пьесы так, что автор перевернулся бы в гробу?

Ловить дух времени? Или моду? Стремиться разрушить традиционные ценности? Вызвать к жизни зрительскую реакцию?

Скорее всего, последнее, но оно может быть и первым. Оливер Фрлич может быть назван с большей правотой разрушителем корабля под названием «общество». За кем останется победа – неизвестно... Но очевидно одно – его творчество востребовано...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Nikčević S.* Slika domovinskog rata u hrvatskom kazalištu 1990. 2016. Od svetišta do nametnute krivnje. Zagreb, 2018.
2. *Tacuh A.* Ратови без краја//Teatron-časopis za pozorišnu umetnost. Београд, 2014. № 168/169.
3. *Mandić Rigonat T.* Pogledi sa strane. Aleksandra Zec// <http://www.politika.rs/search/searchEngineLanding/a/Aleksandra-Zec>
4. Зоран Ђинђић промо – youtube. com / <https://www.youtube.com/watch?v=zPхkn63aXx8> (видео)
5. Bujica – Oliver Frljić u Novom Sadu youtube. com > user/ostv031
6. Ubij Srbina: Ovo su Frljiću u Rijeci uzvikivali zbog performansa o Oluji// <http://www.newsweek.rs/kultura/54064-ubij-srbina-ovo-su-frljicu-u-rijeci-uzvikivali-zbog-performansa-o-oluji.html>
7. «Sudimo prije nego što čujemo» // Hrvatsko glumiste hr / [http://hmk-zajc.hr/u-ratu-samome-nema-niceg-dobrog-dobrote-ima- ...](http://hmk-zajc.hr/u-ratu-samome-nema-niceg-dobrog-dobrote-ima-...)
8. Osuda grafita usmjerenoga protiv Olivera Frljića // <http://www.vecernji.hr/hrvatska/osuda-grafita-usmjerenoga-protiv-olivera-frljica-1057116>
9. *Breber M.* Frljićeva reakcija na prijeteći grafit u Vinkovcima: To je Hrvatska o kojoj Karamarko sanja // <http://www.vijesti.rtl.hr/novosti/hrvatska/1924328/frljiceva-reakcija-na-prijeteci-grafit-u-vinkovcima-to-je-hrvatska-o-kojoj-karamarko-sanja/>
10. Grafit u Vinkovcima Smrt Oliveru Frljiću//E-novine Elektronske novine, 04. 02. 2016.
11. Tasić A.: Kritička kultura sećanja – političnost dokumentarnog pozorišta u Srbiji 2010–2011 Jesen/Zima 2011, Teatron156/157 // <http://www.teatroslov.mpus.org.rs/-publikacije/545.pdf>
12. *Nikčević S.* Novi milenij ili ... do potpunog poništavanje identiteta // Kazalište. hr, 4. svibnja 2015. <http://kazaliste.hr/index.php?p=article&id=2084>
13. *Rudan V.* Ima jedna loša vijest, Hrvatska jest fašistička zemlja // <http://www.dnevne.rs/nesto-drugacije/vedrana-rudan-ima-jedna-losa-vijest-hrvatska-jest-fasisticka-zemlja>
14. <https://www.vecernji.hr/kultura/hkv-predstava-oliver-frljic-luigi-pirandello-1221766> – www.vecernji.hr
15. *Radović B.* 22 sječnja 2018 g. Predstava koja od gledatelja traži ispit vlastite savjesti // <https://www.vecernji.hr/kultura/predstava-koja-od-gledatelja-trazi-ispit-vlastite-savjesti-1221415> - www.vecernji.hr

«РУССКИЙ ПРОЕКТ» ГЕТМАНА П.П. СКОРОПАДСКОГО: ОПЫТ ЕКАТЕРИНОСЛАВА (НОЯБРЬ – ДЕКАБРЬ 1918 ГОДА)

© 2018 г. А.В. Ганин

*Д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН
E-mail: andrey_ganin@mail.ru*

В статье на основе впервые вводимых в научный оборот документов из архивов России и США рассмотрено влияние перемены курса гетмана Украины П.П. Скоропадского в сторону общерусской ориентации на последовавшие события Гражданской войны в Екатеринославской губернии.

The article based on the recently discovered archival evidence from Russia and the USA considers how Hetman Pavel Skoropadsky's switch in favour of the all-Russian orientation influenced the subsequent events of the Civil War in the Ekaterinoslav province.

Ключевые слова: Украина, гетман П.П. Скоропадский, Гражданская война, С.В. Петлюра, Екатеринослав.

Keywords: Ukraine, Hetman Pavel Skoropadsky, Civil War, Symon Petliura, Ekaterinoslav

DOI: 10.31857/S0869544X0003672-2

В декабре 2018 г. исполнилось сто лет событию, послужившему исторической основой сюжета первого романа М.А. Булгакова «Белая гвардия» – взятию Киева войсками Директории Украинской народной республики (УНР). Сегодня этот драматический эпизод Гражданской войны забыт. Пожалуй, только специалисты могут сказать, кто с кем и за что тогда ожесточенно сражался на улицах «матери городов русских». Все знают, что там сражались русские добровольческие отряды, а что это за отряды и откуда они взялись, известно немногим.

На самом деле события, которые легли в основу сюжета романа Булгакова, а именно сопротивление войскам Директории (или петлюровцам, как их у нас традиционно называют) русских добровольческих отрядов, стали возможны именно вследствие возникновения осенью 1918 г., условно говоря, Русского проекта главы Украинской державы гетмана П.П. Скоропадского.

Интересно рассмотреть ту историческую альтернативу, которую создавала вынужденная, запоздалая и кратковременная попытка гетмана Скоропадского опереться на русских патриотов-антибольшевиков, как пример самоорганизации русского населения при минимальной поддержке сверху.

Режим Скоропадского во многом зависел от германских оккупационных властей. В ноябре 1918 г. Германия и ее союзники потерпели поражение в Первой мировой войне. Это означало скорое изменение положения оккупированных германскими войсками территорий, в том числе Украины. Осенью 1918 г., еще до окончания Первой мировой войны, когда стал очевиден исход вооруженного конфликта, Скоропадский начал искать пути выхода из ожидаемого кризиса. Эти поиски свелись к попытке опереться на русские патриотические круги.

Как свидетельствовал бывший депутат Государственной думы Н.В. Савич, Скоропадский был таким же самостийником, «как и любой русский человек подмосковного района» [1. С. 264]. Впрочем, мемуарист явно недооценил политическую гибкость гетмана. Как отмечал другой очевидец, «гетману не оставалось ничего другого, как спешным порядком создавать вооруженную силу из этих элементов, которые могли бы оказаться надежными и боеспособными. Такими являлись, во-первых, все находящиеся в Киеве офицеры старой русской армии, и, во-вторых, организации Союза русского народа, которые считались очень сильными в Киеве и по всей Украине. Для привлечения их на свою сторону гетман решил вернуться к той политике, которую он первоначально повел на Украине — более тесного сближения с остальной частью России. Для этого самостийные министры были заменены министрами русского направления» [2. С. 417].

14 ноября 1918 г. украинские социалисты сформировали Директорию и объявили о воссоздании Украинской народной республики и о восстании против гетмана П.П. Скоропадского. В тот же день гетман обнародовал федеративную грамоту, в которой говорилось о будущей Украине как автономии в составе федеративной России, освобожденной от большевиков. «Русским проектом» это можно назвать условно, но, тем не менее, такой документ был подписан.

Кардинальная перемена политического курса в сторону сближения с белыми и общерусской ориентации не могла остаться без последствий. Достаточно отметить, что начальник украинского Генерального штаба полковник А.В. Сливинский в тот же день встретился с офицерами и неожиданно заявил им: «Настал час возрождения России [...]. Против большевиков должен быть создан единый фронт, и на этом фронте Украина должна занять подобающее место» [3. С. 1]. Издание федеративной грамоты привело к активизации правых организаций, а сам гетман быстро утратил контроль над ситуацией.

Рассмотрим те события на примере Екатеринослава и Екатеринославской губернии. С июля 1918 г. в городе эффективно работал Екатеринославский центр Добровольческой армии — полулегальная белая организация, занимавшаяся вербовкой и отправкой добровольцев в войска генерала А.И. Деникина [4. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 48. Л. 2]. Гетманская власть смотрела на это сквозь пальцы. Организация возникла по местной инициативе и при покровительстве местных властей как бюро записи добровольцев, переправлявшихся затем в Добровольческую армию. Вскоре в Екатеринослав прибыл представитель Добровольческой армии, что позволило укрепить взаимодействие и расширить работу. Разумеется, подпольной ее можно назвать условно, поскольку настоящей конспирации не соблюдалось. В силу связей с властями, а также низкой популярности в екатеринославском обществе идей украинского национализма организация и ее инициативы пользовались поддержкой местной образованной общественности, в том числе офицеров, вернувшихся в город с фронтов Первой мировой войны.

Екатеринославский губернский староста генерал-майор И.И. Черников сочувствовал белым, в его доме собирались члены Союза русских людей на Украине, а чиновник для особых поручений при губернском старосте непосредственно даже входил в состав бюро белых. Сам Черников в эмиграции вспоминал: «Узнав, что в Екатеринославе существует секретная организация Добровольческой армии, я

с первых же дней познакомился с правлением этой организации» [5]. Начальника бюро Черников назначил начальником губернской варты, т.е. начальником губернской полиции [5].

В октябре 1918 г. бюро записи было преобразовано в Екатеринославский центр Добровольческой армии. Организация смогла переправить в Добровольческую армию свыше 900 офицеров и добровольцев [4. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 48. Л. 29.]¹.

17 октября 1918 г. вышло правительственное постановление об организации в целях поддержания законности и порядка добровольческих дружин, которое наряду с гетманским уставом об организации во всех городах Украины добровольческих дружин составило правовую базу нового начинания. Такие формирования как раз и получили широкую известность, благодаря роману М.А. Булгакова [6. С. 522, 526, 538; 7. С. 33–44]. Но к началу петлюровского движения формирование добровольческих дружин еще не завершилось.

Что же происходило в Екатеринославе? В связи с ростом бандитизма и активизацией повстанческих отрядов в губернии здесь стала создаваться дружина самообороны под эгидой Екатеринославского центра Добровольческой армии, тесно сотрудничавшего с местными властями и городскими общественными организациями. Центр сумел стать организационным ядром легально сформированной Екатеринославской добровольческой дружины и вовлечь в орбиту своей деятельности сравнительно широкий круг сторонников. Видную роль в произошедших событиях сыграло местное офицерство.

Екатеринославской городской управой в октябре 1918 г. рассматривался вопрос об организации охраны города, для чего требовалось собрать граждан, соблюдающих дисциплину и умеющих владеть оружием, причем на заседании по этим вопросам приглашался начальник штаба городской охраны (он же — начальник Екатеринославского центра) полковник Р.К. Островский [4. Ф. 39675. Оп. 1. Д. 7. Л. 1]. Так был сформирован отряд обороны города или Екатеринославская добровольческая дружина, ставшая ударной силой центра. Руководство центра надеялось собрать в рядах дружины тех офицеров и добровольцев, которых не удалось переправить в Добровольческую армию. Возглавлял это формирование генерал-лейтенант Н.М. Баташев. Как отметил очевидец, «за короткое время численность дружины достигла до 200 человек. Спаянная старыми боевыми офицерами, дружина представляла из себя крепкую духом воинскую часть, ненавидящую большевиков и сознательно стремившуюся служить порядку и справедливости. Впоследствии дружина на деле показала свою силу и стойкость хорошей воинской части [...]. Должен сказать, что главным деятелем в дружине был полк[овник] Островский, который вел все переговоры с городскими властями и улаживал всякие недоразумения, и дружину, по справедливости, можно назвать его детищем» [8].

Губернский староста позднее вспоминал, что «гетман вообще стремился завести свою, русскую, армию, и всякого рода ассигнования на полицию и пр[очее] понимались как замаскированное восстановление собственной, а не немецкой, армии, в руках которой находился глава Малороссии» [5].

После издания федеративной грамоты Скоропадского центр развернул работу в новых для себя масштабах. В частности, начальник центра полковник Островский считал, что теперь можно формировать целые части и даже соединения для Деникина непосредственно на Украине. Возникла идея воссоздать 34-ю пехотную дивизию, которая дислоцировалась в регионе до Первой мировой войны. Возрождение частей Русской императорской армии, в которых ранее служили многие местные офицеры, должно было привлечь ветеранов. От белых требовались штаты дивизии и кредиты.

¹ Подсчеты скорректированы мною.

Главнокомандующий Добровольческой армией генерал А.И. Деникин санкционировал формирование центром 34-й пехотной дивизии «согласно существующей организации и украинских штатов и временно на украинские же деньги» [4. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 48. Л. 46]. Причем необходимо было тщательно следить за тем, чтобы весь командный состав сверху донизу был бы предан русской идее. В результате удалось сформировать боевые единицы, которые позднее, наряду с украинскими частями, вошли в состав Добровольческой армии. Разрешалось принимать в Добровольческую армию из австрийских офицеров только славян, причем по рекомендации. Прием германских офицеров запрещался.

Дислоцированный в Екатеринославе VIII украинский корпус генерального хорунжего И.М. Васильченко состоял практически из одних штабов, был пополнен по мобилизации офицерами, не желавшими там служить, и реальной силы не представлял. В основном это были жители Екатеринославской губернии. Украинским языком владело ограниченное число лиц. Служебная переписка велась своеобразно: составляли бумаги писари и отдельные офицеры, владевшие языком. Остальные ставили лишь украинизированные подписи. Между собой офицеры почти всегда говорили по-русски, так как украинского языка, как правило, не знали. Националистически настроенный украинский офицер почувствовал себя в штабе корпуса, где господствовал русский язык и русская военная форма, «как на палубе чужого корабля» [9. С. 61].

После издания федеративной грамоты Скоропадского и начала петлюровского движения несколько десятков сторонников украинского национального движения покинули VIII корпус и перешли в состав формировавшегося Екатеринославского коша. Затем над казармами частей корпуса были подняты российские флаги [10. С. 299].

Чувствуя перемены, начали менять свои установки и представители командного состава. Генерал Васильченко, например, заявил, что его «корпус выполняет миссию Добровольческой армии на Украине и идет в тесном контакте с ней» [4. Ф. 39675. Оп. 1. Д. 4. Л. 3об.]. Ранее он, наоборот, активно проводил украинизацию и не сочувствовал Добровольческой армии [4. Ф. 39675. Оп. 1. Д. 4. Л. 34]. Добровольческую дружину, которую сформировал Екатеринославский центр, первоначально именовал бандой и отказал в поддержке. Однако позднее все изменилось.

Фактически после издания федеративной грамоты кадрированный украинский корпус перешел на сторону белых. Сложно говорить об однозначной причинно-следственной связи, поскольку на изменения влияла совокупность обстоятельств и факторов, включая и активную работу местного центра Добровольческой армии. Но документально взаимосвязь фиксируется. Так, в справке о настроениях офицеров-генштабистов, служивших в корпусе, подготовленной в 1919 г. начальником Екатеринославского центра полковником Островским для белого командования, отмечалось: «При перемене курса генералом Скоропадским в сторону общерусской ориентации все указанные офицеры радостно встретили этот акт и по возникновении петлюровского движения без колебаний явно стали на сторону той группы офицеров, которая, объединяясь вокруг центра, заявила себя противниками самостоятельной Директории» [4. Ф. 39675. Оп. 1. Д. 4. Л. 10об.].

Сформированная центром добровольческая дружина и сам центр, по сути, финансировались местными украинскими властями – городской управой, губернским старостой. В дружине числились 224 инструктора (офицера) и 117 добровольцев. Всего – 341 человек [4. Ф. 39675. Оп. 1. Д. 3. Л. 22]. Впечатление от того, что происходило в Екатеринославе в смысле размаха русского движения, было вполне определенным и получило известность далеко за пределами города и губернии. Характерна фраза из письма командующего группой советских войск Курского направления В.А. Антонова-Овсеенко В.И. Ленину от 22 ноября 1918 г. о том, что

в Екатеринославе, по слухам, «сидят» добровольцы [11. С. 450]. То есть речь шла о белых.

Между тем в городе к началу декабря сложилась тяжелая для сторонников белых обстановка. Германские войска держались пассивно. В результате начавшегося безвластия в уездах губернии усилился бандитизм, активизировались сторонники красных, а сам Екатеринослав был частично занят петлюровцами. 6 декабря 1918 г. В городе произошел бой со сторонниками Директории. Губернский староста на следующий день обратился к начальнику дружины с просьбой обеспечить защиту почты и губернского правления от возможного захвата петлюровцами и большевиками и принять меры к недопущению каких бы то ни было выступлений [4. Ф. 39675. Оп. 1. Д. 3. Л. 17].

Екатеринославский центр Добровольческой армии в конце 1918 г. сыграл важную роль в подготовке и проведении Екатеринославского похода — исхода из Екатеринослава в Крым бывших украинских частей и добровольцев под общим командованием генерала Васильченко, что имело далеко идущие последствия для всей Гражданской войны на Юге России. После столкновений с петлюровцами стало ясно, что силами добровольцев Екатеринослав не удержать, поскольку соотношение сил постепенно менялось. Тогда было принято решение уходить из Екатеринослава на соединение с Добровольческой армией по кратчайшему пути на Крым. Уходили не только добровольцы, но и VIII корпус.

Екатеринославский отряд покинул город в ночь на 10 декабря 1918 г. В составе 994 человека при двух бронев автомобилях, нескольких вооруженных грузовиках и четырех орудиях. Как отметил один из участников похода, особенностью Екатеринославского отряда являлось то, что, «будучи составлен почти исключительно из уроженцев так называемой Украины, он был насквозь пропитан русским патриотизмом, и свои первые удары он нанес именно по расчленителям России» [12; 13. С. 4]. К отряду присоединился даже 14-летний сын Екатеринославского губернского старосты И.И. Черникова. Впрочем, в отряд вошла меньшая часть местного офицерства, которое, по разным данным, составляло от восьми до десяти тысяч человек.

За 34 дня похода было пройдено порядка 500 верст, произошло несколько боевых столкновений с петлюровцами. В Крыму VIII украинский корпус 30 декабря 1918 г. был включен в состав войск Добровольческой армии, а затем ввиду малочисленности переформирован в сводный батальон под командованием того же Васильченко. Позднее батальон развернули в полк, бригаду и дивизию. В память о походе летом 1920 г. в Крыму был учрежден особый знак, а в эмиграции возник Союз участников Екатеринославского похода [14. С. 185–187; 15. С. 74–77].

Несомненно, перемена курса Скоропадского повлияла на произошедшие события, поскольку наиболее активные действия русских организаций Екатеринослава пришлось на период после издания федеративной грамоты и решения о создании дружин самообороны. Опыт самоорганизации русских добровольцев на Украине в конце 1918 г. показателен. Добровольческие дружины продемонстрировали высокую мотивацию и готовность сопротивляться как украинским националистам и красным, так и волне бандитизма, охватившей Украину. Но в силу противоречивости политики гетмана П.П. Скоропадского и его нежелания в полной мере опираться на русские силы новый курс не реализовался. Гибель гетманского режима оказалась предопределена. В период падения гетманской власти участники добровольческих отрядов в связи с неблагоприятно складывавшейся обстановкой различными путями переходили на службу к белым, где продолжили бороться как с петлюровцами, так и с красными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Савич Н.В.* Воспоминания. СПб., 1993.
2. *Безак Ф.Н.* Воспоминания о Киеве и о гетманском перевороте // Верная гвардия. Русская Смута глазами офицеров-монархистов. М., 2008.
3. В Генеральном штабе // Армия (Киев). 1918. № 10. 15.11.
4. Российский государственный военный архив (РГВА).
5. *Черников И.И.* Екатеринославский поход // Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры (Колумбийский университет, Нью-Йорк, VAR). A.A. von Lampe collection. Box 23.
6. *Булгаков М.А.* Белая гвардия (серия «Литературные памятники»). М., 2015.
7. *Тинченко Я.Ю.* Белая гвардия Михаила Булгакова. Киев; Львов, 1997.
8. Письмо А.М. Карамышева Б.П. Войнарскому от 05.07.1939 // VAR. A.A. von Lampe collection. Box 24.
9. *Левченко С.* 8-й Катеринославський корпус // За державність. Матеріали до історії війська Українського. Варшава, 1938. Зб. 9.
10. *Тинченко Я.* Українські збройні сили березень 1917 р. – листопад 1918 р. (організація, чисельність, бойові дії). Київ, 2009.
11. Гражданская война на Украине 1918–1920. Сб. док. и мат. В 3 т., 4 кн. Киев, 1967. Т. 1. Кн. 1.
12. Письмо Б.Н. Палчинского Б.П. Войнарскому от 27.03.1940 // VAR. A.A. von Lampe collection. Box 24.
13. 1918 год на Украине. М., 2001.
14. *Рудиченко А.И., Дуров В.А.* Награды и знаки белых армий и правительств: Материалы к истории. М., 2005.
15. *Рудиченко А.И.* Награды и знаки белых армий и правительств 1917–1922 гг. Учредительные документы, изготовление, практика награждения, типы и разновидности. М., 2008.

АРХАИЧНАЯ ОБРАЗНОСТЬ В ПОЭТИКЕ ЛИТЕРАТУРЫ
БЕЛОРУССКО-ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ
(В ТЕКСТАХ АВТОРОВ ГРОДНЕНЩИНЫ
ПОСЛЕВОЕННОГО ПЕРИОДА)

© 2018 г. М.А. Ламм

*Соискатель Института славяноведения РАН
E-mail: m.lamm@inslav.ru*

В статье рассматривается литература белорусского-польско-литовского пограничья второй половины XX в. в контексте концепции архаического сознания. Объектом исследования послужили произведения Л. Генюш, А. Карпука, Д. Бичель, А. Чобата. Были выявлены и проанализированы образы доисторических племен, пространства и местного населения.

The article is devoted to the study of the literature of the Belarusian-Polish-Lithuanian borderlands of the second half of the twentieth century. in the context of the concept of archaic consciousness. The object of the study was the works of L. Geniyush, A. Karpyuk, D. Bichel, A. Chobata. In the article, images of prehistoric tribes, native land and the local population were identified and analysed.

Ключевые слова: литература пограничья, литературный фронтир, региональная литература, этническая идентичность, архаическое сознание.

Keywords: borderland literature, literary frontier, regional literature, ethnic identity, archaic consciousness

DOI: 10.31857/S0869544X0003673-3

Литература белорусско-польско-литовского пограничья (территории, традиционно называемой в России «Западной Белоруссией» и «Kresy Wschodnie» в Польше) формировалась в уникальных условиях: на границе влияний двух значимых славянских центров, языков и культур. Литовское население в довоенный период в регионе было в меньшинстве, и его культура развивалась сравнительно замкнуто, равно как и культура еврейского населения. Основной диалог в регионе разворачивался между польской и белорусской традициями. Уникальность этого культурного пространства усилилась еще больше, когда на протяжении первой половины XX в. здесь многократно менялась власть: немецкая оккупация в 1915 г., бури гражданской войны, во время которых регион многократно переходил из рук в руки, утверждение польской власти в 1920 г., советская власть и новые границы

в 1939 г., немецко-фашистская оккупация в 1941 г., окончательное разделение прежде единого культурного пространства тремя границами после 1946 г. Менялись не только границы, но и национальный состав населения: в одних случаях — главным образом в статистических данных, как это было в польских переписях населения 1921 и 1931 гг.; в других — физически, как это произошло, к примеру, в результате обмена населением между Польшей и Белоруссией в 1944—1946 гг.

Лишь после 1946 г. на этих землях наступает сравнительно долгий период стабильности. Гродно и Брест оказываются в составе Белоруссии с культурным центром в Минске, находящимся под идеологическим влиянием Москвы. Вильно, прежде бывший культурным центром региона, закрепляется в качестве литовской территории под именем Вильнюс. Белосток и Бельск (Бельск-Подляшский) отходят к Польше, где варшавский культурный центр хотя и находился под влиянием Москвы, но имел гораздо большую самостоятельность, нежели центр минский. На этом фоне в послевоенной литературе Гродненщины происходят интересные процессы, связанные с оригинальным решением традиционных для региональной литературы проблем. Эти процессы представляют собой конструирование этнической идентичности путем обращения к самым истокам — архетипическим образам коллективного бессознательного.

Особенность образной системы в литературе Гродненщины опирается на особый тип сознания, которое в современной философской мысли получило название архаического. Это не означает, что литература рассматриваемого региона существует в устоявшихся с древности неизменных формах или использует устаревший язык, скорее речь об особой архаической рациональности, которая выступает в качестве творческой основы художественного осмысления бытия. Архаическая рациональность вслед за Ю.Ю. Першиным понимается нами как «очеловеченное воспроизведение порядка и логичности мира, адекватность ему, изучение языка мира» [1. С. 14]. Архаическое сознание предполагает «принципиальную коммуникативность» человека и мира, особый мифологизм восприятия. При этом «архаическое сознание современно и манифестирует себя через переход архаического содержания человеческого бессознательного в сознание человека» [1. С. 14]. Таким образом, проявление архаического сознания в литературе предполагает современное наполнение фольклорных образов или же формирование нового фольклора, одушевление окружающего пространства и пр. Это осознание народом своей самости посредством отождествления себя с некими константами бытия, причем в роли подобной константы выступает земля, занимаемая территория. Отсюда происходит дальнейшее самоотождествление с нацией.

Можно выделить три основные константы художественного пространства, встречающиеся у всех рассмотренных авторов. Это:

1) доистория — обращение к памяти доисторических племен, живших в древности на этих территориях;

2) образ пространства, которое описывается преимущественно через ландшафтную доминанту (как правило — реки, т.е. естественная граница между людьми и, обращаясь к мифологическим аспектам, — между мирами, между жизнью и смертью, «своим» и «чужим»);

3) образ местного населения, репрезентация которого происходит в термине, выражающем наиболее архаичную форму идентичности: «тутэйшие» и примыкающая к ней тема «тутэйшей мовы».

Обращение к архаичным моделям и образам здесь тесно связано с проблемой конструирования идентичности на территории белорусско-польско-литовского пограничья. Взгляд назад, на истоки мира и мифа, позволяет авторам хотя бы попытаться ответить на главные вопросы не только региональной литературы, но и литературы вообще: «кто мы?», «откуда пришли?» и «куда движемся?». Именно

этот специфический взгляд позволил в XX в. сформироваться на рассматриваемой территории особому культурному пространству — пограничья, с литературой, опирающейся одновременно на традиции польской, белорусской и русской литератур, однако сохраняющей при этом свою самобытную оригинальность.

Авторы часто обращаются к образу **древнейших жителей** родных мест. Так, Д. Бичель в стихотворении «Предки» («Продкі») вспоминает кривичей и связывает территорию расселения предков с берегами Немана: «Хлебами засевали кривичи заброшенные поля./ А ветерок гонял ветряки и скрипел:/ — Кровушка-кровь, с кривичей не теки!»¹ [2. С. 24]. В стихотворении Л. Гениуш «Дяды» (Дзяды) род кривичей идет с Немана: «Героям сыпались курганы могильные./ Проходили славы полные века./ до тех пор пока хитрый враг не одолел./ Кривицкий род из-над Немана реки» [3. С. 65]. Или в стихотворении «Моему сыночку» (Майму сыночку): «Поведу тебя, милый мой сыну,/ в старый сказочный край Кривичей,/ там где широко Неман раскинул/ ленту синюю сред полей» [3. С. 36]. Не менее мифологично начинается свое эссе «Из истории Гродненского моста, 1392–1944» А. Карпюк. В первой части текста писатель вспоминает старинные легенды и верования. Отсылая читателя к «Золотой ветви» Дж. Фрэзера, А.Н. Карпюк подчеркивает, что речь идет о доисторических временах, однако эти времена не совсем чужды человеку второй половины XX в.: древний человек — «наш далекий предок в накидке из шкуры зубра». Это уже не абстракция, здесь не просто «предок» — предок «наш»: «когда нашему далекому предку в накидке из шкуры зубра надо было переправиться через Неман, он швырял в бушующую крутизну волн жертву, брал весла и, бормоча заклинание, гнал по воде свой челнок к противоположному берегу» [4. С. 25].

Обращение к древним племенам возникает в условиях неопределенной идентичности местного населения, вызванной постоянной сменой государственной принадлежности. В такой ситуации вопрос истоков, этногенеза становится одним из важнейших. Кажущаяся стабильность советского периода не может его закрыть. Интернациональное — будь то коммунистическая идея или даже христианская вера — не тождественно национальному, особенно на границе двух христианских культур. А. Чобат связывает название древнего племени ятвягов с языческим прошлым региона, выводя отсюда его **историческую уникальность**: «И все же интересно — *язычник* или *паганін*? Дело в том, что летописные *пагане* — это некие степняки, некие печенеги, половцы, татары [...], *язычники* же это те, кто с точки зрения христианина должен, но не хочет принимать крест [...]. Значит, был некий народ, часть которого во время жизни наших летописцев приняла христианство, а часть нет. Что же это за народ и где он был? [...]. Подсказку дает лексика — есть язык, а есть “мова”, при этом термин “мова” сохранили только белорусы (наряду с ними украинцы, в некотором смысле потомки тех жителей Белоруссии, что побили татар в XIV веке и колонизировали нынешнюю Украину). Язык же пришел сюда вместе с Кириллом, Мефодием, греческими миссионерами, означал он “мову книжную”, что значит речь христиан-проповедников, а те, кто отказался принимать новую веру, могли быть названы ятвяги, как это и случилось в летописях» (курсив мой. — *М.Л.*) [5. С. 14].

Сходное прочтение образа «тутэйшей мовы» есть и у А.Н. Карпюка, однако у него на первый план выходит образ **пограничья**. Так, в романе «Корни» в главе «Литературный диспут под голубиное урчание» между героями разгорается нештучный спор о праве писать на местном языке: «у меня дома две... э, нет — аж три веры! Я — православный белорус. Жена — католичка. Сыновья — коммунисты. А внуки — полукровки [...]. Мои внуки при разговоре слово польское, слово русское, слово тутэйшее вернуть могут. И что, они стишков придумывать по-своему не имеют права? По-простому!» [6. С. 206]. Интересно, что «тутэйшая мова» здесь

¹Здесь и далее перевод мой.

противопоставлена также и официальной норме белорусского языка: «Неужели вы и сами не видите? Подумайте, на каком языке [...] написано!

– На котором все мы говорим – на простом! Какой он для тебя – и знать не хотим!

– То-то и оно, что не хотите знать! “Сярод роз...” (Среди роз – белор. – *М.Л.*). По-белорусски должно быть “Сярод ружаў”. Автору самому об этом известно, но дает так специально – для рифмы!

– А тебе непонятно?

– Или – жалко?

– Но разве так можно в литературе делать, лю-юди!

– А кто установил – можно так или нельзя? Перегородки для этого специально сколотили, что ли?» [6. С. 207].

Просторечная «тутэйшая мова» таким образом приобретает функции языка и становится **основой самосознания**. Это тесно связано с развитием в региональной литературе образа народа в целом. В послевоенной литературе Гродненщины присутствует романтизация образа «тутэйших». В своем исконном значении «это форма самой ранней самоидентификации, она носит указательный характер, связана с восприятием ограниченного визуального пространства, знанием всех, кто на нем проживает, в лицо и не только [...]. Формирование “тутэйшества” определяется возможностью бытия того, кто “не отсюда”, “пришлый”, “не здешний”, т.е. оно обезличено и не носит характер “ино-инога”. Единственный смысл, укореняющий его в сознании, это враг, недруг, разрушитель, тот, кто несет на себе беды» [7. С. 241].

Номинация «тутэйшие» используется для **обозначения национального характера**. Так, у гродненской поэтессы Дануты Бичель есть стихотворение «Тутэйшая», опубликованное в сборнике «Прежде солнца» (1982), где дано описание национального характера: «тутэйшая. / Я обычная./ Меня мать тут родила, / Как сосну в бору посадила [...] Мне говорили, что я не гордая/ Потому что не шумливая» [8. С. 52]. Как пишет белорусский исследователь А. Петрушкевич, в образе лирической героини выражается «сама суть национального женского характера» [9. С. 65]. Возможно, что этот образ гораздо шире и распространяется на национальный характер в целом, а также и на пространство обитания, ведь слова «родина» и «Белоруссия» в белорусском языке относятся к женскому роду. Таким образом, лирическая героиня может быть воспринята также и в качестве образа нации.

Другим важным аспектом раскрытия образа тутэйших является **обозначение культурных реалий**, которые безусловно являются «своими». Так, Данута Бичель в стихотворении «Черточка», рассуждая о судьбе родного края, замечает, что он, возможно, «пылился бы старьем/ на чердаке Земли./ если бы не вдохнул душу/ волшебник “тутэйший” Янка Купала» [8. С. 204]. Кроме того, эта номинация используется для указания на взаимную принадлежность земли и людей, на ней живущих. Как пишет гродненская поэтесса Лариса Гениуш: «Мы – как зубры/ мы у себя дома, /тутэйшие, что от веков живут./ Мы – как дубы,/ нас можно уничтожить громом,/ но с земли родной/ нас не сдвинуть» [10. С. 73]. Необходимо отметить, что номинация «тутэйшие» не противопоставлена номинации «белорусы», скорее, дополняет ее, однако от идентичности «советский» достаточно далека, поскольку опирается на родовое единство и тесную связь с землей, где жили многие поколения предков. В творчестве А. Чобата это противопоставление выражается прямо. Так, в стихотворении «Отчет о политическом положении», написанном в 1995 г., есть сатирическое замечание: «тутэйший сепаратизм поднимает голову как гусь» [11. С. 5]. Наиболее подробно эта тема рассматривается в эссе «Земля св. Луки».

В текстах встречается и классическое понимание тутэйших как архаичной формы национального самосознания. Так, у А.Н. Карпюка «на вопрос же, белорусы они или

поляки, люди уверенно отвечали: Не, мы тутэйшыя! Ни по-польску, ни по-белорусску даже и говорить не умеем! По-простому разговарываем! Это при королях нас писали поляками, при царях — русскими. Холера их бери, нехай себе пишут, только бы нас не чапали!» [12. С. 5]. Однако в случае отсутствия репрезентации местного населения как «тутэйшыя» непременно присутствует художественное изображение «котла» народов, верований и языков. Так, у А.Н. Карпока, единственного из рассматриваемых авторов, у которого отсутствует романтизация образа «тутэйшых», в каждом произведении есть акцент на поликультурность региона, это основная мысль произведений писателя.

Пространство осмысляется через ландшафтную доминанту — реку Неман, что в принципе характерно для региональных литератур. Как пишет об этом А.А. Москалинский, «река это не просто природный водоток, это вечный неизменный нестареющий символ места, в котором заключены все духовно-материальные компоненты его культурного ландшафта» [13. С. 142]. Следовательно, образ Немана в послевоенной литературе Гродненщины предстает как нечто неизменное, как **точка опоры в меняющемся мире**. Так, у А. Чобата в стихотворении «Ковно» (Каўнас): «Как Неман белый, время плывет дальше, / несчастных рождает и счастливых, / чтобы мы жили, и верили смелее, / и прогоняли печаль хорошим черным пивом» [14. С. 17–18]. То же сравнение мы видим у Л. Гениюш: «Подъемом в сердцах наших шумит Белавежа, / как дни наших сел, так Неман плывет...» [10. С. 113]. Он одновременно **свидетель** истории края и жизни каждого человека. У Д. Бичель также присутствует образ двух берегов: «с двух берегов Немана/ столько судеб наломано. / Песня с горчинкой боли./ Да с отголоском боя» [8. С. 114]. Это **образ Родины**, что характерно для белорусской литературы в целом. У Д. Бичель в стихотворении «Белая Русь»: «Белая Русь, мамочка, / это же девочка, да?!», на что следует ответ: «Нет, Беларусь — Родина [...] / Перед тобой лежит. / Крикни / — она ответится! [...] Даль захлебнется громом — / так Беларусь запевает! / И засияет Неман — / чистотой ее глаз...» [2. С. 61]. Аналогично рассуждает у Л. Гениюш лирический герой стихотворения «Ответ» (Адказ): «Откуда ты?» отвечает: «с земли белорусской — / оттуда, где льется Неман / колышущейся лентой» [3. С. 31].

Литература польско-белорусско-литовского пограничья формировалась в сложных политических и исторических условиях, под давлением культур России и Польши, затруднявшим формирование идентичности. По этой причине во второй половине XX века происходит возврат к древним традициям. На уровне композиции текстов это опора на ритмы и формы обрядовой поэзии. На формально-языковом уровне — использование «тутэйшей мовы» — специфического языка белорусско-польско-литовского пограничья, отличающегося от литературной нормы белорусского языка как на уровне грамматики, так и на уровне лексики. На уровне образности — опора на исторические и бытовые реалии территории, выход на общеисторические белорусские или польские реалии происходит крайне редко и, в тех исключительных случаях, когда такое все же происходит — лишь в контексте региональной истории. Интересно, что литература белорусско-польско-литовского пограничья в послевоенный период как минимум на территории Гродненщины развивается по этнической модели, характерной для литератур малых народов.

При этом было бы ошибочным говорить об архаичности поэтики и тем более литературы рассматриваемого региона: она актуальна на общенациональном уровне (факт наличия переводов на русский либо польский языки позволяет говорить также об интернациональной ее актуальности) и вполне современна. Обращение к древности, к исторической памяти позволяет рассмотренным авторам сохранять этнонациональную идентичность при любых воздействиях, поскольку это опора на вечные и неизменные онтологические факторы,

существующие вне зависимости от влияния любых культурных центров. Это подчеркивается отсутствием в литературном пространстве Гродненщины авторов, писавших в жанре социалистического реализма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Першин Ю.Ю.* Архаическое сознание: сущность и принципы. Автореф. дисс. ... д–р филос. наук. Омск, 2003.
2. *Бічэль Д.* Снапок. Мінск, 1999.
3. *Геніюш Л.* Невадам з Нёмана. Мінск, 1967.
4. *Карцюк А.Н.* З гісторыі гродзенскага маста, 1392–1944. Эсэ // Беларусь. 1983. № 2.
5. *Чобат А.* Земля св. Лукі. Кrynki, Białystok, 2002.
6. *Карцюк А.Н.* Карані // Выбраныя творы ў 2 т. Мінск, 1991. Т. 2.
7. *Розенфельд У., Шелбанина Г.* Структура и уровни национальной самоидентификации // Шлях да узаемнасці. Матэрыялы Х Міжнароднай навуковай канферэнцыі (Гродна–Мір, 24–25 кастрычніка 2002 г.). Гродно, 2004. Ч. 2. С. 240–244.
8. *Бічэль Д.И.* Даўняе сонца. Лірыка. Мінск, 1987.
9. *Петрушкевіч А.* Літаратурная Гарадзеншчына ў постацах і лёсах. Гродна, 2009.
10. *Геніюш Л.* Збор твораў у 2 т. Мінск, 2010. Т. 1.
11. *Чобат А.* Новая Галілея. Мінск, 1995.
12. *Карцюк А.Н.* Вершалинскі рай. Мінск, 1986.
13. *Москалинский А.А.* Река как основной географический образ в художественной литературе // Псковский регионологический журнал. 2010. № 10. С. 141–146.
14. *Чобат А.* Год. Мінск, 1992.

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКОМ ХАРАКТЕРЕ АНТИФАШИСТСКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ В ПОЛЬШЕ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ИСТОРИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ ВАРШАВСКОГО ВОССТАНИЯ 1944 ГОДА

© 2018 г. А.Ф. Носкова¹, Б.В. Носов^{2*}

¹Д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН

²Д-р ист. наук, зав. отделом Института славяноведения РАН

E-mail: bnossov@mail.ru

Статья посвящена критическому анализу современной российской историографии антифашистского движения Сопротивления в Польше в годы Второй мировой войны и Варшавского восстания 1944 г. на примере новейшей монографии В.С. Парсадановой.

The article suggests a critical analysis of the modern Russian historiography of the anti-fascist resistance movement in Poland during World War Two and the Warsaw Uprising of 1944 on the example of the recent monographic work of Valentina Parsadanova.

Ключевые слова: Вторая мировая война, движение Сопротивления в Польше, Армия крайова, Армия людова, Варшавское восстание.

Keywords: World War Two, Resistance movement in Poland, The Home Army, The People's Army, the Warsaw Uprising.

DOI: 10.31857/S0869544X0003674-4

За 70 с лишним лет, истекших после окончания Второй мировой войны, истории антифашистского сопротивления в Польше посвящена практически необъятная литература от публикаций исторических документов и воспоминаний участников – до огромного массива публицистики всех политических направлений и самого разнообразного характера. Разумеется, первое место принадлежит польским работам, однако в немалом количестве они появились и в большинстве других стран Европы, Америки и даже в Австралии. Только профессиональная историография проблемы насчитывает тысячи названий, что само по себе уже свидетельствует об интенсивности научной дискуссии по проблемам истории польского движения Сопротивления.

Вместе с тем в отечественной историографии эта тема затрагивалась преимущественно в обобщающих работах, например [1], и не получила достаточного монографического изучения. В полной мере это относится и к истории Варшавского

восстания, о котором, наряду с обобщающими трудами, опубликован ряд статей, прежде всего, статья Н.В. Васильевой [2]. Можно указать и на ряд публикаций В.М. Мельтюхова о позиции СССР по отношению к Варшавскому восстанию и о военно-стратегическом положении и оперативной ситуации на советско-германском фронте летом 1944 г. Следует также упомянуть вышедшие недавно из печати тома трехтомного сборника опубликованных документов из советских и польских архивов по истории восстания [3]. В нем публикуемые исторические источники выступают в органическом единстве с подготовленными А.Ф. Носковой научным введением «Варшавское восстание 1944 г.: замысел и итоги» [3. Т. 2. Ч. 1. С. 5–42] и комментариями к публикуемым документам. В целом они заключают в себе концепцию монографического исследования, его содержательную и проблемную структуру.

Однако даже с учетом всех этих публикаций вышедшая из печати в середине 2018 г. двухтомная работа В.С. Парсадановой [4] по праву на многие годы, если не десятилетия, может быть отнесена к числу фундаментальных российских монографий по истории Польши. Монография впервые в отечественной исторической науке посвящена истории польского движения Сопротивления в годы Второй мировой войны и во многом ставшему символом этого движения и одной из наиболее ярких и трагических страниц его истории – Варшавскому восстанию 1944 г.

Тема Польши в годы Второй мировой войны была центральной на протяжении более полувековой научной работы автора. В конце 1980-х годов были открыты для ученых недоступные ранее архивные фонды, предоставлены широкие возможности исследований по «закрытым» ранее темам. В это время публикуются статьи Парсадановой по истории советско-польских отношений кануна и начала Второй мировой войны [5–6]. С тех пор ей также принадлежит приоритет в историческом изучении трагического «Катынского дела» [7].

На рубеже 1980–1990-х годов, В.С. Парсаданова начала работу над книгой о Варшавском восстании. По разным причинам, иногда не зависевшим от автора, она прерывалась и была завершена только в прошлом году, однако эта тема и названный труд неизменно оставались в ее поле зрения. К сожалению, в отдельных технических аспектах вышедшая из печати книга несет на себе следы некоторых недосказанностей и недоработок, что иногда случается с трудами, над которыми авторы работали не одно десятилетие.

Книга «Варшавское восстание 1944 г.» стала ответом В.С. Парсадановой на многие дискуссионные вопросы, напряженно обсуждавшиеся историками на протяжении прошедшего тридцатилетия. В этом смысле она отражает не только индивидуальную позицию автора, но и представляет собой интегрированное критическое воплощение подходов, воззрений, концепций и научного вклада многих отечественных и зарубежных (прежде всего польских) исследователей истории Польши периода Второй мировой войны. Каждая из затронутых В.С. Парсадановой проблем, даже вопросы второго и третьего плана, имеют богатейшую историографию, поэтому автору, ввиду ограниченного объема монографии, вынужденно пришлось отказаться от описания и анализа историографии, ограничившись лишь отдельными полемическими замечаниями.

«Основное внимание в работе, – пишет Парсаданова, – уделено процессу формирования и развития двух противостоявших направлений в движении Сопротивления. Особый упор будет сделан на события 1944 г., когда решались судьбы Польши» [4. Ч. 1. С. 4]. Хронологические рамки исследования охватывают период от сентября 1939 г., когда, согласно концепции автора, зарождается антифашистское польское Сопротивление, завершается – событиями 1945 г., освобождением Красной армией в январе Варшавы и далее всех польских земель, в том числе отхо-

дивших к Польше восточных районов довоенной Германии. Эти события кардинально изменили как внешние политические условия действия движения Сопротивления, так и внутреннюю ситуацию, статус и задачи самих польских антифашистских организаций. Особое место в книге занимает заключительный раздел пятой главы, посвященный политике СССР, добившегося международного признания дружественной ему Польши [4. Ч. 2. С. 197–214]. Отметим имеющееся в книге и весьма важное специальное Приложение «Проблема Армии крайовой и ее разрешение (1945–1958 гг.)» [4. Ч. 2. С. 228–275].

Событиям 1944 г. в книге посвящена пятая глава, которая составляет практически целиком вторую часть издания. Первые четыре главы носят, условно говоря, вводный характер. Первая глава охватывает период от нападения гитлеровцев на Польшу и до начала нацистской агрессии против СССР. Вторая посвящена подьему антифашистской борьбы в оккупированной Польше и формированию организационной военной и политической структуры политически не единого антигитлеровского движения Сопротивления (до весны 1943 г.). В третьей главе рассматриваются вопросы оформления основных социально-политических лагерей движения Сопротивления в период коренного перелома в ходе Второй мировой войны вплоть до лета 1944 г. и кануна Варшавского восстания. Четвертая глава посвящена польскому вопросу на международной арене и позиции польской эмиграции в СССР в отношении польского Сопротивления в период до 17 июля 1944 г., когда Красная армия вступила с антифашистской освободительной миссией на территорию Польши.

Как отмечено во введении, главное внимание автора направлено на социально-политические аспекты истории польского Сопротивления. Определенные противоречия в этой области, как показала Парсаданова, начали проявляться еще в конце 1939 – в начале 1941 г. По данным польского правительства и немецких оккупационных властей на занятых фашистами территориях довоенной Польши наряду с силами, продолжавшими партизанскую борьбу под знаменем восстановления прежней Польской республики, создавались при поддержке СССР иные подпольные антифашистские группы [4. Ч. 1. С. 55], что, заметим, вызвало резко негативную реакцию «польского» Лондона. Это наблюдение автора имеет принципиальное значение, поскольку с самого начала гитлеровской оккупации Польши в польском антифашистском Сопротивлении зарождалось внутреннее противоречие, ставшее со временем противостоянием двух военно-политических лагерей, и разворачивалась борьба за будущий социально-политический облик страны. В условиях войны и оккупации это находило свое проявление, прежде всего, в отношении к СССР. Причем очевидно, что в условиях довоенных 1940–1941 годов у СССР не было реальной возможности, так сказать, ни экспортировать человеческий потенциал в польское движение Сопротивления, ни предлагать ему тем или иным способом социально-политическую программу антифашистской борьбы и тем более свою модель послевоенного устройства страны. Иными словами, левое направление движения Сопротивления в Польше, и здесь следует согласиться с автором монографии, сформировалось и развивалось на польской почве как польское национально-освободительное движение, хотя оно, разумеется, и находило поддержку со стороны СССР.

Тенденция политического размежевания правых и левых сил в среде польского Сопротивления на оккупированных польских землях усилилась после нападения фашистской Германии на СССР и восстановления межправительственных советско-польских отношений с находившимися в Лондоне польскими властями. В этой связи важно отметить констатацию автора, что вопреки солидарному антисоветскому курсу этого правительства и всех действовавших в Великобритании польских политиков, в самой Польше руководители организации «Польские социалисты»,

игравшей в 1941–1942 гг. заметную роль в подчиненном правительству Сопротивления на оккупированных польских землях, не разделяли политической программы правительства. Они «не взяли на себя никаких обязательств на послевоенное время, но в условиях войны, когда наметились демократические проявления в политике правительства (имеется в виду его Соглашение с СССР о восстановлении отношений и взаимодействия в войне. — *А.Н., Б.Н.*), они считали, что необходимо поддержать его “просоветскую политику”» [4. Ч. 1. С. 67]. Тем самым В.С. Парсаданова обоснованно связала зарождение на оккупированных польских территориях внутри пролондонского лагеря Сопротивления уже в первые годы войны и на основе отношения к СССР — левой и правой тенденций, причем без видимого вмешательства с советской стороны.

По мнению автора монографии, на положение дел в правом лагере Сопротивления тогда же оказывал влияние процесс формирования массовой подпольной военной организации — Армии крайовой, которая, согласно оценке В.С. Парсадановой, «из организации интеллигентско-мелкобуржуазной, городской превратилась в организацию, имевшую опору как в городе, так и в деревне» [4. Ч. 1. С. 124]. Применение автором в данном случае классовых критериев является явно необоснованным, ибо речь идет не о классовом характере организации, а о социальном составе ее участников. Вначале среди них действительно преобладали выходцы из высших и средних слоев городского населения, в первую очередь из генералитета и офицерского состава довоенной армии, в том числе и офицеров, призванных из запаса в сентябре 1939 г. Однако по мере развития подпольного движения в АК вовлекались и представители патриотически настроенных трудящихся низов городских жителей и сельского населения, а также демократически настроенных младших офицеров и солдат армии межвоенной Польши.

Однако высшие командные должности в АК всегда принадлежали генералитету и старшему офицерству Войска польского — сторонникам, как правило, маршала Ю. Пилсудского — людям, идейно и политически связанным с режимом санации и настроенным антидемократически и антисоветски. Верно подмечен автором книги и рост численности в составе АК офицеров, направлявшихся эмигрантскими политическими кругами из Лондона. Они оказывали решающее влияние на руководство организации и на все ориентировавшиеся на Лондон подпольные структуры. Таким образом, в социально-политическом плане АК провозглашала себя преемницей режима, правившего в Польше после переворота 1926 г.

Принципиальным вопросом истории Армии крайовой представляется проблема ее численности. Разумеется, любой статистике времени войны и тем более в условиях жестокого гитлеровского оккупационного режима присущи высшая степень уязвимости и низший порог достоверности. В историографии АК единодушно характеризуется как массовая организация, в рядах которой значились, по польским данным, от 250 до 350–400 тыс. человек. Такое расхождение данных уже говорит об известной субъективности и произвольности оценок такого рода. При этом все исследователи отмечают, что в боевых подразделениях АК действовала только относительно небольшая часть ее членов. Согласно приведенным В.С. Парсадановой данным, «чисто военные формирования, партизанские отряды, боевые группы АК, выполнявшие конкретные боевые задания, до весны–лета 1944 г. составляли менее процента ее общего состава. На рубеже 1943–1944 гг. они выросли до 4,5 тыс. бойцов и 6–7 тыс. [человек] в группах самообороны» [4. Ч. 1. С. 124]. Далее указывается, что «на пике» борьбы с гитлеровцами численность АК составила: 21 тыс. человек в Варшаве; 27 тыс. — в Люблине; 25 тыс. — в Радоме; 27 тыс. — в Кракове; 32 тыс. — в Силезии [4. Ч. 1. С. 125].

Однако уже при самом поверхностном анализе приведенные количественные данные вызывают недоумение. В первом случае (до весны 1944 г.) общая числен-

ность «бойцов» не превышала 12 тыс. чел. Через полгода «на пике» активности численность АК только в генерал-губернаторстве, то есть на этнографической территории Польши, превысила 100 тыс. чел., без учета группировки в Силезии и, главное, без учета сил АК, сосредоточенных на территории Западной Украины, Западной Белоруссии и Виленского края довоенной Польши. Если же принять в расчет, что, по данным, приведенным Парсадановой, 58 % численности АК было сосредоточено в генерал-губернаторстве и что доля командного состава здесь составляла 67 % (из них 24, 5% числились в главном штабе АК) то, очевидно, речь идет о боевых подразделениях, где половина участников были профессиональными военными военнослужащими – офицерами разных званий и унтер-офицерами [4. Ч. 1. С. 125]. Не углубляясь в дальнейшие подсчеты, отметим, что более чем десятикратный рост численности боевых подразделений АК за несколько месяцев в первой половине 1944 г. представляется явно нереальным (особенно принимая во внимание, например, острую нехватку вооружения).

Разумеется, приближавшееся освобождение Польши обусловило подъем движения Сопротивления, но столь стремительный рост численности его рядов с учетом пятилетнего массового террора гитлеровцев на оккупированных территориях выглядит более чем сомнительно. Недостоверность таких данных лишь подчеркивает приведенный в книге факт, что только в штабе АК в 1944 г. числился 1731 офицер [4. Ч. 1. С. 125]. Принимая во внимание деятельность на оккупированных территориях гестапо и других нацистских спецслужб, реальное существование подобной, тем более работающей, структуры не может не вызывать сомнения.

В.С. Парсаданова не анализирует ни источниковедчески, ни историографически источники приводимых сведений о численности и качественном составе организаций, участвовавших в движении Сопротивления, что представляется явно не лишним. Она заимствовала приведенные данные из польских документальных публикаций разного времени и современной польской научной литературы, где без должной критики, а временами и тенденциозно, воспроизводятся соответствующие материалы Армии крайовой и польского правительства в Лондоне, стремившихся преувеличить собственную роль в антифашистском Сопротивлении и международный «вес» польского правительства, представить западным союзникам, прежде всего правящим кругам Великобритании, в выгодном свете как свою деятельность, так и потенциал ориентированного на Лондон военно-политического подполья в оккупированной нацистами Польше. Среди прочего присутствовал и расчет на получение от Великобритании и США дополнительных денежных средств и вооружения. В.С. Парсаданова приводит сведения о субсидиях, выделенных АК английским правительством [4. Ч. 1. С. 125–126].

Правда, автор, указывая на имеющиеся расхождения в оценках численности АК, «призывает» читателей к осторожности и приводит откровенное свидетельство главного коменданта АК Стефана Ровецкого, что «число рядовых бойцов никогда не соответствует действительности» [4. Ч. 1. С. 133–134]. Однако следует признать, что масштабы преувеличений были, вероятно, существенно большими, нежели это отмечено в историографии и документах времени войны. В целом это не вызывает удивления, поскольку в условиях войны, так сказать, сводки с поля боя со всех сторон неизменно преувеличивали собственные силы и победы, как и поражения, и потери противника.

Важные наблюдения, также на основе польской историографии, В.С. Парсаданова делает по поводу организационной структуры АК. Она пишет, что, кроме «чисто военных формирований», существовали «политико-пропагандистские редакции и группы, юридические, судебные, сыскные, органы разведки и контрразведки», а также «организации в ряде случаев с прицелом на послевоенное функционирование». Это, например, были будущая полиция и даже военный корпус

службы безопасности, предназначенные для несения оккупационной службы в послевоенной Германии [4. Ч. 1. С. 124].

Если исходить из приведенного в книге соотношения (один к ста), военных и гражданских структур подполья, подчиненного польскому правительству, то численность всех этих организаций должна была бы составить не менее миллиона человек, что просто неверно. В материалах германских оккупационных властей мы не встречаем следов информации о деятельности подобного размаха или о раскрытии такого рода крупных организаций. А это позволяет предположить, что и на этот раз мы имеем дело с очередной мистификацией, инспирированной агентами эмигрантского правительства и их находившимися в Великобритании шефами.

Однако примечательно, что не критически исследованные свидетельства подобного рода дали основание для практически господствующей в польской историографии весьма сомнительной концепции польского «подпольного государства», ставшей одним из краеугольных элементов «исторической политики» польских властей. Так называемое «подпольное государство», разумеется, прямо и, прежде всего, ассоциируется с Армией крайовой. В.С. Парсаданова обошла эту концепцию молчанием, однако, по сути дела, повторила, хотя и вкратце, основные аргументы в ее обоснование. Мы ни в малейшей степени не намерены поставить под сомнение подвиг польских патриотов – участников антигитлеровского движения Сопротивления. И на страницах монографии Парсадановой приводится немало соответствующих ярких фактов и впечатляющих свидетельств. Разумеется, нельзя не принять во внимание патриотических устремлений представителей польской общественной мысли в максимальной степени позитивно представить вклад своего народа в общую победу над фашизмом, в равной мере это характерно и для других стран антигитлеровской коалиции. Нельзя не учесть и традиционной для польского общественного сознания определенной «мегаломании» в оценке исторической роли и достижений Польши. Все это не могло не сказаться на тенденциях развития историографии, к чему зарубежные исследователи истории Польши относятся с пониманием и должным уважением.

Однако чрезмерное преувеличение масштабов деятельности АК и ее исторической роли преследует сегодня совсем иную цель и представляет иную тенденцию. Главной задачей современной «исторической политики» польских властей и следующих в ее русле современных представителей польской историографии стало обоснование тезиса об исключительной роли АК в польском Сопротивлении. Не отрицая, что АК была наиболее крупной подпольной военной организацией, нельзя согласиться с утверждением, что она объединила абсолютное большинство польского народа и стала его единственным легитимным представителем. Не соответствуют истории страны и тезисы, что АК и «польское подпольное государство» были единственным легитимным носителем польской государственности и внесли решающий вклад в освобождение Польши от гитлеровской оккупации. Все эти утверждения, временами косвенно, временами непосредственно, были в свое время и остаются в наши дни направленными против левых сил Польши, внесших отнюдь не меньший, чем АК, вклад в борьбу с гитлеровцами, что убедительно показано в работе В.С. Парсадановой. Указанные тезисы современной официальной польской публицистики и, в определенной мере, историографии направлены против Народной Польши и против СССР для обоснования сугубо политически обусловленного утверждения о так называемой послевоенной «советской оккупации» Польши.

Не меньшее внимание, чем Армии крайовой, уделила В.С. Парсаданова левым направлениям в движении Сопротивления и представлявшим его партиям и организациям от подпольных групп и объединений социалистов и людовцев (последние представляли крестьянство) до подпольных организаций возрожденной польскими коммунистами и идейно обновленной Польской рабочей партии (ППР). В этом

случае, в отличие от представленной на страницах книги политически и идеологически весьма аморфной АК, применительно к левым силам в монографии проведен тщательный и подробный анализ не только организационных структур, координировавших борьбу подпольных групп и партизанских отрядов, но и их политические позиции, стратегические цели и тактика борьбы. В.С. Парсаданова обосновала вывод, что ППР и ее союзники (возрожденные партии левых социалистов и крестьянских деятелей – людовцев) ориентировались на решение после войны двух главных задач. Во-первых, на кардинальные изменения социально-экономического строя и демократизацию политической системы Польши и, во-вторых, на переориентацию внешнеполитического курса страны путем отказа от враждебности к СССР и тесного взаимодействия с ним при сохранении союзов с Великобританией и США.

Согласно концепции В.С. Парсадановой, принципиальные расхождения позиций по социально-политическим вопросам и по вопросам стратегического курса на международной арене между левыми силами польского Сопротивления и правым лагерем, следовавшим политическим курсом польского правительства в Лондоне, определили их политическую непримиримость и невозможность объединения польского движения Сопротивления в борьбе против гитлеровских оккупантов. Еще зимой в начале 1943 г. это отразил провал переговоров между представителями правительства (Делегатуры) и АК, с одной стороны, и представителями ППР – с другой [4. Ч. 1. С. 178–181].

В главе, относящейся к периоду: лето 1943 – лето 1944 г., В.С. Парсадановой рассмотрен вопрос о планируемом командованием АК при одобрении польского правительства всепольском антифашистском освободительном восстании, предпосылками которого, по словам автора, названы «победы Красной армии», «начало кризиса фашистского блока», «подъем освободительной борьбы» в Польше и «организационное оформление двух политических лагерей» в польском антигитлеровском движении [4. Ч. 1. С. 219]. Главное внимание уделено двум последним факторам, повлиявшим на решение о подготовке восстания.

Очевидно, что изгнание гитлеровцев с территории СССР и приближавшаяся перспектива освобождения Польши от оккупантов советскими войсками при участии сражавшейся на советско-германском фронте в составе Красной армии 1-й Польской армии обусловили подъем движения Сопротивления в Польше. Наверное, повторение этой аксиомы было бы излишним, если бы не упомянутые выше современные негативные тенденции, вызванные «исторической политикой» нынешнего польского правительства.

Говоря об усилении антифашистской борьбы польских партизан и подпольщиков, В.С. Парсаданова приводит ряд свидетельствующих об этом сведений и, в частности, данные германских властей о том, что, ежегодно с 1942 по 1944 г. регистрировалось соответственно 1 333; 4 458 и 6 963 акции Сопротивления, что в ходе их подавления потери гитлеровцев составили соответственно 31; 190 и 1 018 человек [4. Ч. 1. С. 220]. Таким образом, в 1944 г., «на пике» движения на семь акций приходился один убитый (или раненый?) нацист. Разумеется, к числу этих акций относились также: распространение листовок, акты саботажа, диверсии против тех или иных объектов, не связанные с людскими потерями врага, и т.п. Однако даже с учетом этого, подъем освободительного движения выглядел, по сравнению с приведенными абсолютными цифрами, гораздо скромнее. Приводит автор и сведения о потерях среди участников движения, правда, только по Люблинскому воеводству [4. Ч. 1. С. 220]. Между тем, в польской научной литературе имеются такие данные, относящиеся к территории всего генерал-губернаторства за 1942, 1943 и 1944 г. [8. С. 26, 29–30]. Они подтверждают, что эти потери были весьма велики, что свидетель-

ствовало, с одной стороны, о героизме и готовности к самопожертвованию партизан и подпольщиков, а с другой — о массовости репрессий гитлеровцев и о предельной жестокости оккупантов. Однако оценить значение этих количественных данных (в частности, и приведенных В.С. Парсадановой) достаточно трудно, хотя бы уже потому, что невозможно установить, сколько людей пали в бою с врагом, а сколько стали безвинными жертвами карательных репрессий гитлеровцев. В.С. Парсаданова подчеркивает, что борьбу с движением Сопротивления гитлеровцы вели посредством «усиления террора и казней заложников» и под антикоммунистическими лозунгами. Они использовали распространенность среди польского населения антисоветских и антикоммунистических настроений, «приписывали ППР и Гвардии людовой», а также «советским диверсантам», все «крупные антиоккупационные действия, даже совершаемые Армией крайовой» [4. Ч. 1. С. 220]. Разумеется, каждый случай такого рода нуждается в конкретном изучении, однако возникает законный вопрос, не приписывала ли АК себе результаты действий «советских диверсантов» и не были ли в таких случаях правы нацистские следователи?

Обращаясь к вопросу о нацистских репрессиях в период с лета 1943 до лета 1944 г., В.С. Парсаданова, ссылаясь на свидетельства участников движения Сопротивления, отмечает, что среди методов подавления антигитлеровского сопротивления на оккупированных территориях были и действия гестапо, подстрекавшего украинских националистов к террору против польского населения, что является документально подтвержденным историческим фактом. Автор приводит сведения о создании гитлеровскими спецслужбами польских отрядов, предназначенных для борьбы с советскими разведывательными и диверсионными группами, а также с просоветскими, интернациональными по составу участниками, партизанскими отрядами [4. Ч. 1. С. 220–221]. К сожалению, проявления коллаборационизма как самостоятельная научная проблема не получили в монографии В.С. Парсадановой более конкретного и глубокого рассмотрения.

Анализируя политические аспекты программных документов основных партий польского Сопротивления, В.С. Парсаданова констатирует, что произошедшее в 1943 г. кардинальное изменение в соотношении сил на советско-германском фронте побудило польское правительство и подчинявшийся ему лагерь движения Сопротивления перейти, во-первых, от демонстрации некой лояльности по отношению к СССР (как к «союзнику наших союзников» по антигитлеровской коалиции) к откровенно выраженному антисоветскому политическому курсу и, во-вторых — к давлению на позиции демократических мелкобуржуазных и реформистских сил (людовцев и социалистов) в движении Сопротивления. В итоге представители правых сил, прежде всего национальных демократов, по словам автора, «овладели утраченными позициями в политических органах и в АК» и принудили «руководство людовцев, а также социалистов» подписать 15 августа 1943 г. Декларацию четырех партий. В.С. Парсаданова расценивает этот факт как поражение демократов, прежде всего крестьянских представителей — людовцев в руководстве подпольем. Этот тезис автора, как представляется, нуждается в уточнении. Летом-осенью 1943 г. и в польских кругах в Лондоне, где распределение постов в новом правительстве произошло с перевесом в пользу людовцев и ППС, и в руководстве подпольем состоялся некий компромисс. О нем свидетельствовали, например, постановление в Декларации четырех партий задачи восстановления демократической Польши «образца до 1926 г.», а также обещание национальным меньшинствам установления после войны демократических свобод и равенства прав с польским этническим большинством. Что же касается присутствовавших в Декларации констатаций о защите Польши «от возможных попыток государственных переворотов, которые могут исходить из коммунистических кругов» [4. Ч. 1. С. 224–225], на что обратила

главное внимание В.С. Парсаданова, то они оставались только данью традиционной антикоммунистической риторике и отнюдь не свидетельствовали о якобы опасении правых, что их союзники из лагеря ППС и людовцев отважатся на какое-либо взаимодействие с коммунистами, тем более что руководители и людовцев, и социаллистов никогда, особенно после сентября 1939 и апреля 1943 г., не испытывали симпатий ни к польским коммунистам, ни к СССР.

Провозглашенный в Декларации отказ от восстановления санационных порядков в послевоенной Польше мог быть лишь свидетельством того, что правые политики в руководстве подпольем (а это, прежде всего, национальные демократы (эндеки), располагавшие особым влиянием в АК) косметически корректировали тактическую линию, стремясь перехватить и присвоить себе лозунги своих левых оппонентов. В этом можно усмотреть подтверждение, что в условиях гитлеровской оккупации и нарастания движения Сопротивления для правых, и не только для них, выступило на первый план противостояние левому лагерю в лице ППР и формировавшихся подпольных организаций левых социалистов и левых людовцев.

Левая часть партийно-политического спектра польского движения Сопротивления как на оккупированной территории, так и в эмиграции включала в себя ряд самостоятельных политических организаций, позицию которых в 1943 г. достаточно подробно анализирует В.С. Парсаданова. Эта часть монографии имеет, несомненно, самостоятельную ценность, и остается только пожалеть, что композиция работы и соразмерность ее частей не позволила автору уделить этим проблемам больше внимания, тем более что в современной польской историографии история левицы практически игнорируется, а если и затрагивается, то подается явно тенденциозно через призму позиций руководства правого лагеря времени войны, отраженного в новейших антикоммунистических политических концепциях.

Центральное место среди левых сил принадлежало, несомненно, ППР, которая в 1943 г., как пишет Парсаданова, руководствовалась тактикой собирания демократических сил посредством контактов с низовыми и средними звеньями социалистов, людовцев и демократов (партийное руководство которых выступало в союзе с правыми. — *А.Н., Б.Н.*). Несмотря на неудачу переговоров с Делегатурой и АК, ППР еще летом 1943 г. «не оставляла надежды на соглашение с “буржуазной демократией в Польше” как аналог антигитлеровской коалиции в мировом масштабе» [4. Ч. 1. С. 237–238]. Однако уже к осени 1943 г. польские коммунисты пришли к окончательному выводу о невозможности сотрудничества с правыми из-за их неизменно враждебного отношения к СССР и к ППР. Ответом своим политическим антиподам стал ряд политических шагов коммунистов. Решающим на этом пути стало образование на рубеже декабря 1943 г. — января 1944 г. Крайовой рады народной (Совета национального единства). Как показала В.С. Парсаданова, этим актом завершилось к началу 1944 г. идейно-политическое размежевание в польском движении Сопротивления. Оформились два претендовавших на послевоенную власть противоборствующих лагеря. Это, утверждает автор, исключало не только тактическое взаимодействие в борьбе с гитлеровцами, но и в принципе единство их действий. Точнее было бы сказать, что это единство действий коммунистов с проправительственным лагерем было невозможно в целом.

В такой ситуации польское движение Сопротивления вступило в 1944 г. Теперь для правых сил актуальной и неотложной задачей стало всепольское антифашистское восстание. Идея командования АК о проведении «микротерриториальных восстаний — акция “Бужа”, которая, как буря, должна была пронестись по всей территории Польши по мере вступления туда Красной армии», получила документальное оформление осенью 1943 г. [4. Ч. 1. С. 232]. Однако осуществить план всепольского восстания не удалось. В.С. Парсаданова указывает на ряд причин провала этого замысла.

Во-первых, это отсутствие взаимодействия с наступающими советскими войсками и принципиальный отказ командования АК от сотрудничества с Красной армией. В полной мере это проявилось уже при освобождении Западной Украины и Западной Белоруссии, в особенности в ходе участия отрядов АК в боях за города Вильно (Вильнюс) и Львов [4. Ч. 2. С. 11–14]. На этот счет в новейшей польской, нередко случается и в российской, историографии излагаются недостоверные сведения. В действительности командование АК осознавало невозможность своими силами взять Вильно и Львов до прихода советских войск и поэтому стремилось лишь продемонстрировать участием в боях отрядов АК, что в этих важнейших политических центрах устанавливается власть, признающая над собой суверенитет лондонского польского правительства. Справедливость этого утверждения в полной мере характеризует приведенное в монографии высказывание У. Черчилля. Британский премьер, которого трудно заподозрить в просоветской необъективности, реагируя на протесты польского премьер-министра Ст. Миколайчика против разоружения отрядов АК по приказу советского командования, заявил тогда, что поляки своими действиями лишь демонстрируют антисоветскую позицию и «вместо отхода на Запад» «лезут на Виленщину и украинскую Волинь» «только для того, чтобы обозначить свое присутствие» [4. Ч. 2. С. 11–14].

Во-вторых, провал плана всепольского восстания был обусловлен непримиримыми противоречиями (правых и левых сил) в движении Сопротивления. Отмечая эту причину, автор констатирует, что хотя боевые действия польских партизанских отрядов, руководимых в основном коммунистами, осуществлялись в координации с действиями советских войск, однако и в этом случае они не привели ко всепольскому восстанию. Разумеется, в этом сказался раскол движения Сопротивления, однако, как следует из материалов рассматриваемой монографии, был и иной, не менее значительный фактор: для всепольского восстания польские партизаны и подпольщики-антифашисты не имели достаточных сил и средств, в частности вооружения. В.С. Парсаданова приводит и сведения о численности в 1944 г. Армии народной — 55 тыс. чел., из которых в Люблинском воеводстве были дислоцированы 9 622 чел., то есть $\frac{1}{6}$ общего состава [4. Ч. 2. С. 16–17]. Именно близостью здесь советско-германского фронта летом 1944 г. и работой в Люблине с августа 1944 г. Польского комитета национального освобождения (ПКНО) и объясняется относительная детальность количественных данных именно по Люблинскому воеводству как сил АК, так и АЛ. Даже если приведенные цифры оценивать как достоверные, то и в этом случае сил АЛ было, очевидно, недостаточно для всепольского восстания.

В-третьих, нереалистичность планов всепольского восстания была обусловлена характером и темпами развития операций Красной армии на советско-германском фронте, когда «фронт прокатывался раньше, чем отряды АК (и партизанские формирования других политических сил. — *А.Н., Б.Н.*) могли сконцентрироваться для акции “Бужа”» [4. Ч. 2. С. 14]. Беспочвенность планов всепольского восстания только подчеркивала значение освободительной миссии Красной армии, без решающей роли которой было бы невозможно ни освобождение Польши от гитлеровской оккупации, ни восстановление польской государственности, ни обретение государственной территории страны в новых, международно признанных границах. Последнее имеет особое значение, поскольку установленные в 1945 г. и формально утвержденные в международно-правовом отношении границы современной Республики Польша и сегодня остаются важнейшим фактором безопасности как польского государства, так и устойчивости системы европейской и международной безопасности в целом.

Однако в 1944 г. польское правительство, его Делегатура на оккупированной нацистами территории и командование АК отвергали любой компромисс с СССР, что и послужило обоснованием одобренного 21 июля 1944 г. «польским» Лондоном

решения командования АК о восстании в Варшаве (1 августа – 2 октября 1944 г.) [4. Ч. 2. С. 43]. Вооруженное выступление отрядов АК в столице должно было удовлетворить искреннее патриотическое стремление поляков с оружием в руках нанести решающий удар гитлеровцам. Но одновременно оно должно было неоспоримо продемонстрировать главенствующую роль АК в движении Сопrotивления и, главное, без участия Красной армии и сражавшейся с ней рука об руку 1-й Польской Армии освободить столицу, провозгласить восстановление Польского государства во главе с вернувшимся из Лондона в Польшу правительством.

Об авантюристности планов лондонских эмигрантов и командования АК свидетельствует, в частности, приведенный В.С. Парсадановой малоизвестный историкам факт переговоров в конце июля 1944 г. в городе Юзефове командующего АК генерала Т. Бур-Коморовского с представителями германского командования [4. Ч. 2. С. 43–44] о сдаче немецким командованием Варшавы командованию АК. Не характеризуя эти переговоры во всей совокупности их политических и военных последствий, что сделано в монографии, отметим ряд принципиальных для оценки характера и целей восстания вопросов. Во-первых, любые переговоры с врагом без информирования об этом союзников по антигитлеровской коалиции, а Польша в лице ее правительства в Лондоне входила в ее состав, прямо запрещались основополагающими документами, регулировавшими взаимоотношения союзников. Во-вторых, подобный шаг, не будучи согласован с союзным командованием, не мог быть расценен ни в Москве, ни в Вашингтоне, ни в Лондоне иначе как предательство. В-третьих, переговоры свидетельствовали, что командование АК не рассчитывало на военный успех восстания и допускало сговор с гитлеровцами на антисоветской основе ради достижения собственных узкопартийных политических целей правого лагеря и лондонского польского правительства, пожертвовавшего ради их достижения общенациональной задачей освобождения Польши.

Согласно разработанному штабом АК плану восстания, командование рассчитывало при приближении к столице советских войск в ходе двух–трехдневных боев занять с минимальными потерями политически значимые объекты в городе, не препятствуя одновременно эвакуации и отступлению из Варшавы немецких войск, намеренно оставляя в руках гитлеровцев линии коммуникаций (железные и шоссейные дороги, а также мосты через Вислу. В покинутой нацистами столице руководство АК планировало, до вступления в город частей Красной армии провозгласить в Варшаве установление в Польше власти лондонского польского правительства [2].

Как подчеркивает В.С. Парсаданова, с оперативной и стратегической точки зрения план восстания в Варшаве был явно несостоятельным, поскольку немецкое командование максимально укрепило Варшавский район, ибо взятие города Красной армией не только угрожало немецкой группировке в Восточной Пруссии, но и открывало кратчайший путь к границам Германии и к столице Третьего рейха. К августу 1944 г. положение на советско-германском фронте не давало никаких реальных предпосылок для штурма Варшавы частями Красной армии и, более того, переход ее в наступление с целью овладения польской столицей заключал в себе опасность тяжелого поражения. Этот тезис единодушно разделялся военными – участниками и свидетелями тех событий. Признается он и современными военными историками [4. Ч. 2. С. 46–54].

Однако, вопреки объективным обстоятельствам, 1 августа 1944 г. сконцентрированные в Варшаве повстанческие силы, уступавший противнику как численно, так и в вооружении, не говоря даже о наличии у немцев танков, артиллерии и авиации, атаковали германский гарнизон, вскоре усиленный резервными и снятыми с фронта регулярными частями. В.С. Парсаданова выделяет три этапа повстанческой борьбы: наступление повстанческих сил, период оборонительных боев и период капитуляции командования АК.

Как отметила автор, ни в период подготовки восстания, ни со времени его начала британские опекуны лондонского польского правительства не поддерживали восстание, помимо демонстративных, по существу малополезных акций по сбросу с самолетов небольшого количества оружия и продовольствия. Отдавая отчет в военной бесперспективности восстания, британские власти бездействовали, дабы не нарушить стратегических договоренностей с СССР, поскольку в случае конфликта со Сталиным из-за восстания в Варшаве, поднятого перед линией советского фронта, Британии грозили существенные политические осложнения и потери в ходе послевоенного урегулирования в Европе.

С самого начала борьбы повстанцев обнаружился порочный приоритет сугубо демонстративных политических целей командования АК в ущерб военной целесообразности: вместо захвата стратегических пунктов города (коммуникаций, в частности мостов через Вислу, и инфраструктуры) силы повстанцев были направлены к сейму, ратуше и другим административным зданиям, чтобы продемонстрировать взятие власти к ожидаемому прибытию из Лондона президента и правительства [4. Ч. 2. С. 61].

При этом руководство АК в восставшей Варшаве продолжало не признавать сил и организаций, представленных ПКНО. «Прямая направленность против “Люблина”, – пишет В.С. Парсаданова, – звучала в призыве не признавать самозванных правительств и комитетов, [...] те издают неправомочные декреты, не имея за собой ничего, кроме грубой силы». Вместе с тем, стремясь привлечь к борьбе на баррикадах и на улицах города широкие массы, в том числе рабочих и крестьян, руководители восстания провозглашали, что намерены воссоздать обновленную Польшу «общественной справедливости для людей труда» [4. Ч. 2. С. 89].

В.С. Парсаданова констатирует, что на практике в боях на улицах Варшавы, движимые патриотическими устремлениями и ненавистью к гитлеровцам, сражались плечом к плечу и правые, и левые. При этом, согласно оценке автора, это «не мешало нарастанию процесса концентрации вокруг ППР демократических и социалистических сил», что, по словам Парсадановой, было якобы расценено «советской печатью как свидетельство начинавшегося кризиса и распада Армии крайовой» [4. Ч. 2. С. 95]. Хотя тенденция подмечена автором верно, однако ее оценка явно опережала события. Трагический опыт Варшавского восстания, конечно же, не мог не сказаться на судьбе Армии крайовой, однако кризис АК растянулся на относительно длительный период. История Армии крайовой как организации и общественного движения, начиная с января 1945 г. и в послевоенное время, – предмет иного, отдельного исследования.

В.С. Парсаданова подробно разбирает вопрос о тактике гитлеровцев по подавлению Варшавского восстания, указывая, что стратегической целью германского командования летом-осенью 1944 г. было не допустить вступления Красной армии на территорию Германии, квалифицируя военные действия нацистов в Варшаве как весьма масштабную, но все же ограниченную карательными задачами операцию со всеми присущими действиям такого рода варварскими репрессиями. При этом против повстанцев использовались и отличавшиеся крайней жестокостью и мародерством карательные части и подразделения коллаборационистов и националистов, сформированные в основном из числа военнопленных [4. Ч. 2. С. 103–106].

Вместе с тем размах боевых действий в Варшаве, применение против повстанцев не только сил варшавского гарнизона, но и специально снятых с фронта частей, включая артиллерию, танки и авиацию, свидетельствовало, что германское командование все же рассматривало бои в Варшаве как существенный фактор борьбы на советско-германском фронте, хотя Гитлер и называл восстание спектаклем в Варшаве.

Обобщая итоги исследования собственно Варшавского восстания, В.С. Парсаданова называет его сложным и многоплановым явлением. «Это и политическая

провокация, военно-политическая преступная авантюра centro-правых сил, которые подняли его под флагом благородных идей во имя собственных интересов. Варшавское восстание — это борьба за власть в стране между двумя лагерями антигитлеровского движения сопротивления [...]. В восстании с самого начала присутствовало и далее все более выходила на первый план его антисоветская направленность» [4. Ч. 2. С. 163]. В частности, автор утверждает, что политически восстание «не соответствовало позиции крестьянства», которое как социальный слой и его боевые силы — Батальоны хлопские «не пошли на борьбу против СССР» [4. Ч. 2. С. 163–164]. Приведенный тезис имеет принципиальное значение, однако он так и остался не раскрытым в монографии.

Монография В.С. Парсадановой затрагивает ряд других, весьма существенных проблем, например, о позиции И.В. Сталина по польскому вопросу. По мнению автора, главной целью советской политики в заключительный период войны и при переходе к миру было установление безопасных границ и оформление советского «пояса безопасности» и влияния в Восточной Европе. Думается, что такая оценка правомерна, ибо она отражает подходы «Большой тройки» к послевоенному мироустройству на основе решений Ялтинской и Потсдамской конференций главных победителей и основателей ООН. Однако он требует уточнения, поскольку, помимо принципа мирного сосуществования «государств с различным общественным и государственным строем», внешняя политика СССР имела своим основанием «принцип пролетарского интернационализма», носителями и гарантами реализации которого выступали единомышленники советских руководителей — коммунисты, в данном случае польские. Без признания этого остается не проясненным отношение СССР к так называемой левой альтернативе послевоенного развития Польши и ряда других стран.

Многие существенные вопросы остались в монографии В.С. Парсадановой только обозначены, например о социальной базе и организационной структуре как правого, так и левого лагеря польского Сопротивления. В частности по этим вопросам в монографии содержатся порой противоречащие друг другу оценки, например это касается позиции крестьянства и роли людовского движения в правом и левом лагерях польского антигитлеровского Сопротивления. И все же, характеризуя монографию в целом, можно уверенно констатировать, что в ней воплощен не только индивидуальный вклад автора как исследователя и знатока описываемой эпохи, а также относящихся к последней исторических источников. В книге также нашли отражение и достижения российской историографии рубежа XX и XXI в. по такому существенному как для исторической науки, так и современной общественно-политической практики вопросу как история движения Сопротивления в Польше в годы Второй мировой войны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Польша в XX веке. Очерки политической истории. М., 2012.
2. *Васильева Н.В.* СССР и Варшавское восстание 1944 г. — некоторые актуальные вопросы // Министерство обороны РФ / Ход войны. К 70-летию Победы // <http://mil.ru>
3. Советский Союз и польское военно-политическое подполье, апрель 1943 — декабрь 1945. В 3-х т. М., 2016. Т. 2. Ч. 1. М., 2018. Т. 1. Ч. 1. апрель 1943 — март 1944; Варшавское восстание июль—ноябрь 1944 г.
4. *Парсаданова В.С.* Варшавское восстание 1944 г. Движение Сопротивления в Польше 1939–1945 гг. Направления. Программы. Практика. Результаты. В 2-х ч. М., 2018. Ч. 2.
5. *Парсаданова В.С.* Советско-польские и советско-румынские отношения накануне Второй мировой войны // Вопросы истории. 1984. № 3.
6. *Парсаданова В.С.* Армия Андерса на территории СССР (1941–1942 гг.) // Новая и Новейшая история. 1988. № 5.
7. *Парсаданова В.С.* К истории катынского дела // Новая и Новейшая история. 1990. № 3.
8. Polska. Straty. 1939–1945. Straty osobowe i ofiary represji pod dwoma okupacjami. Warszawa, 2009.

ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЭМИГРАЦИИ
В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ и ЮГО-ВОСТОЧНОЙ
ЕВРОПЫ (1917–НАЧАЛО 50-Х ГОДОВ XX ВЕКА).
ПО МАТЕРИАЛАМ КОНФЕРЕНЦИИ

© 2019 г. Т.А. Покивайлова¹, С.М. Слоистов^{2*}

¹Канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН

²Младший научный сотрудник Института славяноведения РАН

*E-mail: centrum821@rambler.ru

Публикуется обзор конференции, на которой рассматривались проблемы национальной идентичности и национальной памяти в контексте миграционных процессов XX в. и истории русского зарубежья.

The essay reviews the conference, where the problems of national identity and national memory were discussed in the context of migration processes of the twentieth century and the history of Russian emigration.

Ключевые слова: миграция, эмиграция, русское зарубежье, Центральная и Юго-Восточная Европа, национальная идентичность, национальная память.

Keywords: migration, emigration, Russians abroad, Central and South-Eastern Europe, national identity, national memory.

DOI: 10.31857/S0869544X0003675-5

Проведенная в апреле 2017 г. в Институте славяноведения РАН конференция «Эмиграция в СССР и странах Центральной и Юго-Восточной Европы (1917 – начало 50-х годов XX в.). Проблемы национальной идентичности» состоялась в рамках проекта «Этнические, конфессиональные, социокультурные компоненты идентичности славянских народов в Центральной и Юго-Восточной Европе от раннего Нового времени до наших дней» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность» (руководитель проекта д-р ист. наук, проф. О.В. Хаванова). Работа над проектом продолжает серию исследований из истории русского зарубежья, выполненных в Институте славяноведения РАН: «В поисках лучшей доли. Российская эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (вторая половина XIX – первая половина XX в.)» (М., 2009), «Миграция и эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в XVIII–XX вв.» (СПб., 2011) (оба под редакцией Т.А. Покивайловой), а также работы Е.П. Серапионовой, В.И. Косика, Е.П. Аксеновой и др.

Ряд докладов был посвящен теоретическим проблемам национальной идентичности и национальной памяти. В центре внимания других докладов, основанных на эмпирическом материале и выполненных на богатой документально-источниковой базе, находились проблемы расселения русских беженцев после революционной волны в Европе и на Балканах, была представлена во всем ее многообразии картина жизни и деятельности российского зарубежья, взаимоотношений русской диаспоры с властью и коренным населением, рассматривался вклад выходцев из России в культуру стран пребывания. Особое внимание было обращено на особенности процессов адаптации эмигрантов к местным условиям, на пути сохранения ими национальной идентичности и исторической памяти.

На некоторых теоретических аспектах исследований проблем национальной идентичности европейских народов, сохранения национальной памяти и связанных с этим дефинициях сосредоточилась *М.В. Лескинен* (ИСл РАН). Она отметила, что термин «идентичность» в современном значении коллективного самоопределения или фиксации общности на основании внешних признаков появляется в социальных и гуманитарных науках сравнительно недавно – в 1960-е годы. Категория «идентичность» получает широкое распространение благодаря трудам Э. Эриксона – продолжателя теории психоанализа З. Фрейда, который выделял в «идентичности» два уровня: самоотождествление и признание идентичности извне – другим человеком или группой. С вхождением данной категории в социогуманитарное знание в 1970-е годы она существенно расширяет свое первоначальное значение и теперь используется для определения самосознания разного уровня групп и общностей (социальных, национальных, расовых, этнических, региональных, гендерных и т.п.), особенно часто – на различных исторических этапах формирования наций. При этом до сих пор существуют трудности с четкостью дефиниций, о которых пишут, в частности, Р. Брубейкер и В. Малахов, указывающие на путаницу индивидуально-психологических самоопределений и той идентификации, которая осуществляется извне претендующими на объективность исследовательскими процедурами.

Идентификация – это процесс самоотождествления индивида. И для индивидуального, и для коллективного типа идентичности характерно обязательное правило, универсальное представление о своем/чужом, о Другом. Он – всегда хуже и может быть врагом. Обобщенный и значимый Другой – важный элемент процесса идентификации любого уровня.

Современная критика неадекватности чрезмерно расширительного толкования понятия «идентичность» связана, во-первых, с «родовым» смешением разных типов осознания – индивидуального и коллективного, когда группа – коллектив – воспринимается изначально как объективно существующий социальный элемент, который обладает сознанием, волей и действием. То есть существует Тело народа, этноса, нации. Оно наделяется чертами и свойствами личности. Иначе говоря, идеально-типическая конструкция, созданная социологически, приравнивается к субъекту истории – в основе такого понимания лежит примордиалистское толкование и этноса, и нации, и социальной группы. Но общество не имеет качества субъективности, и говорить о менталитете или объединяющей идее можно лишь метафорически.

Проблема расширительного понимания термина обусловлена не только грубой ошибкой такого семантического переноса. Так, российские критики данной научной категории предлагают вернуться к прежнему понятию «самосознание» (этническое, национальное, сословное и т.п.). Однако в этом русском понятии очень важна первая часть: «само». А вот это как раз и является камнем преткновения, поскольку вплоть до середины XX в. процесс научной, социологической

идентификации этничности осуществлялся извне, без учета мнения индивида или группы – ведь этнос понимался через признаковое поле. Но трудности с самоидентификацией возникали в крестьянской, например, среде и в полиэтническом государстве. Адекватными (и объективными) признавались лишь методы внешнего определения. И хотя борьба за то, чтобы учитывать собственное самопричисление индивида, началась еще в 1870-е годы, преобладала и до сих пор преобладает все же схема внешней идентификации.

Говоря об идентичности как категории интердисциплинарного знания, М.В. Лескинен подчеркнула, что наиболее употребительными остаются термины «этническая» и «национальная» идентичности. Этническая идентичность часто используется как синоним понятия «этничность» (термин введен в 1960–1970-е годы). Этническая и национальная идентичность различаются, но применительно к современной ситуации часто (и не всегда верно) рассматриваются как нерасчлененные или синонимичные.

Сегодня явно возобладало конструктивистское понимание формирования национальной идентичности как результата сознательных усилий конкретных людей и государственных институтов (Б. Андерсон, Э. Геллнер, Э. Хобсбаум и др.). Для этих ученых нация – идеологический конструкт.

Доклад *О.Б. Неменского* (ИСл РАН) «Национальная идентичность и историческая политика» был посвящен роли исторической политики в процессе создания национальных обществ, и тем проблемам, с которыми сталкиваются в связи с этим диаспоры.

Если этнос можно рассматривать как форму существования исторической памяти (см. работы Е.М. Колпакова), то нация – это уже форма ее сознательного использования, идеологизации и конструирования на ее основе особой социально-политической реальности. В случае с нацией мы имеем дело уже с сознательной работой тех или иных общественных сил («националистов» или самой власти) по форматированию исторической памяти. И здесь нет задачи «восстановления прошлого таким, каким оно было». Стоит задача создания такой конструкции прошлого, которая бы отвечала задачам построения нации. В настоящее время работа официальных властей национальных государств с памятью населения имеет открытый характер и свою развитую институциональную инфраструктуру.

В формировании исторической политики огромную роль сыграла теория Уильяма Томаса, предложенная в 1928 г. Не случайно уже вскоре был сформулирован знаменитый тезис Г. Кона о том, что «не нации создают национализмы, а национализмы создают нации». История в данном случае – набор текстов, нарратив национального прошлого, который представляет главным своим субъектом особый «народ». Создание национальной истории предшествует формированию нации, причем это правило касается в равной степени как случая этнокультурного нациогенеза, так и гражданско-политического его пути.

Победа в науке второй половины XX в. конструктивистских теорий формирования наций привела и к вполне конкретным политическим результатам – конструирование нации (не только ее создание, но и развитие) стало вполне осознанной политикой официальных властей. Из романтических подвигов общественных пассионариев XIX в. нациостроительство превратилось в рутинную государственную политику, построенную во многом на воспроизводстве тех действий, которые приводили к утверждению национального начала в эпоху «классического национализма». И одним из важнейших методов поддержания национальной целостности стала политика памяти. Работать с памятью населения – необходимая функция современного государства, так как именно эта сфера регулирует государственную идентичность его граждан. Неудивительно,

что по мере развития государственных институтов и их возможностей по влиянию на общество и эта их функция приобретает все большую роль.

Мигрантские и диаспоральные сообщества, живущие в условиях современных национальных государств, сталкиваются с особыми проблемами в сфере сохранения своего исторического самосознания, а в конечном счете и своей идентичности. Можно проводить существенное различие между теми диаспорами, история материнских народов которых не играет существенной роли в нарративе национальной истории государства проживания, и теми диаспорами, чья история для этих государств существенна. В первом случае мы можем наблюдать своего рода равнодушие и отсутствие конфликтной составляющей между государством пребывания и диаспорой, во втором случае самосознание членов диаспоры неизбежно становится объектом сильнеешего воздействия государственной информационной политики. Задача национальных властей в таком случае – изменить историческое самосознание представителей диаспоры, введя их память в общие структуры официальной национальной идентичности и исторической памяти. Не лишить их особого самосознания, но сделать их особыми участниками национальной истории.

В таком случае самосознание диаспоры со временем сильно изменяется и отрывается от тех конструктов исторической памяти, которые приняты в их материнском народе. При этом возникает неизбежное напряжение как между диаспорой и страной ее проживания, так и между диаспорой и ее исторической родиной – напряжение в сфере идеологии, трактовок прошлого и, как результат, в сфере идентичности. И нам лишь остается задаться вопросом, является ли такое состояние стадией ассимиляции, или же залогом существования в будущем, уже постнациональном, возможно, диаспоральном мире.

Б.И. Желицки (ИСЛ РАН) в докладе «Некоторые аспекты центральноевропейской идентичности» проанализировал важнейшие вопросы и варианты регионализации и региональной идентичности народов Европы, уделив особое внимание восточному региону Центральной Европы (ЦЕ), в том числе Венгрии. Чтобы рассуждать о центральноевропейской идее, а следовательно, о региональной идентичности народов, населяющих этот регион, – подчеркивал докладчик, – целесообразно определить, что мы подразумеваем под понятием «Центральная Европа». А под этим мы понимаем один из географических регионов и одновременно исторических ареалов Европы. В геополитическом отношении с середины 40-х годов прошлого века этот регион перестал существовать в качестве самостоятельного. Он исчез из словаря политиков, политологов и долгое время, поминался разве что в трудах историков. Причиной тому стали геополитические перемены, сыграло свою роль и буквальное отождествление понятия с германской концепцией «Mitteleuropa» и гитлеровской попыткой расширения имперского пространства Германии (Lebensraum). Для историков «Центральноевропейский регион», «центральноевропейская идентичность» имеют несколько иное содержание.

В историко-географическом смысле регион ЦЕ, как и соответствующая идентичность, остались, однако, реальностью и в эти десятилетия. По некоторым подсчетам, этот регион охватывает около 170 млн населения, проживающего в центре Европы, из которых порядка 52 % говорят на немецком, 35 % на славянских языках, 6 % на венгерском и столько же на прочих языках. Это промежуточная территория между Восточной и Западной Европой, ядром которой являются Германия, а также бывшие владения австрийских Габсбургов, после 1920 г. входившие в состав разных государств. У народов, населяющих эти земли, веками выработалось определенное региональное центральноевропейское сознание, региональная идентичность, с чем следует считаться и в наши дни.

И это вопреки тому, что в геополитическом смысле регион после 1945 г. перестал существовать, на время утратив свое былое значение и самостоятельность. С разделением Европы на два противоположных лагеря, восточную (социалистическую) часть Центральной Европы стали именовать почти исключительно (вместе с СССР) Восточной Европой. Со временем, в условиях размывания раздельительной черты между двумя политическими системами, интеллигенция этих стран снова заговорила о центральноевропейской идее, о своем желании «вернуться» в Европу, о возможностях возрождения регионального союза соответствующих государств, о своей центральноевропейской идентичности. Она возражала против того, чтобы граждан этих государств причисляли к восточноевропейцам. Докладчик сослался при этом на мнение чехов М. Кундеры и В. Гавела, венгров историка П. Ханака и писателя Дьердя Конрада и других, подтверждая их позиции новейшими работами англичанина Л. Паркера. Границы ЦЕ, согласно наиболее распространенному подходу, включают в себя территорию между Рейном и западными границами постсоветского пространства. Докладчик обратил внимание и на то, что Госдепартамент США с 1994 г. официально изменил название «Восточная Европа» применительно к бывшим соцстранам на «Центральную Европу». При этом он отметил, что в России регион по-прежнему чаще называют Восточной Европой.

Остановившись на конкретных обстоятельствах ренессанса центральноевропейской идеи в 1980–1990-х годах, на причинах ностальгии по ЦЕ-идентичности, докладчик отмечал важность соответствующей терминологии и учета региональной самоидентификации народов данного региона. Конкретные примеры самоидентификации, современной ЦЕ-идеи и идентичности, т.е. «центральноевропейскости» народов региона, он продемонстрировал прежде всего на примере Венгрии.

Подтверждая сохранность ряда элементов такой региональной идентичности у венгров, как и других народов, со времен Австро-Венгерской монархии, докладчик задался целью определить, строится ли сегодня такая идентичность на мифе или отражает реальность. При этом он отметил различия в подходах исследователей разных национальных школ и сослался на опыт пребывания в Евро-союзе Вишеградской четверки (Венгрия, Чехия, Словакия и Польша).

До сих пор имеет некоторое хождение тезис, в соответствии с которым центральноевропейская Венгрия стала своеобразным оборонительным щитом между славянским и германским миром. Без существования такого бастиона германский массив раздавил бы еще не успевшее окрепнуть раздробленное восточноевропейское славянство. Именно в этом можно видеть призвание, роль и функцию некогда могущественного венгерского государства. Неоспоримо и то, что венгры, придя из азиатских глубин, но приобшившись к христианству на рубеже I и II тысячелетий, сформировали свою европейскую идентичность и приверженность соответствующим цивилизационным, культурным и ментальным ценностям, выражая и подтверждая их в веках, отстаивая христианские, характерные для европейского сознания принципы и ценности, так называемую европейскую парадигму.

Видение жителями ЦЕ своей региональной идентичности венгерский философ И. Витани выразил словами: «Мы во всех отношениях находимся где-то посередине. Посередине между Западом и Востоком, Севером и Югом [...] имея множество отличительных черт как от Западной, так и от Восточной Европы». Существенно то, что срединное расположение в Европе имеет, разумеется, как свои плюсы, так и минусы. Оно может быть и разделяющим, и объединяющим фактором в Европе между Востоком и Западом.

Другой блок докладов был посвящен исследованию конкретных вопросов, связанных с положением русской эмиграции на протяжении довольно длительного исторического периода — с 1917 по начало 1950-х годов XX в.

Доклад *Т.М. Симоновой* (Москва) был посвящен проблеме культурно-языковой идентичности русской эмиграции первой волны в Польше. Она исходила из того, что в современном понимании национальная идентичность утверждается через обеспечение гражданского равноправия, систему воспитания и образования, государственный язык, культурное и масс-медийное производство и др. Несущая конструкция национальной идентичности — государство, при его отсутствии предпринимаются чрезвычайные усилия по *самоорганизации в различных формах* с целью сохранения признаков прошлого национально-культурного единства в условиях явного противодействия этому стремлению. Проблема сохранения национальной идентичности русских эмигрантов первой волны в Польше тесно смыкается с проблемой отстаивания этническим меньшинством своих национальных прав.

Массив русскоязычной среды в Польше составили как русские, жившие на этих землях еще до революции, так и беженцы и эмигранты первой волны. В современной польской историографии проявляется стремление разобщить эти группы. Причем в исследованиях последних лет (А. Миронович и др.) русское национальное меньшинство отнесено к малочисленным национальным группам, в отношении которых не было необходимости в мерах государственного регулирования.

Закон о польском гражданстве (20 января 1920 г.) нарушил международные нормы («малый Версальский трактат») введением понятия «индигенат», заимствованного из французского колониального права. На государственном уровне отстаивался тезис о том, что «русских в Польше нет», а значит они не могут иметь собственные школы, как это было, например, в Эстонии. Церковно-приходские русские школы в ряде епархий к лету 1921 г. были закрыты по решению польского правительства, а сохранившиеся лишены государственных субсидий. Этот вопрос имел ключевое значение, поскольку русская школа выполняла важнейшую функцию сохранения национально-культурной идентичности, а также православной религиозной традиции для почти 6 млн православных (не только этнических русских) и некоторой части инородческого (главным образом еврейского) меньшинства, считавшего именно русскую школу «своей» и оказывавшего ей помощь, «давая понемногу, но регулярно». Но с 1923 г. государство запрещает принимать еврейских детей в русские школы.

С 1922 г. высшее образование на русском языке в Польше отсутствовало, среднее представляла Виленская Духовная семинария; гимназии: две мужские, шесть женских, 16 совместного обучения, три реальных и два коммерческих училища; девять семилеток («высшие начальные училища»); пять 2-классных начальных училищ; одно подготовительное приходское училище, Кременецкое духовное училище; три приюта. В связи с ужесточением миграционной политики к осени 1923 г. число русских школ сократилось на 35%, в восточных воеводствах полностью исчезли народные русские школы, обучение в церковно-приходских было переведено на польский язык. В 1924 г. перестали существовать школы Земгора; число частных средних школ сократилось в четыре раза; русские государственные школы в Польше перестали существовать. При этом в Польше насчитывалось до 100 тыс. русских школьников, для полноценного обучения которых требовалось 1500–2000 начальных школ и 100–150 средних.

В начале февраля 1925 г. был открыт православный Богословский факультет в Варшавском университете. Вопрос о зачислении русских студентов в вузы был

решен лишь при поддержке влиятельного юриста и социолога Л.И. Петражицкого, в прошлом депутата Российской государственной думы. При этом «Русская Академическая группа», связанная с Богословским факультетом, была обвинена в подготовке «православной молодежи, настроенной враждебно по отношению к Польше». Суд оправдал ее, но не легализовал дипломы. Таким образом, сохранение русской национальной идентичности в условиях формирования единой «польской нации» было затруднено или невозможно, так как основные институты поддержания национального своеобразия (школы и образование всех уровней, библиотеки и печать на родных языках) активно устранились или ограничивались в своей деятельности; их формирующее влияние ослабевало или исчезало вовсе.

В сообщении *Ф. Чоки* (Венгрия) на основе тщательного изучения переписей населения и особенно документов полиции была рассмотрена динамика численности русского (и – шире – эмигрировавшего из России) населения в межвоенной Венгрии. Было уделено также внимание анализу принятого в стране законодательства, связанного с приемом русских беженцев, обеспечением их прав. Материалы его сообщения предполагается опубликовать в качестве самостоятельного исследования.

В.И. Косик (Исл РАН) в своем сообщении «Быт русской эмиграции на Балканах» постарался обрисовать ряд картин быта и бытия русской эмиграции на Балканах. Красной нитью в представленных сюжетах проходит тема ее обустройства в Болгарии и Королевстве сербов, хорватов и словенцев, с акцентированием жизни их «новых жителей» в Белграде и в Софии. Отчетливо и ярко, вплоть до привлечения стихотворных строк об эмигрантском житье-бытье, обрисованы картины приема изгнанников из России с их последующей адаптацией к новым условиям. В сообщении неоднократно подчеркивалось, что «новые жители» стремились сохранить свою «русскость» в быту, что проявлялось в стиле жизни, в попытках воссоздать «Москву» или «Петербург» в Белграде и Софии. Здесь и открытие множества «питательных заведений» с привычными русскому сердцу и душе едой и напитками, и учеба русских детей по традиционным программам русских дореволюционных школ, и «открытие» детям русской литературы, ее сокровищ, позволяющих гордиться, любить и не забывать Родину. Все было свое – вплоть до русской тоски. В сообщении не была обойдена вниманием и тема сохранения «своего» и «себя» через организацию самых разнообразных кружков, обществ, союзов, позволяющих не только «питаться» памятью о России, но и продолжать ощущать себя ее сынами и дочерьми. Была обрисована роль в сфере сбережения национальной идентичности русского театра и пьес, позволяющих не прерывать «нить времен». В целом, «национальное» брало верх над «политическим»: «ни белые, ни красные, а русские».

В сообщении *А. Животича* (Сербия) «Советско-югославский конфликт и положение русской эмиграции в Югославии (1948–1953 гг.)» на основе источников советского и югославского происхождения исследуется жизнь русских эмигрантов в первое десятилетие после Второй мировой войны – их приспособление к новой, социалистической системе отношений, создание новых общественных организаций, восстановление связей с Родиной, гонения после начала конфликта 1948 г. и прекращение существования русской эмиграции как организованной группы.

Война стала поворотным моментом в истории русской эмиграции в Югославии. Из 27 тыс. довоенных эмигрантов, многие из которых участвовали в боевых действиях на стороне оккупационных сил, в стране к 1945 г. оставалось всего около 10 тыс. человек. Выкованная в войне советско-югославская дружба означала улучшение их положения и даже прощение «военных грехов». Решением

Верховного Совета СССР многим эмигрантам было предоставлено право на советское гражданство и разрешено возвращение домой. Значительная их часть воспользовалась этим предложением. Те же, кто решил остаться на своей новой родине, уже очень скоро, после начала конфликта 1948 г. между Сталиным и Тито, подверглись судам и репрессиям и вновь оказались перед выбором – остаться, чтобы утратить свою национальную идентичность и окончательно ассимилироваться в Югославии, особенно в сербской среде, или же вернуться в Советский Союз, что само по себе означало путь в неизвестность, от которой их родители бежали тремя десятилетиями ранее. Так или иначе, за недолгие десять лет, прошедшие после начала войны, организованная, сплоченная, имевшая свои традиции и ритуалы русская эмиграция на территории Югославии прекратила свое существование как особая этно-социальная общность.

В докладе *Е.П. Серапионовой* (ИСЛ РАН) «В поисках коммунистического рая: чешские и словацкие коммунисты в СССР» рассматривался, в частности, опыт организации экономической эмиграции в СССР в 1920–1930-е годы. Были проанализированы причины эмиграции чехов и словаков, социальный и профессиональный состав переселенцев, их политические взгляды, описаны условия проживания и работы на местах, куда отправлялись чешские и словацкие коммунары. Большое внимание в докладе было уделено коммунистической пропаганде, сопровождавшей переезд в страну Советов, и несоответствию надежд эмигрантов существовавшим реалиям. Доклад подготовлен на основе архивных материалов, выявленных автором в различных фондах ГА РФ.

В докладе *А.А. Павлова* (г. Тверь) на основе уже опубликованной литературы были рассмотрены сложные и многоплановые процессы инкультурации и адаптации детей в русской эмигрантской среде в Чехословакии в 1920–1930-е годы. Докладчиком была предпринята попытка оценить роль русских начальных и средних школ в Чехословакии в процессе приобщения детей эмигрантов к новой культурной среде. В силу обстоятельств в 1920-е годы в Чехословакии оказалось определенное количество подростков, лишившихся родителей в годы войн и революций, тяжелым было и экономическое положение многих эмигрантов. Российская семья (как фактор воспитания подрастающего поколения) в условиях изгнания оказалась в кризисе, и тем большая нагрузка выпадала на школу. Перед российской эмиграцией встала насущная задача организовать особый формат русской школы в Чехословакии – учебные заведения интернатного типа. Что касается русских гимназий, образованных в Праге, Моравской Тржебове, а потом и в других городах, то перед ними была поставлена задача «привить детям и сохранить у них любовь ко всему родному – русскому, научить их понимать красоту родного языка, родного искусства, понять и оценить родную историю».

Созданная в Чехословакии система русских учебных заведений учитывала опыт как дореволюционной русской школы, так и школы мировой, но национальным ядром оставалась «Россика». Русскому языку отводилась совершенно особая роль – он оставался тем базовым элементом, который не просто воплощал в себе связь с многовековой традицией русской культуры, но и решающим образом влиял на самосознание граждан. Сохранению культуры способствовали также православные приходы, ставшие центрами духовного общения и религиозного воспитания и теснейшим образом связанные со школьными организациями.

Процесс получения национального образования был, безусловно, неотделим от процессов социализации личности ребенка. Изначально задуманный в кругах эмигрантской интеллигенции путь автономного развития русской школы в интересах сохранения у детей национальной идентичности был объективно неосуществим, по крайней мере в отдаленной перспективе, хотя и педагоги, и дети стремились «сохранить» в себе родину.

Уже к середине 1930-х годов надежда на возвращение в Россию в среде эмигрантской общественности утратила свою силу и верх взяли идеи постепенной аккультурации в чехословацкое культурно-языковое пространство. Соответственно в школьных программах русских учебных заведений был расширен «местный», чехословацкий компонент.

Процесс обучения не ограничивался школьной программой. Между русскими эмигрантскими и местными чехословацкими школами была выстроена целая сеть совместных инициатив (спортивные соревнования по образцу тех, что проводили популярные в чешских землях, связанные многими узами с патриотическим воспитанием чехов сокольские организации; практика приема русских детей в чешские семьи на лето). Все эти меры способствовали преодолению или смягчению того «культурного шока» и связанного с ним психологического напряжения, которые испытали на чужбине дети русских эмигрантов. Специфика чехословацкого опыта заключалась в том, что в этой стране удалось создать почву для существования микросоциума, в котором продолжалось приобщение русских детей к своей национальной духовной культуре. При этом не произошло полной изоляции русской диаспоры, стала возможна адаптация подрастающих поколений к чехословацкому «миру», их достаточно безболезненная аккультурация и социализация. Русская эмигрантская школа явилась инструментом вхождения новых генераций в иное социокультурное пространство при сохранении национальной идентичности.

С.М. Слоистов (ИСл РАН) озаглавил свой доклад «Биография И.Э. Грабаря: сложности реконструкции идентичности художника». Идентичность художника всегда сложное явление, особенно если его жизненный и творческий путь был связан с разными национальными культурами, различными регионами. Одним из таких интересных примеров может служить идентичность выдающегося художника и искусствоведа Игоря Эммануиловича Грабаря (1871–1960), родители которого, как писал он сам в своих воспоминаниях, были «родом из Угорской Руси, обширной области, лежащей в Карпатских горах и входившей в состав Австро-Венгрии».

Понятно, что Грабарь за свои заслуги и по праву происхождения высоко оценен на Украине. Так, «Энциклопедия истории Украины», посвятив ему отдельную статью, согласно принятому среди украинских ученых подходу к проблеме карпатских русинов, отмечает, что Грабарь родился в семье закарпатских украинцев. Отдельная статья посвящена Грабарю и в «Энциклопедии истории и культуры карпатских русинов» под общей редакцией Павло Роберта Магочи. Однако, как уточняется в предисловии, статья о нем включена в данное издание только потому, что он имел карпато-русинское происхождение и был широко известен среди русинских деятелей, хотя и не внес «вклада в карпато-русинскую историю и культуру».

Описанные в докладе на основе опубликованных и архивных источников связи Грабаря со своей малой родиной ставят под вопрос подобные столь однозначные формулировки. Предложенная реконструкция его идентичности позволяет говорить о Грабаре прежде всего как о русском художнике. Принадлежность к культуре карпатских русинов являлась важной составляющей в ее сложной структуре. Грабарь продолжал работать на русинскую культуру, не покидая родного для себя культурного пространства, поскольку оставался в пространстве общерусском.

Раскрытая в докладе проблематика еще раз свидетельствует о важности изучения связей карпатских русинов с Россией для более глубокого понимания истории их культуры.

Основное внимание в сообщении *Т.А. Покивайловой* (ИСл РАН) «Проблемы российской эмиграции в Румынии (1917–1940 гг.)» было уделено анализу некоторых малоизученных вопросов, касающихся положения русской диаспоры на

территории Румынии и вошедшей в ее состав в 1918 г. Бессарабии. Как отметила докладчица, присоединение Бессарабии к Румынии вызвало напряжение не только в советско-румынских отношениях, но и в отношениях румынских властей и русской эмиграции, значительная часть которой, особенно военные, явно не поддержала присоединения Бессарабии к Румынии. Кроме того, Румыния была государством, граничившим с пространством бывшей Российской империи, и этим объяснялся огромный поток беженцев, хлынувших на ее территорию, который румынские власти пытались сдерживать в отличие от правительств Турции, балканских стран (в частности Югославии, Болгарии), а также некоторых стран Центральной Европы – речь идет прежде всего о Чехословакии, оказывавшей, особенно в 1920-е годы, большую реальную помощь русским эмигрантам. Трудности, с которыми столкнулись выходцы из России в получении румынского гражданства, зачастую враждебная политика румынского правительства по отношению к ним, проблемы, связанные с адаптацией – все это привело к тому, что Румыния, по сути, превратилась в транзит, которым воспользовались эмигранты для перемещения в страны Западной Европы, и к началу 40-х годов XX в. их численность в самой стране значительно сократилась и они не играли уже сколько-нибудь значительной роли в ее общественной жизни.

В сообщении *А.Н. Канарской* (Исл РАН) «Положение политической эмиграции в СССР (1939–1940 гг.)» говорилось о том, что наступление фашизма в Европе, гражданская война в Испании и начавшаяся Вторая мировая война, а также изменения во внешней политике советского государства поставили перед коммунистами проблему выбора – остаться в своих странах, продолжив антифашистскую борьбу, либо эмигрировать в Советский Союз, выразив солидарность с новой внешнеполитической линией Москвы, избранной в августе 1939 г. Тысячи партийных активистов, многие из которых знали о сталинских репрессиях, тем не менее, стремились попасть в СССР. Все это вызвало последнюю массовую волну политэмиграции. Что касается советской стороны, то она применяла в отношении эмигрантов селективную политику. Анализ документов российских архивов, проведенный, Канарской, позволил ей раскрыть трудности, с которыми столкнулась основная масса политэмигрантов. Советская повседневность оказалась гораздо более жесткой, чем многие из них ее себе представляли.

М.Ю. Дронов (Исл РАН) выступил с докладом «Русская эмиграция и русины в межвоенный период», посвященным взаимодействию послеоктябрьской русской эмиграции с карпатскими русинами. Подобные контакты отмечались как в Европе (в первую очередь в Чехословакии, КСХС/Югославии, Польше), так и в Новом свете. Докладчик сосредоточился на ситуации в межвоенной Чехословакии – в Подкарпатской Руси и на «Пряшевщине» (в Восточной Словакии), и в меньшей степени в других частях республики. На чужбине русины, как восточные славяне, априори воспринимались российскими эмигрантами как люди более близкие русскому миру, чем остальные, даже славянские, народы. В контексте темы своих исследований М.Ю. Дронов условно разделил всех русских в Чехословакии на три группы: 1) принимавшие участие в русинской общественно-культурной жизни; 2) соприкасавшиеся с русинами; 3) слышавшие о русинах. В качестве иллюстраций докладчик представил ряд биографий русских эмигрантов, оставивших свой след в истории карпатских русинов. В целом, контакты между эмигрантами и русинами носили двоякий характер. С одной стороны, имело место взаимное притяжение. Среди русинов еще были распространены идеи общерусского (общевосточнославянского) национально-языкового единства, а многим эмигрантам импонировала мысль о том, что Подкарпатская Русь – это самый западный, свободный от большевизма уголок русской

земли. С другой стороны, встречалось и взаимное отторжение, так как несмотря на близость этнонимов, карпатские русины и выходцы из России далеко не всегда находили друг в друге «своих людей».

Выступление *А.Б. Едемского* (ИСл РАН) «Судьба В. Влаховича, на материалах РГАСПИ» было посвящено обзору документов, раскрывающих деятельность видного деятеля югославской компартии Велимира Влаховича в СССР в 1939–1945 гг. Использованные им личные дела/досье, хранящиеся в РГАСПИ в фонде Коминтерна, позволили докладчику дополнить материалы личного фонда В. Влаховича в Архиве Югославии (Белград) и скорректировать некоторые неточности, присутствующие в новейшей литературе, в том числе в относящемся к периоду 1917–1945 гг. томе фундаментального собрания документов «Москва–Белград. Россия – Сербия» (2017).

По мнению исследователя, о многих членах компартий, входивших в Коминтерн, лишь с определенными оговорками можно говорить как об эмигрантах, но в отношении В. Влаховича дефиниция «политэмигрант» вполне применима с того момента, как он оказался в Праге, спасаясь от преследований карательных органов королевской Югославии. После его кратковременного (несколько недель в начале 1937 г.) участия в боевых действиях в Испании, полученного ранения и сравнительно успешной операции, Влахович был сотрудником Отдела кадров базы Интернациональных бригад в испанском городе Альбацете, затем находился во Франции. Весной 1939 г. Влахович появился в Москве «как испанский боец-инвалид», которого Вальтер (Тито), руководитель КПЮ, предлагал «после лечения и отдыха использовать на временной работе в КИМ» (Коммунистическом интернационале молодежи). С начала октября 1939 г. В. Влахович работал в штате аппарата Исполкома КИМ под именем С.П. Власова. С 1 сентября 1941 г. Власов/Влахович был зачислен в секретное учреждение, так называемый НИИ № 205 на должность «отв. редактора югославской редакции», предварительно подписав «Правила конспирации в Институте № 205». Публичная часть деятельности В. Влаховича в 1941–1944 гг. была связана с его участием в мероприятиях Всеславянского комитета в Москве.

По утверждению докладчика, последние месяцы пребывания в СССР Влахович де-факто выполнял функции представителя Компартии Югославии в Москве. Но об официальном признании его таковым можно говорить только, скорее всего, после тайного визита Тито в Москву в сентябре 1944 г. В это время Влахович занялся отправкой на родину находившихся в СССР югославов-эмигрантов. Работать в НИИ он официально закончил 6 апреля 1945 г., когда приказом директора института Б. Геминдера (деятеля компартии Чехословакии, ставшего в 1952 г. одной из жертв фальсифицированного судебного процесса по делу Сланского) был «отчислен в связи с переходом на другую работу». Несомненно, что выезд Влаховича в Югославию состоялся в ближайшие недели после этого. Указ ВС СССР о награждении Влаховича Орденом Ленина вышел 27 июня 1945 г. (уже в его отсутствие) с формулировкой «за успешное выполнение заданий правительства в период Великой Отечественной войны». Награда была вручена ему в первую годовщину освобождения Белграда от немецких оккупантов.

В Югославии с июня 1945 г. Влахович числился в кадровой службе (Отделе кадров) ЦК КПЮ. В состав высшего югославского руководства он был введен уже после удаления из него М. Джиласа (январь 1954 г.). По мнению *А.Б. Едемского*, документы личного дела Влаховича, прежде всего его анкеты и характеристики, могут быть рассмотрены как частный случай при изучении более широкой проблемы – мутации идентичности в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Согласно документам личного дела, эволюция Влаховича

в направлении идентификации его именно как черногорца определенно просматривается.

Н.С. Пилько (ИСл РАН) в докладе «Граждане Советского Союза в словенских партизанских отрядах (1941–1945 гг.)» обратила внимание на участие в Народно-освободительной армии Югославии советских военнопленных, а также лиц (чаще всего очень молодых людей), угнанных или переместившихся на Запад с оккупированных территорий СССР. Первая партизанская рота из граждан Советского Союза была сформирована в октябре 1943 г. и входила в состав международного батальона 18-й Словенской народно-освободительной бригады, удачно действовавшей в районе севернее Триеста. В марте 1944 г. командование бригады решило провести реорганизацию международного батальона по национальному признаку для облегчения командования отрядами, возглавить которые должны были командиры соответствующих национальностей. Следует отметить, что в словенских партизанских отрядах служили англичане, французы и австрийцы. Командиром созданного второго батальона, который именовался еще и русским, был избран Анатолий Дьяченко. Под его командованием батальон сумел отличиться в боях за Нижнюю Идрию.

В декабре 1943 г. Советское правительство приняло решение направить в Югославию военную миссию. На словенских землях военная миссия была открыта в апреле 1944 г. Ей предстояло среди прочего выяснить, сколько советских граждан служило в рядах словенской партизанской армии, и каким образом они там оказались. Как бы то ни было, второй (русский) батальон продолжал и далее свое участие в военных операциях. Зимой 1944 г. была проведена реорганизация батальона. Солдатам была выдана новая английская форма. После проведения смотра, на котором присутствовал представитель Советской военной миссии, 26 рядовых и офицеров батальона были награждены за заслуги. Свой боевой путь батальон закончил 5 мая 1945 г. после тяжелых боев в районе Кобарид на Соче. За время участия в боевых действиях 175 человек погибли, 39 пропали без вести, 287 были ранены. Штаб 30-й дивизии отдал распоряжение, согласно которому все бойцы Второго батальона должны были вместе со своим командиром Дьяченко переправиться в Шемпас, а затем в Советский Союз. Их дальнейшая судьба должна стать предметом самостоятельного исследования. В целом на территории Югославии в рядах Народно-освободительной армии сражалось свыше 6 тыс. советских граждан, из них около 2 тыс. находились в Словении.

В докладе *А.В. Карасева* (ИСл РАН) речь шла о миграционных процессах в югославской Воеводине в 1940–1950-х годах. В силу особенностей исторического развития эта территория, ранее входившая в состав Габсбургской монархии, имела очень пестрый в этническом отношении состав населения. Не случайно в период существования социалистической Югославии ее называли «Югославией в миниатюре». Как известно, спасаясь от османских репрессий, сербское население бежало в эти края, находившиеся под властью Вены. По переписи, проведенной в 1910 г., в эпоху австро-венгерского дуализма, венгерскими властями, 34 % населения составляли сербы, 28 % – венгры, 21,5 % – немцы, 5 % – румыны, 2,3 % – хорваты, в малых количествах были представлены также словаки и русины. Евреи, в большинстве своем мадьяризованные и указывавшие венгерский язык как родной, числились в качестве венгров (при сохранении приверженности иудаизму). Согласно переписи 1921 г., примерно те же пропорции сохранялись и после вхождения Воеводины с распадом Австро-Венгрии в Королевство сербов, хорватов и словенцев с сербской династией Карагеоргиевичей во главе. Таким образом, несмотря на острую военную конфронтацию Сербии и Австро-Венгрии, этнический состав населения края резких изменений не претерпел.

Ситуация резко изменилась в конце Второй мировой войны и после ее окончания. Как известно, оккупационные войска нацистской Германии и ее союзников пытались жестоко подавить антифашистское сопротивление. В начале 1942 г. венгерская жандармерия расстреляла в городе Нови Сад (Административный центр Воеводины) 4000 гражданского населения (сербов, евреев и цыган) по подозрению в поддержке партизанского движения. Часть немецкого населения Воеводины покинуло область вместе с отступавшими немецкими и венгерскими войсками. Но значительное количество немцев осталось. Овладевшее к концу войны всей полнотой власти в стране коммунистическое руководство во главе с маршалом Тито, возглавлявшим партизанское движение, предприняло репрессии против немецкого (в том числе мирного) населения, в 1945 г. В Воеводине было заключено в концентрационные лагеря 96 769 немцев, из них 24 403 ребенка, 19 953 лиц старше 65 лет, 54 413 лиц трудоспособного возраста. Большое количество немецких детей осталось без попечения родителей, многие из которых бежали из Югославии или погибли в ходе боевых действий. Правительство ФНРЮ первоначально предполагало перевоспитать немецких детей в духе новой, коммунистической Югославии. С этой целью детей из концентрационных лагерей перевели в детские дома как в Воеводине, так и в других районах Югославии. Но перевоспитание оказалось очень трудным и по сути неосуществимым делом, прежде всего из-за языкового барьера, нехватки воспитателей со знанием немецкого языка и желания детей вернуться к своим родственникам. Эта неудачная попытка югославских властей вырвать немецких детей из семейного круга и воспитать их в детских домах как граждан новой Югославии успеха, таким образом, не возымела и принесла детям немало страданий.

В 1948 г. концентрационные лагеря для немцев в Воеводине были ликвидированы. Немцы были лишены своего имущества и гражданских прав, но оставались гражданами ФНРЮ. Многие немцы пытались найти своих детей и детей своих родственников и оформить опеку над ними. Постепенно власти шли на уступки в этом вопросе, а с 1952 г. немцев из Воеводины стали рассматривать как граждан ФРГ и разрешили им отъезд в Германию. Фактически речь шла о лишении их гражданства и насильственной массовой депортации, вследствие осуществления которой немцев в Югославии практически не осталось. При этом выезжавшим лицам разрешалось оформлять опеку над немецкими детьми из детских домов и вывозить их с собой из страны.

Одновременно была развернута акция по переселению сербов и черногорцев из отсталых районов Югославии в Воеводину. В результате всех этих действий титовского правительства в 1953 г. этнический состав населения Воеводины приобрел следующий вид: сербы – 865 тыс. чел. (51 %); венгры – 435 тыс. чел. (25,6 %); немцы – не зарегистрировано (!); хорваты – 127 тыс. чел. (7,5 %); словаки – 71 тыс. чел. (4,2 %); румыны – 57 тыс. чел. (3,4 %); черногорцы – 30,5 тыс. чел. (1,8 %); русины – 23 тыс. чел. (1,4 %).

В докладе *Н.Н. Станкова* (ИСл РАН) «Епископ Сергей (Королев) в воспоминаниях российских эмигрантов в Чехословакии» показана роль Русской Православной Церкви в сохранении национальной идентичности российской эмиграции первой волны в Чехословацкой республике. Основываясь на анализе воспоминаний российских эмигрантов в Чехословакии, докладчик рассмотрел пастырскую и церковно-общественную деятельность епископа (с 1946 г. архиепископа) Сергея (Королева) в Праге в 1922–1946 гг., который был назначен сначала настоятелем русского прихода храма святителя Николая Чудотворца в Праге, а впоследствии – викарием в Чехословакии, Австрии и Венгрии.

В докладе особо была отмечена способность владыки Сергия объединять и сплачивать вокруг себя самые разные слои российской эмиграции, независимо от происхождения, социального положения, партийной принадлежности. Ни церковная, ни тем более светская политика не интересовали епископа Сергия. Он стоял выше любых искусственных разделений. Для владыки важнее было видеть человека, а не его политические убеждения. Ему удалось воспитать в своей пастве большое единодушие и взаимное благожелательство.

Благодаря деятельности епископа Сергия, Свято-Никольская церковь, а затем и Успенский храм на Ольшанском кладбище стали духовными центрами русской колонии в Праге. Его ближайшими сподвижниками были архимандрит Исаакий (Виноградов), священник Михаил Васнецов (сын художника Виктора Васнецова), председатель Русской академической группы, основатель и декан Русского юридического института в Праге П.И. Новгородцев, знаменитый исследователь древнерусского и византийского церковного искусства профессор Н.П. Кондаков и многие другие. Кроме Праги в ведении епископа Сергия были православные общины в Брно и Братиславе, ему также было поручено наблюдение за русскими храмами в Карловых Варах, Марианских и Франтишковых Лазнях. Владыка Сергий воспитывал в своей пастве любовь к русской церковности, традициям, истории, литературе. Он призывал русскую эмиграцию быть хранительницей того лучшего, что каждый получил от своей Родины, не отрекаться от православных ценностей и своей культуры.

В докладе *Каори Кимура* (Япония) «Политэмигранты-информбюровцы в Венгрии в 1949–1954 гг.: их взаимоотношения с венгерской властью и роль в антититовской кампании в Венгрии» отметила, что конфликт между Сталиным и Тито стал достоянием миллионов людей 30 июня 1948 г., когда в газетах была опубликована Резолюция Второго совещания Коминформа. Все лидеры стран «народной демократии» однозначно одобрили эту резолюцию и развернули мощную антиюгославскую медиа-кампанию: в газетах и журналах каждый день печатались статьи с резкой критикой компартии Югославии, не подчинившейся сталинскому диктату. И среди части членов Югославской компартии проявилась поддержка линии Коминформа. Те, кто находился за пределами страны, могли это делать открыто. Однако сторонники линии Коминформа в самой Югославии (часто искренне верившие, что Сталин выйдет победителем в этом споре и сумеет сменить руководство КПЮ) в условиях реально начавшихся преследований были вынуждены бежать в соседние страны – Румынию, Болгарию, Албанию и Венгрию. Из этих людей комплектовались эмигрантские организации, использовавшиеся в антититовской деятельности Коминформа. В начале апреля 1949 г. по решению политбюро ЦК ВКП(б) при редакции газеты «За социалистическую Югославию» была создана московская группа югославских политэмигрантов-информбюровцев. Эта группа с самого начала заняла руководящее положение в югославской политэмиграции в масштабе не только СССР, но всего формирующегося советского блока, и начала активно проводить антититовскую кампанию.

Что касается соседней Венгрии, то, согласно документам Венгерского Национального Архива, из 148 югославов, которые в течение 1948–1949 гг. перешли югославо-венгерскую границу, только 75 человек (примерно половина, в том числе 68 мужчин и 7 женщин) получили статус политэмигрантов, другие такого статуса не получили и часть из них была арестована по подозрению в причастности к титовской агентуре.

8 июня 1949 г. при поддержке московской группы югославских политэмигрантов и ЦК Венгерской партии трудящихся (ВПТ) в Будапеште было создано

собрание, на котором избрано руководство местной политэмиграции, сразу приступившее к активной деятельности. Его основной задачей стало осуществление коминформовской пропаганды на Югославию через радиовещание и прессу на сербохорватском и словенском языках. Было налажено сотрудничество с политэмигрантскими группами в других странах «народной демократии» и их прессой. С течением времени это руководство постепенно поставило под свое влияние Демократический Союз Южных Славян Венгрии (ДСЮСВ), созданный в 1947 г. и проводивший большую культурно-просветительскую работу в среде югославянских национальных меньшинств Венгрии. Эта организация также была превращена в один из инструментов антититовской политической пропаганды.

Деятельность югославских политэмигрантов в Венгрии, как и в других странах, продолжалась до осени 1954 г., до изменения политической линии Москвы в отношении Югославии. 23 сентября 1954 г. лидер ВПТ М. Ракоши получил сообщение из Москвы о прекращении деятельности на территории СССР югославских информбюровских политэмигрантов и выпуска их газеты. Этот факт был принят к сведению. На заседании Политбюро ВПТ от 14 октября 1954 г. было решено прекратить на территории Венгрии распространение брошюр, книг, карикатур антиюгославского содержания, издание газет, рассчитанных на переправку в Югославию в целях антититовской пропаганды. Деятельность коминформовской политэмиграции в Венгрии фактически прекратилась.

В сообщении *А.С. Стыкалина* (Исл РАН) говорилось о том, что начавшийся вследствие венгерской революции в октябре 1956 г. и особенно ее подавления советскими войсками массовый поток беженцев, начиная с 4 ноября, был направлен в сторону Австрии, куда бежали около 180 тыс. человек. С закрытием западной границы он постепенно переместился к концу года в сторону титовской Югославии, где оказалось около 20 тыс. беженцев.

Участники конференции констатировали несомненную востребованность российским обществом конкретно-исторических знаний, касающихся осмысления вклада русских диаспор, организаций и отдельных граждан в сохранение исторической памяти и национальной идентичности, что позволяет шире взглянуть на современные процессы, происходящие в русских диаспорах за рубежом, и на формирование взаимоотношений современной России с соотечественниками, разбросанными по всему миру.

КОНЕЦ ОБЩЕСЛАВЯНСКОГО КОМИТЕТА

© 2019 г. А.В. Зайцев

Сотрудник Государственного архива Российской Федерации

E-mail: zaiczew.aleks2013@yandex

В статье рассматриваются подробности выхода Югославии из славянского движения в результате советско-югославского конфликта. После негласного бойкота со стороны неюгославских сотрудников Общеславянского комитета югославы пытались поддерживать его деятельность в одиночку. В 1949 г. в Москве решили не воссоздавать Общеславянский комитет с югославскими эмигрантами в составе, но и не объявлять о его роспуске, чтобы не навредить левым славянским организациям в США и Канаде.

The details of Yugoslavia's exit from Slavic movement following its conflict with the Soviet Union are considered. After an unannounced boycott had been imposed on Yugoslav members of All-Slavic Committee, they tried to keep the Committee working nevertheless. In 1949, Moscow decided not to reconstruct the Committee or to declare its dissolution in order not to harm Left Slavic organizations in the United States and Canada.

Ключевые слова: славянское движение, Славянские комитеты, Общеславянский комитет, А. Гундоров, Б. Масларич, С. Благоева, резолюция Информбюро.

Keywords: Slavic movement, Slavic committees, All-Slavic Committee, Aleksandr Gundorov, Božidar Maslarić, Stela Blagoeva, resolution of Informbureau.

DOI: 10.31857/S0869544X0003676-6

В октябре 1955 г. в связи с возобновлением советско-югославского сотрудничества председатель президиума Славянского комитета СССР генерал-лейтенант инженерных войск А.С. Гундоров записал в рабочем плане: «Иметь в виду в подходящий момент поставить вопрос о возобновлении деятельности Общеславянского комитета, единственной международной организации, которая не приняла участия в конфликте 1948 г. и последующих лет» [1. Оп. 1. Д. 138. Л. 33]. Звучит интригующе. Неужели во время разрыва СССР с ФНРЮ существовала нейтральная площадка для контактов?

Общеславянский комитет (ОСК) был учрежден белградским Славянским конгрессом в декабре 1946 г. Гундоров так описал его структуру и задачи: Комитет создается «с целью осуществления связи [...], координации работы Славянских ко-

митетов в проведении общеславянских мероприятий. Достаточно пяти представителей от каждой славянской страны и 2–3 кандидата. Позволит привлечь разные слои населения, оперативно работать. Президиум будет состоять из председателя и четырех заместителей. Члены ревизионной комиссии – тоже из всех пяти стран. Представители других стран, если пожелают, тоже могут войти с правом совещательного голоса, но принять ли их – решает Комитет. Будут созданы группы информации (внутренние дела), печати (пропаганда), организационно-массовой работы. Будет издаваться «Информационный бюллетень».

Под аплодисменты местом пребывания ОСК был назначен Белград. Председателем комитета стал югославский коммунист Божидар Масларич, во время войны возглавлявший секцию южных славян Всеславянского комитета в Москве. Его заместители – по одному от СССР, Чехословакии, Польши и Болгарии – собирались только на заседаниях президиума и на пленумах комитета, которые в 1947–1948 гг. успели пройти в столицах всех пяти славянских стран. В Белграде постоянно находился ответственный секретарь ОСК И.П. Медведев и по одному референту от каждой из стран, причем референт от СССР прибыл лишь в 1948 г. Делопроизводство комитета велось на русском языке.

Доля взносов национальных славянских комитетов в бюджете ОСК: СССР – 25%, ЧСР – 20%, Польша – 20%, Югославия – 20%, Болгария – 15%.

За полтора года, отпущенных Комитету, он сделал очень немного – меньше, чем национальные славянские комитеты. Вышли всего лишь три выпуска информационного бюллетеня. В феврале 1948 г. на последнем, как выяснилось, пленуме ОСК, Масларич подвел весьма скромные итоги его деятельности за 1947 г. С 13 сентября началось вещание через Белградскую радиостанцию еженедельно по 15 минут, а с 10 февраля – по вторникам и субботам. Темы передач – углубление дружбы славянских народов, межгосударственные договоры, роль СССР, успехи строительства социализма в странах народной демократии, разоблачение поджигателей войны, американского империализма, плана Маршалла. Языки вещания – все славянские, кроме украинского и белорусского, английский, испанский, а с декабря 1947 (в тексте опечатка «1948») г. – албанский, венгерский и румынский. Послали (очевидно, славянским организациям) 50 статей, прочитали 15 лекций о результатах Конгресса и славянской взаимности [2. Оп. 1. Д. 17. Л. 12–14].

Основным мероприятием Общеславянского комитета в 1948 г. должен был стать международный конгресс ученых-славистов в Москве. Его подготовкой занимался заместитель председателя президиумов Общеславянского комитета и Славянского комитета СССР, министр народного просвещения РСФСР в 1948–1949 гг. А.А. Вознесенский. История подготовки и срыва конгресса подробно описана М.Ю. Досталь [3. С. 184–197], поэтому я остановлюсь на завершающих событиях.

15 апреля Вознесенский и Гундоров уведомили СК Югославии об очередном переносе открытия Конгресса – на 18 июня в «связи поздним получением докладов и необходимостью лучшей подготовки», представив это своим решением, и попросили известить об этом ОСК и федеральные СК в Югославии [2. Оп. 1. Д. 204. Л. 166]. 21 мая Вознесенский еще послал в Белград телеграмму с требованием прислать тексты некоторых докладов и фамилии докладчиков [2. Оп. 1. Д. 203. Л. 13]. 4 июня в ОСК (Масларичу, Медведеву) и СК Югославии (Яковлевичу, Беличу) пришли одинаковые телеграммы: «В целях обеспечения лучшей подготовки проведению конгресса ученых славистов вносим предложение перенести конгресс на осень текущего года. Вознесенский Гундоров» [2. Оп. 1. Д. 203. Л. 16–18]. Конечно, югославы возмутились и недоумевали. 15

июня из Москвы получили отписку: «Масларичу Телеграмму 366 получили причины отсрочки Конгресса были ясно указаны предыдущим сообщением. Вознесенский Гундоров» [2. Оп. 1. Д. 203. Л. 32]. В № 5 журнала «Славяне» за 1948 г. еще вышла статья П.Н. Третьякова «К созыву Общеславянского конгресса ученых-славяноведов», а в № 6 А.Л. Сидоров в статье «Достижения советской науки в изучении истории славянских народов» уже ничего не писал на эту тему.

Судя по пересказу Н.И. Кикешева [4], все иностранные референты ОСК были отозваны из Белграда сразу после отъезда советских специалистов из Югославии 18 марта 1948 г. Однако цитируемое им письмо Масларича СК СССР дает менее драматичную картину. Польский референт уехал 12 мая. СК Чехословакии отозвал П. Илемницкого 5 июня, назначив его атташе по культуре в Москве, и не прислал замены. Я. Шерстнев уехал 7 июня, «чтобы урегулировать вопрос о браке», и не вернулся после окончания отпуска 20 июня. Примерно тогда же Т. Ненова уехала в отпуск в Софию якобы до 1 октября. И.П. Медведев уехал в Москву 17 июня [2. Оп. 1. Д. 203. Л. 50], захватив с собой ключ от сейфа с документами ОСК [2. Оп. 1. Д. 203. Л. 53]. 28 июня Информбюро компартий приняло антиюгославскую резолюцию.

В фонде Гундорова хранится его заметка о будущем ОСК. «Общеславянский комитет – общественная, но не аполитичная организация [...]. Попытки сделать невозможным пребывание в Югославии советских людей [...]. Мне кажется, нельзя обеспечить нормальную работу Общеславянского комитета в Белграде. Следует перенести наше местопребывание в другую из славянских стран. С этим предложением и выступает советская делегация» [2. Оп. 1. Д. 40. Л. 39–39об.]. Текст не датирован, но в нем сказано: «Всем известен ответ руководителей Югославии на резолюцию Информбюро», который был опубликован в Югославии 30 июня 1948 г. [4. С. 447], и следовательно, стал известен «всем» в июле. В начале июля в Словакии проходили традиционные Девинские торжества¹. В августовском номере «Славян» помещена статья Гундорова о них, где упоминаются выступления К. Готвальда, З. Неядлы 11 июля, но ни слова о Югославии. А там произошли драматичные события. 1 июля руководство СК Болгарии (Козовский, Благоева, Михайлов) послало в СК Чехословакии телеграмму: «В связи с положением славянского движения в Югославии просим телеграфом Чехословакии пригласить на XI Сокольский слет и на Девинские торжества председателей, секретарей всех национальных славянских комитетов и членов Общеславянского комитета, также председателей, секретарей федеральных славянских комитетов в Югославии. Для осторожности югославских товарищей приглашайте в гости на слет и Девинские торжества без ссылки на положение славянского движения в Югославии» [2. Оп. 1. Д. 203. Л. 43]. На следующий день Неядлы и Грбек в телеграмме СКЮ пригласили всех упомянутых с мотивировкой: «Участие необходимо. Приезжайте немедленно. Телеграфируйте дату прибытия и фамилии делегатов» [2. Оп. 1. Д. 203. Л. 44]. Переписка, очевидно, стала известна Масларичу, так как 17 августа он телеграфировал СК СССР: «Славянский комитет в Праге тоже скомпрометировал себя в этом деле тем, что действовал точно по директивам, которые посылал Георгий Михайлов из Софии» [2. Оп. 1. Д. 203. Л. 42, 46]. Югославы прислали очень представительную делегацию: председатели ОСК и СК Югославии, представители СК Хорватии, Боснии и Герцеговины, Словении, Македонии [4. Л. 32].

О произошедшем при встрече делегаций Гундоров в проекте доклада о деятельности СК СССР за 1948 г. написал кратко: «Правда, вскоре после резолюции Ин-

¹ Названы в честь Девинского замка в Братиславе – национального символа Словакии.

формбюро мы встретились с Масларичем и другими представителями Югославии в Праге, разоблачили их антисоветские выступления, но после этого только в февральском номере нашего журнала мы [зачеркнуто «открыто»] выступили с определением наших позиций в этом вопросе» [1. Оп. 1. Д. 82. Л. 104]. Переубедить никого не удалось: «К троцкистско-националистическому лагерю Тито примкнул председатель Общеславянского комитета Масларич, который сейчас получил там пост министра путей сообщения. В этом же лагере оказались терроризированные общей обстановкой в стране другие члены Общеславянского комитета от Югославии» [1. Оп. 1. Д. 82. Л. 98]. В «Проекте выступления по вопросу о Маслариче», судя по тексту, относящемуся к концу 1948 г., генерал говорил о своем противнике чуть конкретнее: «Приехав в июле месяце в Прагу на очередное общеславянское мероприятие – славянский день на Девине, он, позабыв о своих обязанностях председателя комитета, занялся пропагандой линии Тито, распространением материалов этой группы, антисоветской агитацией. Вероятно, имея в виду использовать момент для [вставка: «корыстных целей и для»] доказательства своей особой приверженности титизму (так! – А.З.) применил метод [вставка: «публичных»] личных оскорблений прибывших в Прагу советских представителей и, в частности, ответственного секретаря Комитета т. Медведева. Советская делегация на эти терроризирующие нашу организацию методы [вставка: «Масларича»] ответила официальным протестом, а Славянский комитет Чехословакии вынужден был обратиться со специальным письмом ко всем комитетам. Конечно, о возвращении т. Медведева в Югославию при старой линии председателя нечего было и думать» [1. Оп. 1. Д. 82. Л. 217].

Упомянутое письмо Нееды и Грбека, датированное 16 июля, было переслано Гундоровым и Мочаловым² 28 июля в ЦК ВКП(б) Б.Н. Пономареву [6. Л. 31]. Хозяева торжеств обвинили Масларича в распространении изданной ЦК КПЮ брошюры, в «настойчивом и неоднократном» участии в официальных демаршах перед официальными же лицами ЧСР, особенно перед премьер-министром А. Запотцким. По словам чехов, Масларич критиковал перед членами ОСК не только Медведева, но и Вознесенского (надо полагать, за срыв конгресса славистов). С Гундоровым у него произошла словесная перепалка [6. Л. 33]. 6 или 8 июля (скорее 8-го) на приеме у министра информации и культуры Чехословакии В. Копецкого он «выступил с речью, в которой упор сделал на политику царской России во время захвата Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины. После этого коротко и невнятно сказал, что СССР уже не та царская Россия, но все таки (так! – А.З.) предупредил, что «Если она попробует сейчас проводить такую политику, то славянские и другие страны этого не позволят». Я не слышал этой речи, но [зачеркнуто: «к сожалению»] некоторыми возмущенными присутствующими тут же была записана и передана нам. Но ряд товарищей (Медведев, вероятно, Нееды) ее сами слышали» [6. Л. 154]. Вопреки надеждам Масларича, компартии и рабочие партии славянских стран поддержали ВКП(б), так что ФНРЮ пришлось искать поддержки у «других стран».

В таких условиях председатель президиума СК СССР, вероятно, счел недостаточным планируемое предложение о переносе ОСК из Югославии. По чьей-то воле публичного скандала тогда избежали. Как вспоминал Масларич, «согласно устной договоренности, достигнутой в Братиславе, от 11 июля сего года (т.е. в последний день торжеств. – А.З.), в первой половине августа должно было состояться совещание Общеславянского комитета» [2. Оп. 1. Д. 203. Л. 50].

² В.В. Мочалов – ответственный секретарь Всеславянского комитета (1944–1947), Славянского комитета СССР (1947–1950). Переписка славянских комитетов велась, как правило, от имени председателя президиума и ответственного секретаря.

Письмо СК Чехословакии, разосланное во все четыре национальных СК, — следовательно и в СК Югославии, — подчеркивало координирующую роль ОСК в славянском движении. В нем члены ОСК призывались «воспрепятствовать в дальнейшем повторению подобных явлений» [6. Л. 53]. Однако обращение было лицемерным, так как всех неюгославских членов ОСК к тому моменту уже отозвали из ФНРЮ.

В № 7 «Славян» за 1948 г. еще сообщалось о выходе № 3 Бюллетеня ОСК [7], и больше в СССР о Комитете ничего открыто не сообщалось. Обещанное совещание ОСК, разумеется, не состоялось. Все дальнейшие телеграммы, посылаемые Масларичем от имени ОСК в национальные СК, оставались без ответа. Масларич до ноября делал вид, что не понимает происходящего, обращался к национальным СК за объяснениями, требовал прислать планы дальнейших мероприятий и ключи от сейфа. Референт от Югославии Стоилкович еще делал радиопередачи ОСК [2. Оп. 1. Д. 203. Л. 49–53]. Все это удостоилось лишь оценки Гундорова: «Шпион Масларич первое время продолжал использовать Комитет для своей гнусной пропаганды» [1. Оп. 1. Д. 82. Л. 78]; «После этого рассылает [вставка: «лицемерные»] письма в Славянские комитеты [вставка: «ставя»] вопрос о конгрессе ученых, о втором славянском съезде, о том, что представители [вставка: «всех»] других стран [зачеркнуто: «оставили» «разъехались»] покинули Общеславянский комитет, писал про Шереметьева (наверное, Медведева — А.З.), прикидываясь наивным простачком [...]. Советские члены Общеславянского комитета предлагают исключить Масларича из [зачеркнуто: «членов его»] состава членов комитета» [1. Оп. 1. Д. 138. Л. 218]. Текст написан не ранее ноября 1948 г., следовательно, судьба ОСК еще не решилась.

Гундоров писал, что комитет прекратил свою деятельность с отзывом референтов [1. Оп. 1. Д. 140. Л. 99]. 10 марта 1949 г. он заявил, что ОСК «сейчас находится в полном бездействии» [3. Оп. 1. Д. 206. Л. 4]. 15 марта он прояснил ситуацию: «Воздержаться от возобновления деятельности Общеславянского комитета [...]. Среди польских товарищей имеется настроение если не ликвидировать славянское движение, то заморозить. Противоположные мнения идут из Чехословакии, здесь считают необходимым [...] быстро восстановить деятельность Общеславянского комитета, конечно, без югославских националистов и в Москве. Само собой разумеется, что они за [зачеркнуто: «проведение»] разработку широкого плана общеславянских мероприятий. Оба взгляда, конечно, неправильны» [1. Оп. 1. Д. 138. Л. 82].

10 апреля 1949 г. С. Благоева в Софии довела до президиума СК Болгарии точку зрения Москвы. Она сообщила, что в СК СССР с вопросами о дальнейшей судьбе ОСК обращались и председатель президиума СК Чехословакии З. Неедлы, и сотрудники СК Польши. Ответ звучал напыщенно: «Номинально еще существующий Общеславянский комитет в Белграде изолирован от славянских комитетов, вместе с разоблаченными титовцами. Это представляет собой этап борьбы за мир против англо-американской агрессии [...]. До настоящего времени народные демократии славянских стран, оставшиеся верными своим братским демократическим славянам (за исключением Югославии), укрепились внешне и внутренне [...]. Наряду с ними такой же путь уже прошли и неславянские страны народной демократии — Румыния и Венгрия [...]. Для борьбы против агрессии, борьбы за мир и народную демократию созданы более широкие формы, чем Общеславянский комитет. Это — Информбюро девяти компартий, Бюро Экономического совета народно-демократических стран; создана и более высокая форма — двусторонние договоры о дружбе и сотрудничестве.

И в этом свете формы Общеславянского комитета становятся излишними и даже вредными. В положении изоляции номинально существующий Общеславянский комитет не заслуживает того, чтобы о нем поднимали вопрос» [2. Оп. 1. Д. 225. Л. 41–44].

Последний эпизод в деятельности Комитета состоялся, вероятно, 12 апреля 1949 г., когда Б. Масларич от имени ОСК по радио призвал югославо-участвовать в движении борцов за мир. В Москве вновь напомнили, что Общеславянский комитет бездействует [2. Оп. 4. Д. 94. Л. 93]. В конце 1949 г. Гундоров дал понять, что ОСК не возродится, «чтобы избежать намеков на отдельную организацию славян, обособленную от других народных демократий. Поэтому мы отказались от возобновления деятельности Общеславянского комитета, [зачеркнуто: «Конечно, предварительно вышвырнув оттуда»] даже при изгнании из него югославских агентов англо-американского империализма и заменой их революционной югославской эмиграцией» [1. Оп. 1. Д. 138. Л. 77–78]. Биограф митрополита Николая (Ярушевича) считает, что в Москве боялись проникновения в воссозданный Всеславянский (Общеславянский? – А.З.) комитет агентуры Тито [8. С. 294]. Действительно, как сообщил советскому посольству в 1949 г. начальник международного отдела ЦК КПЧ Б. Геминдер, «сделавшие недавно в Швеции заявление о лояльности Советскому Союзу два югославских военных [...] являются преданными титовцами» [9. С. 223]. В атмосфере шпиономании проще было перестраховаться. С югославской делегацией во Всемирном совете мира (ВСМ) поступили иначе, заменив на эмигрантов во главе с П. Попиводой, но его деятельность, в отличие от ОСК, была приоритетным направлением внешней политики СССР.

Итак, Общеславянский комитет не участвовал в советско-югославском конфликте, поскольку стал его жертвой. По сути, комитет прекратил существование в июне 1948 г. с отзывом иностранных референтов из Белграда. Вероятно, перед июльской встречей деятелей славянского движения советские (и не только) делегаты рассчитывали распропагандировать югославских коллег в пользу резолюции Информбюро, в результате чего Б. Масларич выступил бы на стороне «здоровых сил в КПЮ» на V съезде партии, намеченном на 20-е числа июля, а ОСК вместе с югославскими сотрудниками переместился бы, скажем, в Прагу в ожидании победы «здоровых сил» над «фракцией Тито». Но югославы отказались подчиниться Коминформу, а Масларич на V съезде решительно поддержал Тито. В последующие месяцы югославские сотрудники Комитета продолжали работать в одиночку, поддерживая фикцию общеславянской организации, по крайней мере, до апреля 1949 г. Тем временем деятели нового славянского движения в СССР, ЧСР, Болгарии, Польше вели себя некорректно – не отвечали югославам и ждали указаний из Москвы. Примерно в начале 1949 г. ЦК ВКП (б) решил не заменять югославских представителей в ОСК антититовскими эмигрантами, как потом сделали во Всемирном совете мира, а упразднить ОСК.

При этом Москва намеренно отказывалась заявить о ликвидации комитета, говоря лишь об изоляции Масларича и его подчиненных в ФНРЮ. Такое поведение выглядело непонятной трусостью. Видимо, причину нежелания признать очевидное объяснила на совещании 10 апреля 1949 г. бывший вице-председатель ОСК от Болгарии С. Благоева: «Если здесь будет посягательство на славянские комитеты, это даст повод американским властям приступить к уничтожению славянских организаций там [...]. С ними нужно поддерживать тесные дружеские связи, чтобы укреплять их борьбу в защиту мира, борьбу за разоблачение американских агрессоров» [2. Оп. 1. Д. 225. Л. 44]. Можно с уверенностью приписать левой славянской эмиграции заслугу как спасения сла-

вянских комитетов, так и «жизни после жизни» ОСК. Решение о его формальном упразднении пришлось принимать не Москве, а Белграду. Вероятно, оно последовало в 1949 г. В октябре 1955 г. Гундоров констатировал: «Славянских организаций уже в стране (Югославии. — А.З.) нет» [1. Л. 32–33].

Пожелания генерала остались бесплодными. Осенью 1957 г. югославские дипломаты ответили деятелям обществ дружбы из ЧСР, что «славянское движение — это была сталинская хитрость», и ни о каком возрождении славянских организаций в ФНРЮ не может быть и речи [2. Оп. 1. Д. 417. Л. 24]. Рассматривалась ли в Югославии возможность возвращения в новое славянское движение до венгерских событий 1956 г., когда отношения с СССР были наилучшими? На мой взгляд, нет. В 1950-е годы славянские комитеты СССР, Чехословакии, Болгарии занимались по преимуществу национальными диаспорами, а в Югославии из-за политической специфики это уже была компетенция госбезопасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-9564 (А.С. Гундоров).
2. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-6646 (Славянский комитет СССР).
3. *Досталь М.Ю.* Как Феникс из пепла... (Отечественное славяноведение в период Второй мировой войны и в первые послевоенные годы) М., 2009.
4. *Кикешев Н.И.* Славянское движение в СССР: 1941–1948 годы. Дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. М., 2008 [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://sklaviny.ru/libris/lib_k/kik00.php
5. *Романенко С.А.* Между «пролетарским единством» и «славянским братством». Российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе. М., 2011.
6. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 128 (ЦК ВКП(б). Отдел международной информации). Д. 489.
7. Союз болгаро-советских обществ // Славяне. 1948. № 7. С. 62.
8. *Сурков С.А.* Митрополит Николай (Ярушевич). М., 2012.
9. Из дневника Л.Ф. Теплова. Запись беседы с Б. Геминдером о политических настроениях работников дипломатического корпуса в Чехословакии (8 декабря 1949 г.) // Советский фактор в Восточной Европе (сб.). М., 2002. Т. 2. 1949–1953. С. 222–223.

В.И. ЛАМАНСКИЙ В УНИВЕРСИТЕТЕ¹

© 2018 г. А.В. Малинов^{1*}, В.А. Куприянов^{2**}

¹Д-р философ. наук, профессор СПбГУ, ассоциированный научный сотрудник СИ РАН
²Канд. философ. наук, научный сотрудник Центра социолого-наукоеведческих исследований
Санкт-Петербургского филиала института истории естествознания и техники РАН

*E-mail: a.v.malinov@gmail.com, **E-mail: nonignarus-artis@mail.ru

Статья подготовлена при поддержке РФФИ (проект № 18-311-00072).

В статье рассматривается преподавательская деятельность В.И. Ламанского (1833–1914) в Санкт-Петербургском университете в 1870–1880-е годы. На основе переписки ученого приводятся его оценки положения дел в университете, Университетского устава 1884 г. Раскрываются обстоятельства ухода Ламанского из университета в 1899 г. Приводятся мнения учеников о преподавании Ламанского и обосновывается точка зрения о «научной школе» Ламанского.

The article examines Vladimir Lamansky's (1833–1914) pedagogical activities who taught in St.-Petersburg University in the 1870s and 1880s. On the basis of his correspondence, his judgements on the state of affairs in the university, or 1884 University Charter are adduced. Furthermore, it sheds light on the circumstances of his quit from the university in 1899, opinions of his pupils about Lamansky's manner of teaching are cited and the hypothesis of is proved that one may speak about Lamansky's «scholarly school».

Ключевые слова: В.И. Ламанский, Санкт-Петербургский университет, славяноведение, славянофильство, научная школа.

Keywords: Vladimir Lamansky, St.-Petersburg University, Slavic Studies, Slavophilism, scholarly school

DOI: 10.31857/S0869544X0003677-7

1870–1880-е годы стали вершиной преподавательской и научной деятельности В.И. Ламанского. В этот период он сформулировал основные положения своего философско-исторического учения и заслужил признание среди коллег-славистов, став одним из самых известных ученых-славяноведов в Европе. Удачно складывалась и карьера Ламанского в университете. После защиты диссертации советом Санкт-Петербургского университета 12 апреля 1871 г. он был избран экстраординарным профессором по кафедре славянской филологии (38 голосов, против 3). Причем совет университета направил представление попечителю учебного округа о назначении Ламанскому сразу профессорского

¹ Предыдущую статью А.В. Малинова и В.А. Куприянова о В.И. Ламанском см. «Славяноведение», 2018. № 6.

оклада. Как было сформулировано в протоколах: «Предоставив ему профессорский оклад, присвоенный кафедре Церковной Истории, для которой оставить на будущее время оклад доцентский» [1. С. 65]. 27 января 1873 г. историко-филологический факультет избрал Ламанского ординарным профессором, а 5 марта баллотировка состоялась на совете университета. Ламанский был избран ординарным профессором по кафедре славянской филологии тридцатью тремя голосами против трех [2. С. 44]. В черновом наброске «Из университетских воспоминаний» Ламанский приводит письмо к нему Д.И. Менделеева и потом резюмировал: «В лучшие времена Петербургского университета второй половины 50-х, 60–70-х, до начала 80-х годов живое дружеское общение тесно связывало не только профессоров одного, но и всех факультетов: физико-математического, юридического, восточного и историко-филологического факультета» [3. Оп. 3. Ед.хр. 50. Л. 1].

Ситуация в университете изменилась, когда министерство предприняло попытку пересмотреть университетский устав 1863 г. Ламанский вновь задумался о переезде из Петербурга. Так, 25 января 1881 г. он писал И.С. Аксакову: «Я был оставлен Петерб[ург], то теперь только бы в одном случае. Если бы, напр[имер], Игнатьева назначили в Вильну, то я бы туда поехал. Там цель ясна и работы много, а Варшава — Бог с ней» [3. Оп. 1. Ед.хр. 1. Л. 156]. В письмах И.С. Аксакову он высказывал свое мнение об инициаторах (М.Н. Каткове и Н.А. Любимове) и духе нового университетского устава: «Катков давно, давно от науки совершенно отстал, и не понимает, что со времен Грановских и Крюковых она у нас далеко шагнула вперед. Любимов же никогда ученым не был и был только хорошим (в свое время) учителем или преподавателем физики и как профессор, конечно, в подметки не годится Столетову. Правда, этот чуть ли не единственный у нас физик в настоящем смысле слова. Но Катков дошел до апогея [...]. Впрочем, кого не избалует такая забранная им в руки власть. Он сменяет и назначает министров. Говорят, теперь он хочет доканать Бунге. Его Святейшество непременно требует, чтобы устав прошел и был утвержден к Пасхе. Кто же осмелится послушаться Каткова? Не знаю, чувствуете ли Вы, но я здесь с возрастающею грустью замечаю, что отрицательное направление и озлобление, какое-то равнодушие и тоска все больше и больше распространяются в обществе. Вы себе представить не можете, сколько глупостей и невозможностей в этом новом уставе. Сколько напрасного раздражения и злого недовольства произведет он в тысячах и тысячах, среди родителей и родственников учащихся в университетах и готовящихся поступать в университет. Зато желание и самолюбие Каткова будет удовлетворено. Его предначертания исполняются, его воля — закон. Мне все кажется, что мало по малу закроются все журналы, Ваша [“]Русь[”] — тоже, и останутся [“]Московские[”] и [“]С.-Петербургские Ведомости[”]. Удивительное дело, вот эти господа пережили и помнят николаевское время. Ни к чему» [3. Оп. 1. Ед.хр. 1. Л. 175об.—176]; «этот университетский устав есть великое несчастье. Вы не можете себе представить, как наш брат, знакомый с делом и имеющий детей в гимназии, печально должен глядеть вперед. Страшно даже подумать, что будет с детьми? Злоба, раздражение, презрение и почти явные оскорбления — вот атмосфера нас учащихся и учащихся окружающая. Мы, конечно, не опасны и с нами можно делать им все, что угодно. Но ведь каких же революционеров готовят они из наших детей. Вот, что страшно и за что боишься» [3. Оп. 1. Ед.хр. 1. Л. 187—187об.]. В конце воспоминаний о Ламанском К.Я. Грот привел несколько писем своего учителя. В одном из них (17 марта 1889 г.) Ламанский отметил «ограниченность и узость так называемого русского национального направления, утвердившегося у нас со времен Каткова [...]. Катковский взгляд на русское просвещение всего лучше выразился в его проекте университетской реформы и изуродовании нашего факультета» (цит. по: [4. С. 22]).

К тому времени, когда подготовка к введению нового университетского устава, ограничивавшего университетскую автономию, шла полным ходом, Ламанский был избран деканом историко-филологического факультета и 11 марта 1883 г. утвержден министром народного просвещения. Согласно уставу 1884 г., деканы назначались

министром, поэтому со временем он был уже переназначен министром. Однако, не желая быть проводником министерской политики, ущемлявшей академические свободы, он осенью 1885 г. подал прошение об отставке (протокол заседания Совета университета от 4 ноября 1885 г.) [5. С. 43]. Письма Ламанского коллегам наполнены сожалениями о положении в университетах. «Нынешние преобразования, — писал он И.С. Аксакову, — внушены, с одной стороны, чисто полицейскою тенденциею искоренить нигилизм по-полицейски же, с другой, самым затхлым западничеством 40-х годов, воображающим, что в русском университете никогда ничего не бывало выше Грановского, Редкина, Каткова, Леонтьева и Любимова» [3. Оп. 1. Ед.хр. 1. Л. 182 об.]. В письмах А.Н. Веселовскому он описывал свои чувства после решения об отставке: «У нас не приведи Бог как скверно. Мне так все это опротивело, что я подал прошение об увольнении меня от должности декана. Кто будет? Еще неизвестно. Охотников немного. Ждут, кажется, Ягича. Но он верно тоже не пойдет [...]. Отказался от деканства и теперь у меня как гора с плеч. Буду работать в архивах и возьму себе несколько дел московских» [6. Ф. 45. Оп. 3. Ед.хр. 467. Л. 3]. А в другом письме к тому же адресату сетовал: «Грустно и обидно как испакостили наш факультет. Конечно пройдет и это. Но когда и откуда придет обновление?» [6. Ф. 45. Оп. 3. Ед.хр. 467. Л. 6об.]. Ламанский в меру своих возможностей сопротивлялся тем ограничениям в преподавании, которое предусматривала новая министерская программа. 17 декабря 1886 г. он писал профессору Варшавского университета П.А. Кулаковскому: «И теперь русских историков мало, а что будет лет через 10. Наш несчастный факультет совершенно разорен. Ни русских историков, ни славистов не будет тогда вовсе. Сколько мошенничества завелось в университете с этими латино-греческими упражнениями: явились свои шпаргалки» [6. Ф. 572. № 159. Л. 3—3об.]. В последующие годы Ламанский лишь эпизодически (как правило, во время отпуска декана) исполнял должность декана как старший по званию член факультета, что было предусмотрено ст. 26 «Устава российских университетов 1884 г.».

Сменивший Ламанского в должности декана историко-филологического факультета М.И. Владиславлев стал усердным проводником министерской линии в университете. В отечественной историографии сложился отрицательный образ М.И. Владиславлева, во многом следующий оценкам его как личности и администратора современниками. Е.А. Ростовцев предпринял пересмотр деятельности М.И. Владиславлева и предложил отказаться от однозначно негативной его оценки: «Надо сказать, что, несмотря на тотальное недоверие и бойкот со стороны либеральной профессуры, М.И. Владиславлев вообще был активен в реформировании учебного процесса согласно требованиям науки и пожеланиям корпорации» [7. С. 406]. Несмотря на диктат министерства, М.И. Владиславлев смог добиться расширения преподавания философии [8. С. 137—138]. Ламанский не дружил и не приятельствовал с М.И. Владиславлевым. Однако нельзя сказать, что их связывали исключительно деловые отношения. Известно, например, что М.И. Владиславлев рекомендовал Ламанскому няню для его детей и т.п. Впоследствии Ламанский переписывался с сыном М.И. Владиславлева Владимиром Михайловичем Владиславлевым (1868—1943). Ламанский не мог согласиться с умалением университетской свободы и ограничения преподавания, которую по настоянию министерства проводил М.И. Владиславлев. В письме к одному из своих близких друзей, индологу профессору И.П. Минаеву он писал 16 мая 1888 г. (?): «Да, это худой ч[елове]-к. Этот философ понимает идеи, но служит одной силе торжествующей и давящей. Неспойно и неравнодушно гляжу я на это. Да что поделаешь? И хочу сторониться и найти себе независимый круг деятельности, где бы мне спокойно и свободно думать и работать. Конечно тут спокойствие относительное, рана нанесена и ее не залечишь. Да плакаться и бередить ее ежечасно — тоже нет проку. Думать надо отчего все это происходит и стараться, чтобы подобные напасти в будущем были реже, реже и даже невозможны. Тут конечно виноваты не одинокие личности, а все наше общество, легкомысленное, пошрое и в грязь опустившееся. Нет идеалов, нет возвышенных и дальновидных умов, нет критики и понимания. Полная духовная несостоятельность. И так давно длится, теперь только яснее обличается. В совер-

шенное отчаяние приходит нечего — остались кафедра, литература. Положим полезут в университет много дряни, но это не будет большинство, да и молодежь ее скоро раскусит». «Дурак, что пошел, — продолжал Ламанский о согласии М.И. Владиславлева стать ректором. — Тяжело и жутко будет. Кругом его и между студентами и между профессорами и им будет пустыня» [6. Ф. 340. Оп. 2. № 33. Л. 59—59об.].

Надо заметить, что административную работу Ламанский воспринимал как бремя, отнимающее силы и время от научных занятий. Настоящему ученому, полагал он, не стоит жертвовать наукой ради административной карьеры и искренне недоумевал, когда видел примеры обратного. Н.Н. Платонова (жена историка С.Ф. Платонова) в дневнике привела реакцию Ламанского на назначение ректором университета после смерти М.И. Владиславлева П.В. Никитина: «Был [у нас] Ламанский; удивляется, зачем Никитин принял ректорство; единственный на всю Россию удачный филолог-грек, академик, человек вполне обеспеченный добровольно отказывается от науки ради видного положения; после этого немцы с полным правом могут говорить: к чему избирать в Академию русских, когда они ради лишнего ордена готовы бросить науку. По мнению Ламанского, положение Н[икити]на будет не из легких: один Сергеевич способен отравить ему жизнь. Вообще все профессора неодобрительно смотрят на Н[икити]на; Л[аманск]ий предсказывает, что профессора не будут ходить к нему, как не ходили к Владиславлеву» (цит. по [9. С. 465]).

Постепенно многие положения устава 1884 г. подверглись пересмотру и практика университетской жизни вернулась к основным формам автономии, хотя может быть и не в той мере, в какой допускалась уставом 1863 г. Университетская профессура демонстративно фрондировала перед министерством, усиливались оппозиционные настроения, значительная часть профессоров притраживалась либеральных взглядов. Так, по предложению Ламанского совет Санкт-Петербургского университета принял решение при назначении на преподавательские должности Министерством народного просвещения новых членов, зачитывать записки об их ученых трудах. «Такое решение, как бы обязывающее министра давать отчет о научных достоинствах своих “назначенцев”, — писал Е.А. Ростовцев, — было очевидным свидетельством роста оппозиционности профессорского совета» [9. С. 457]. В перепетстве Ламанского заметно ожидание перемен в министерстве, хотя преобладающее настроение можно, скорее, охарактеризовать как скепсис и сомнение. В дневнике 1 апреля 1889 г. он с грустью замечал: «Быть может, и Толстой и Делянов [...], все они тебя переживут, или ты будешь к тому времени так стар и слаб, что не в состоянии будешь и почувствовать перемены и насладиться ею. Часто думается, что нашему брату лучших дней не видать» [3. Ф. 35. Оп. 3. Ед.хр. 3. Л. 9об.].

К университетским неурядицам добавлялось и чувство профессиональной невостребованности. Дело не в том, что Ламанский, вероятно, не был популярным профессором. Он не искал этой популярности. Помимо университетского преподавания он стремился применить свои знания по истории, быту и современному положению славянских народов на практике. Ламанский не был лишь кабинетным ученым-славистом. Он сознавал себя философом и политическим мыслителем, откликался статьями на текущие события, принимал участие в реальной помощи балканским славянам. Его познания требовали практического выхода. Университетская аудитория стесняла его. Не случайно Ламанский так много сил отдавал Санкт-Петербургскому славянскому благотворительному обществу, Этнографическому отделу Императорского географического общества, Литературному фонду. Он стоял у истоков и был одним из учредителей Славянского комитета (впоследствии Славянского благотворительного общества)² и Литературного фонда, организаторо-

² Ламанский составил «Заметку» о преобразовании Петербургского комитета по приему славянских гостей в постоянный Славянский комитет (с 7 мая 1868 г.), преобразованный 12 апреля 1877 г. в Санкт-Петербургское славянское благотворительное общество [9. С. 59—60].

ром Славянского съезда в 1867 г. и автором первоначального проекта Этнографического музея в Санкт-Петербурге. В редакторской работе он видел возможность влиять на общество, доносить до людей свои взгляды на славянство, Европу и те исторические задачи, которые стоят перед Россией. Он редактировал «Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества» (с сентября 1887 г. по декабрь 1888 г.), издавал и редактировал лучший дореволюционный этнографический журнал в России «Живая старина» (1890–1912) [10. С. 201–215]. Ламанский не только работал бесплатно, но первые годы вкладывал в издание свои скромные средства. Вероятно, приглашение читать лекции в Академии генерального штаба он воспринял как возможность донести свои взгляды до тех людей, от которых может зависеть политическое будущее России и славянства. В Академии генерального штаба он преподавал десять лет (1890–1900). Именно в эти годы он завершил работу над своим главным геополитическим трактатом «Три мира азийско-европейского материка» (1892) [11. С. 215–222].

В письмах Ламанский часто рассуждает о политических событиях и делится своими соображениях о европейских делах, истории и путях развития народов, культур и языков. В одном из посланий И.С. Аксакову 10 февраля 1882 г. он указывал на разрыв между властью и интеллектуальной элитой. Знания ученых оказались не востребованы «высшими сферами». В сетованиях Ламанского звучит не претензия интеллектуалов на власть, а констатация общественного разрыва, социальной патологии, делающей ученых бессильными, а власть – слепой. «Удивителен этот Петербург со своим высшим обществом и высшими сферами, – писал Ламанский. – Везде богатство и знатность старается привечать и приманивать к себе людей мысли, расспрашивать их, толковать с ними. Могут их не слушаться, но выслушивать их ведь должны люди государственные.

Но в каком мы теперь положении. Мы теперь решительно ничего не знаем, что делается. Бывало, часто видался с гр. Толстым, который приглашал к себе, с Н. Милютиным, который любил и говорить и расспрашивать. Теперь не только м[инист]р нар[одного] просв[ещения], но даже попечитель, хотя сам бывший профессор, ни разу не пригласил нас к себе на чашку чая. Игнатьева я тоже никогда не вижу, как и Победон[осцева], хотя прежде б[ыли] знакомы.

В Австрии даже принцы стараются знакомиться с профессорами, учен[ыми], писателями. У нас мы целою Китайскою стеною отделены от правящих сфер. Смейтесь потом, что сидя в кабинете на Протопоповской улице (собств[енно] на Введенской), мы не знаем жизни. Где нет обмена мысли, живого общения людей разных сфер, там нет образованности, там нет здорового национального развития [...]. Один из бывших моих слушателей дает теперь уроки рус[ского] яз[ыка] англ[ийскому] послу Торнтону, человек очень он образованный, все жалуется на неразвитость и необразованность русск[ого] общества, на скуку в нем господствующую.

Не нам же, людям бедным и естественно гордым, искать в высших сферах и подбиваться на знакомство с ними. Они должны первый шаг сделать.

Скука, недовольство, странные недоразумения, ложные понятия и дурные мнения друг о друге – вот самые еще невинные плоды такого разобщения различных общественных кругов.

Вот чем болеет наше общество. Нет идей и умственных интересов, нет истинного образования и идеалов. Есть праздность и скука, да бедность. Вот и ждут люди спасения от войны, от катастрофы, от счастливого события.

Со смертью Федора Ивановича [Тютчева] я никогда ничего не слышу из официальных сфер, что делается у нас в слав[янских] землях.

Прежде молодежь пропадала и губила свои силы в бесшабашном разгуле, теперь от той же скуки многие ударяются в отрицание и [...] агитацию.

Двор и сановники могут переехать в Москву, но если и там они также будут жить обособленно и кроме официальных разговоров и обязанностей с простыми смертными никакого живого общения иметь не будут, то никакой от этого пользы ждать нельзя.

Скука московских теремов создала из Петра революционера. Французская фронда порождена была тою же скукою и разобщением сфер правящих от мыслящих. Не в одном разобщении интеллигенции с народом наше зло [...]. Нет духа, нет правящей мысли, нет идей и системы. Все отрывочно и случайно, все эмпирично и бессознательно. Так то, а война сему не поможет» [З. Ф. 35. Оп. 1. Ед.хр. 1. Л. 168–170об.].

В 1890 г. за выслугой двадцати пяти лет в университете Ламанский перешел в разряд заслуженных профессоров. 1899 год стал последним в его преподавательской карьере. В феврале университет охватили студенческие волнения, жестоко разогнанные полицией. Бестактное поведение ректора В.И. Сергеевича и его призыв к студентам воздержаться от нарушения общественного порядка только усилили протесты. Либеральная в своей массе профессура требовала расследования поведения полиции. «Начались частные совещания профессоров и других лиц (помню одно в квартире П.И. Вейнберга), – писал Н.И. Кареев. – Сергеевич вел себя невозможно, прямо издеваясь над членами Совета, предлагавшими то, что было ему неудобно [...], как вдруг на середину зала выступил старик Ламанский с такими приблизительно словами: “Василий Иванович! Мы обращаемся к вам с товарищескою просьбою. Уйдите в отставку из ректоров, студенты вас не любят, не губите университета. Мы так будем вам благодарны”. Затем он обернулся, как бы ища поддержки со стороны товарищей, но никто не шелохнулся. Мне стало стыдно, и я громко, встав со своего места, заявил: “Владимир Иванович, я к вам присоединяюсь”. Думаю, что этот поступок и был одной из причин моего увольнения из университета. Сергеевич ответил, что он на своем месте “по воле государя императора” и что потому не нам его смещать» [12. С. 205–206]. Из университета были уволены не только Н.И. Кареев, но и приват-доценты М.И. Свешников, С.А. Венгеров, И.М. Гревс, Н.М. Книпович, А.А. Исаев. Протестуя против решения министерства, подал в отставку профессор С.Ф. Ольденбург и приват-доцент Я.И. Смирнов. В этой ситуации решение покинуть университет принял и Ламанский. 30 декабря 1899 г. он писал: «В нынешнем авг[усте] отказался от унив[ерситетского] вознаграждения и от лекций. Студентов-слушателей очень мало, охотников заниматься не видать было, а тут еще прошлогодние университетские истории, – Сергеевич в совете, Соболевский в Факультете, далее погром в Житом[ире] и затем в Киеве, получение известия об увольнении Кареева и Гревса из универ[ситета] побудили меня окончательно выйти из унив[ерситета] и отказаться от получения от него 1200 р. с лишним (р. 100 гонор[ар] и 200 экз.). Отказавшись, я почувствовал себя хорошо» [З. Ф. 35. Оп. 3. Ед.хр. Л. 20об.]. Стоит отметить, что поступок Ламанского не был случайностью, эмоциональным порывом или облеченным в форму протеста уходом усталого от трудов престарелого профессора. Еще до возвращения в университет в качестве преподавателя Ламанский принимал активное участие в защите бунтовавших в 1861 г. студентов. Сохранилось недатированное письмо одного из его ближайших друзей, В.В. Стасова, раскрывающее обстоятельства фрондирования университетской профессуры. «Владимир Иванович, – писал В.В. Стасов, – сделайте одолжение пошлите протесты³ к моему брату Дмитрию в Сенат, во 2-й Департамент; он будет его там ждать до 2 ½ часов, и прямо оттуда повезет его к Кавелину и Утину, которые наверное подпишут его. Ужо вечером подпишет Спасович. Таким образом, это будет “профессорский протест”. Жаль, если нельзя включить в число протестантов Срезневского, Калачова и Галахова. Последнего я даже не знаю адреса. Право, мне кажется, Срезневский будет потом жаловаться, что его пропустили. Не увидите ли вы его сегодня, также Калачова днем или вечером? Пусть только даст согласие, и можно за него подписать. Я бы к нему поехал, но он меня разумеется не послушает. Вот вас, другое дело. И так, жду подписей Сухомлинова и Гильфердинга. Сегодня я в Федре.

Ваш В.С.

³ Здесь и далее подчеркнуто в письмах.

Р.С. Я думаю, Калачов даст согласие на подпись, коль скоро его друг Костомаров подписался» [З. Ф. 35. Оп. 1. Ед.хр. 1332. Л. 54]. Протестуя против ареста полицией студентов, из состава университетских преподавателей вышли А.Н. Пыпин, К.Д. Кавелин, Б.И. Утин, М.М. Стасюлевич и В.Д. Спасович. Выход Ламанского из университета в 1899 г. можно считать жестом проявления университетской солидарности как с протестующими студентами, так и с уволенными коллегами. Он не разделял западнического мировоззрения Н.И. Кареева и в частной переписке скептически отзывался о нем [13. С. 14–17], поэтому решение Ламанского покинуть университет не было вызвано личными мотивами, а имело принципиальный характер.

В 1900 г. Ламанский был избран в Академию наук и отошел от активной преподавательской деятельности в университете и Академии генерального штаба. В Академии наук он решил сосредоточиться на исследованиях русской истории XVIII в. и, в частности, истории самой Академии. В одном из писем учителю Н.В. Ястребов верно подметил, что Ламанский в конце жизни вернулся к той тематике, с которой началась его научная карьера. «Итак, Вы работаете в Академии и по тому же XVIII веку, которым занимались в молодости, — писал он из Вены 1(14) мая 1900 г. — Верно, имеете планы и на счет разных насущных дел славянских, которые могла бы делать Академия и только Академия: издание (греческое) К. Порфириогенеза, библиография южнославянской истории и истории литературы, издания болгарских и сербских грамот — видах источниковедения, дипломатики, палеографии и проч. и проч.» [З. Ф. 35. Оп. 1. Ед.хр. 1606. Л. 41]. Прежде всего, ученики ожидали от Ламанского издание общего курса по истории славян, полагая, что теперь подготовка к самим лекциям больше не отнимает необходимого для работы над текстом времени. «Будьте здоровы и не пишите таких вещей, что до Ломоносовского юбилея Вы не доживете. Вы очень мнительный, и нет Александры Ивановны, которая Вас ободрила бы. Умирать Вам рано, ибо за Вами еще есть долг: “История славян” в том или другом виде. Мы, Ваши ученики, думаем дожить до нее», — выражал Н.В. Ястребов общую надежду в письме из Мюнхена 20 февраля (5 марта 1901 г.) [З. Ф. 35. Оп. 1. Ед.хр. 1606. Л. 67 об.]. Из письма видно, в каком угнетенном состоянии находился Ламанский после смерти жены и во многом вынужденного оставления университета. Работа над славянской историей, полагали ученики, поможет учителю справиться с жизненными невзгодами. В конце 1901 г. Н.В. Ястребов вновь напоминал Ламанскому: «А как обстоит дело с курсом славянской истории? Хорошо было бы издать его в том коротком виде, что Вы хотели сделать для Военной академии. Жаль, что Вы оставили Академию, жаль уже с точки зрения русских военных интересов. Не могли бы Вы при новом начальстве Академии возобновить свое дело?» [З. Ф. 35. Оп. 1. Ед.хр. 1606. Л. 100об.–101].

С годами к давним болезням (подагре и хиратре) добавился склероз мозга. Последней крупной работой Ламанского стало неоконченное исследование «Славянское житие св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение и как исторический источник», печатавшееся в 1903–1904 гг. в «Журнале Министерства народного просвещения» и изданное отдельной книгой уже после его смерти [14]. Не имея возможности продолжать научную работу, он принял решение продать свою библиотеку университету. В письме И.В. Ягичу 11(24) декабря 1910 он поведал историю формирования библиотеки: «Свою библиотеку я оставляю университету (собственно слав[янский] семинар и [сторико-]ф[илологического] факультета). Я написал ректору, что не имея состояния, я прошу университет за библиотеку мою 3000 р. для передачи младшей моей дочери Анастасии. Универс[итет] в свою очередь назначил 5000 р. Я не протестовал, потому что начал покупать книги с 1860⁴ г. (когда стал студентом). По выходе из универ[ситета] и по пребывании за границей (2 г. слишком) и позже в Венеции (год слишком) я накупил очень много книг — правда за последние 50 л[ет] у меня были

⁴ Описка, должно быть 1850 г. — А.М.

большие пропажи или вернее кражи. Проехав Балк[анский] полуостров и Морею, а также Австро-Венгрию, я покупал много книг новых и старых. Первая пропаша случилась в Константинополе, в посольстве нашем. Купленные мною книги в Италии и в Греции я имел глупость послушать одного из молодых служащих в посольстве нашем в Константинополе, где я жил разумеется даром, я оставил один или два ящика книг. Через месяц или недели три по приезде в Петербург из Константинополя я написал письмо о присылке моих книг ко мне. Получил ответ, что мой ящик или ящики с книгами в посольстве не найдены. Вторая кража книг моих произошла в г. Боровичах, на реке Мсте. Я купил там два домика с садом и огородом. Несколько лет подряд, когда дети мои еще были малые (для них и купил), хотел, чтобы они познакомились и сблизились с народом. В том доме, где я устроил свою библиотеку и кабинет, я оставлял там много книг, и как-то приехав из Петерб[урга] в Боровичи на лето, я не нашел ни единственной книги.

У меня между прочим в кабинете масса книг, все полки (от пола до потолка) заняты, много книг на трех столах, на этажерке, в шкапу и на полках с пола до потолка. Есть еще в спальне моей большой шкаф, где между прочим есть дорогие редкие книги о Венеции. Я думаю, что такой коллекции книг о Венеции ни у кого нет ни в Петерб[урге], ни в Москве, ни в Киеве» [3. Ф. 35. Оп. 1. Ед.хр. 78. Л. 7–7об.].

Первая часть библиотеки Ламанского была передана университету еще в 1907 г. Можно предположить, что судьбу своей библиотеки он обсуждал значительно раньше с учениками. В одном из писем Ламанскому 6 августа 1890 г. Т.Д. Флоринский отмечал: «Фортинский в Ялте, где встретился с Бестужевым и Кареевым, между прочим узнал, что Бестужев завещает свою библиотеку Петербург[скому] университету» [3. Ф. 35. Оп. 1. Ед.хр. 1447. Л. 81об.–82]. А 17 февраля 1903 г. уже А.А. Шахматов интересовался у Ламанского: «Вольтер сообщил мне сегодня, что Вы подумываете об отчуждении Вашей библиотеки или части ее университету. Очень Вас прошу иметь в виду и нашу Библиотеку. На съезде будет предложен план обращения ее в центральную для всего слав[янского] мира библиотеку. Лишиться сокровищ Вашей библиотеки слишком для нас обидно. Нельзя ли было бы сообразить, какие из книг Вашей библиотеки не имеются у нас? Тогда легко было бы [неразб.] с университетом. Не сердитесь на меня, если переданный мне слух не верен и возник на почве какой-нибудь сплетни» [3. Ф. 35. Оп. 1. Ед.хр. 1525. Л. 31]. Два года спустя (31 мая 1905 г.) другой его ученик, Н.В. Ястребов, почти заговорщическим тоном вновь упоминает о библиотеке: «У меня есть кой-какие мысли по новому пункту Вашего завещания о библиотеке; но об этом как-нибудь потом, если позволите» [3. Ф. 35. Оп. 1. Ед.хр. 1606. Л. 165об.]. Письма учеников содержат отголоски бесед и обсуждений с учителем и явно демонстрируют, что решение об отчуждении библиотеки в пользу университета не было случайным и необдуманым.

События на историко-филологическом факультете весной 1907 г. вынудили Ламанского ускорить передачу библиотеки. Обстоятельства этих событий отчасти реконструируются из писем Н.В. Ястребова. Во многом благодаря многолетним и настойчивым усилиям Ламанского история славянских народов стала самостоятельной университетской дисциплиной. Однако с его уходом из университета ситуация изменилась, и были предприняты попытки ограничить преподавание славистики преимущественно славянской филологией. Описывая внутрифакультетские склоки, Н.В. Ястребов писал Ламанскому 9 апреля 1907 г.: «Сегодня видел П.А. [Лаврова]. Оказывается, Гревс – против истории славян (очевидно, и прошлой весной он, глав[ным] образом, и устроил эту штуку). Конечно, аргумент о строгости – смешон и пошл. Студенты, конечно, говорят и о строгости целого ряда других профессоров (довольны только Тураевым и Гримом – конечно, относительно). Но уже ли вопрос о том или другом положении научной дисциплины на факультете можно ставить в зависимости от легкости и трудности экзамена из нее. Тогда бы пришлось исключить целый ряд наук [...]

Гревс, по своему невежеству, развивал П.А. [Лаврову] свои “идеи” о том, что история славян не интересна, не имеет содержания (“только Кир[илл] и Меф[одий], Гус и еще кое что”)» [З. Оп. 1. Ед. хр. 1606. Л. 181–181 об.]. Вскоре после этого Н.В. Ястребову было отказано в выделении денежных средств на закупку литературы для семинарских занятий по истории славянства. Цель отказа была очевидна – сделать не возможным проведение занятий в виду отсутствия необходимых источников и пособий. 23 апреля 1907 г. он следующим образом описывал сложившуюся ситуацию: «Да, знаете, что еще. В субботу, оказывается по словам декана, факультет отказал дать что-нибудь на семинарий слав[янской] истории. (А Лавров почему-то говорил о – хотя бы и жалких – но все-таки 100 рублях). У факультета было 3000 р. денег; ассигновали Гревсу 1000 руб. (!); на кабинет музыки (пр[иват]-доц[енту] Калло) – 300 р., на читальню (sic!) студ[ентов] филологов – 500 р. и т.п. и хотя осталось еще 800 р., но мне ничего не дали на слав[янскую] историю: эти 800 р. – запас-де на осень, на покрытие новых возможных требований.

Декан заявил мне, чтобы я попросил Гревса, м[ожет] б[ыть], он уступит из своей тысячи что-нибудь и мне. Это – какая-то насмешка [...].

Думаю заявить в факультет, что я вынужден отказаться от объявленного мною семинария – практич[еских] занятий, так как не по чему вести их, и откладываю их до лучших времен.

Одно только неловко: несколько студентов, уже уехавших домой до осени, полагая, что занятия будут, запаслись руководствами, чтобы заняться языком (одни – польским, другие – чешским). Я перед ними окажусь в глупом положении» [З. Ф. 35. Оп. 1. Ед.хр. 1606. Л. 181–182об.]. Шесть дней спустя Ястребов вновь писал Ламанскому: «Сегодня мне удалось кое-что “выклянчить” у Гревса из его 1000 р. на семин[ар] слав[янской] истории; пока он дает только 100 р.; м[ожет] б[ыть], удастся и еще что-нибудь “выбить” из него» [З. Ф. 35. Оп. 1. Ед.хр. 1606. Л. 184]. Все это не только ставило Ястребова в зависимое положение просителя, но и наглядно демонстрировало дисциплинарные предпочтения руководства историко-филологического факультета. Отчасти славяноведческие дисциплины (Ястребов преподавал в 1907 г. следующие курсы: «Введение в славяноведение», «История славянских стран», «Чешский язык» и «Практические занятия по чтению и разбору славянских текстов») стали заложниками «партийной» борьбы внутри историко-филологического факультета. Уже отошедший от дел Ламанский и его ученики ассоциировались с А.С. Лаппо-Данилевским, который не только поддержал избрание Ламанского в Академию наук, но и оказывал помощь из средств Академии его ученикам, в том числе, например, Н.В. Ястребову, испытывавшему материальную нужду во время заграничной командировки (1899–1901). Бывший декан факультета С.Ф. Платонов возглавлял противоположную «партию». (Стоит заметить, что Платонов был избран в Академию наук только после смерти Лаппо-Данилевского, в то время как сам академик Лаппо-Данилевский лишь в конце жизни стал «сверхштатным» профессором университета, в течение предыдущих двадцати лет работая в должности приват-доцента.) Этим «партийным» противостоянием, возможно, и объясняется несколько сатирический отзыв о Ламанском в мемуарах Платонова.

Желая сохранить «славянский семинарий», Ламанский решил незамедлительно передать часть своей библиотеки университету, полагая, что отказаться от пожертвования «заслуженного профессора» университет не решится. В том же письме (29 апреля 1907 г.) Н.В. Ястребов продолжал ранее начатый разговор: «Вчера не удалось, как следует, поговорить о Вашем пожертвовании библиотеки.

Мне думается следующее. Обязательно следует оформить это на наступающей неделе в виде заявления от Вас (после переговора Лаврова с унив[ерситет]скими властями); тогда уже унив[ерсите]т обязательно выполнит все, что Вы пожелаете, не будет места неясностям и недоразумениям в последствии [...].

Следовал бы Вам заявить о пожертвовании книг именно в семинарий слав[янской] истории (а не филологии: 1) ведь бо́льшая часть книг у Вас по истории; 2) семин[ар] слав[янской] филологии соединен с семинарием русск[ого]

языка и литературы; 3) студ[ен]ты-словесники (и слависты в том числе истории славян не слушают); конечно, могли бы ими пользоваться и слависты-языковеды и словесники. Это помогло бы разрешению (прямо — решило бы) и вопрос об устройстве практич[еских] занятий по предмету, который я преподаю).

Потом, нужно бы высказать пожелание об отведе[нии] для этого семинария (event. библиотеки) особого помещения (комнат), о приведении в порядок (каталогизации) книг, об устройстве шкапов (ведь, может случиться — по-русски, что свалят в кучу), о назначении — что важно особенно — постоянной суммы на пополнение собрания. Все это следовало бы оговорить уже и относительно той части книг, которую Вы отдаете осенью (после того, как по Вашем отъезде мы с П.А. Лавровым разберем Ваши ящики)». На отбор книг потребовалось около месяца и уже 24 мая 1907 г. Н.В. Ястребов писал Ламанскому: «Библиотеку, т. е. ящики из кладовой, перевезли в унив[ерсите]т на 2 ломовых извозчиках» [3. Ф. 35. Оп. 1. Ед.хр. 1606. Л. 186].

Хлопоты Ястребова и Ламанского увенчались успехом: был не только сохранен «семинарий по славянской истории», но и оборудован отдельный кабинет, в котором разместились книги из библиотеки Ламанского. 21 октября 1907 г. Ястребов направил своему учителю письмо:

«Дорогой Владимир Иванович!

Спешу поделиться с Вами приятной новостью. Вчера в факультете было решено учредить ряд семинариев, в том числе и [...] слав[янский] семинарий. Для него будет отведена половина статистич[еского] кабинета (другая полов[ина] для семинария по всеобщей истории). На приобретение книг ассигновано ежегодно 500 р. и 150 р. на студента-библиотекаря. Теперь нам с П.А. Лавровым нужно выработать план оборудования — т.е. столы, шкафы и т. п. Так как для переделки нужно время, то дело осуществится только с января. Значит, на святках можно будет разобрать Ваши 14 ящиков, увезенных весной.

В факультете Соболевский пытался [...] “подложить свинью”, заявив, что он считает “преждевременным” устройство слав[янского] семинария. (Еще предложил пригласить для препод[авания] истории славян Будиловича, но это тоже не прошло).

Еще одно. Гревс снова требовал, чтобы из Ваших книг были отобраны книги по истории гер[ман]-роман[ской] Европы и отданы в библиотеку его семинария. Лавров ему снова, как весной, указал ему на неудобство нарушения воли жертвователя, на необходимость сохранить библиотеку целиком. Он указывал и на то, что эти книги нужны будут для историков-славистов, и что никто, ведь, не будет мешать тому, чтобы книги давались для пользования и в его семинарии, едва нужно будет.

Ведь, какой бестактный человек: весной ему все это указывалось. Во избежание повторений этих посягательств хорошо было бы написать Вам декану, что Вы просите сохранить все Ваши книги в одном, славянском, семинарии, что кончено, не исключает пользования ими и для друг[их] семинариев» [3. Ф. 35. Оп. 1. Ед.хр. 1606. Л. 187–188].

Оставшаяся часть библиотеки Ламанского, насчитывающая более десяти тысяч томов, была передана университету после его смерти, «с условием выплаты дочери покойного академика некоторую сумму». Университет выплатил дочери Ламанского Ольге Владимировне Покровской 5000 рублей из «министерских сумм». В связи с этими расходами правление университета обратилось в Министерство народного просвещения с ходатайством об отпуске 4000 рублей, поскольку «библиотека В.И. Ламанского представляет редкую ценность, содержит всю литературу по славяноведению» [15. 1 X. С. 5]. Министр народного просвещения гр. П.Н. Игнатьев выразил согласие возместить университету полную стоимость библиотеки [15. 5 IX. С. 5].

В 1909 г. Ламанский по мере сил способствовал положительному решению вопроса об открытии новой вакансии по славянской истории в дополнение к уже существовавшей профессуре по славянской филологии. Предложение о новой кафедре поддержали П.А. Лавров, А.А. Шахматов, Н.И. Кареев

и И.М. Гревс. Н.В. Ястребов полагал, что просьбе Ламанского не сможет отказать и И.А. Бодуэн де Куртене. Об этом он писал своему учителю 13 октября 1909 г.: «Не сбылись Ваши ожидания относительно Бодузена (Ив[ана] Александр[овича]), который отказал П.А. Л[авро]ву в подписи, развивая свою нелепую мысль о том, что нет никакой “истории славян” [...]».

Было бы хорошо, если бы Вы написали ему письмо с просьбой о подписи: я думаю он, вспомнив, что обязан своей петербургской профессурой Вам, исполнит Вашу просьбу, [...] сохраняя свои “идеи”! Его адрес: В.О., Кадетская линия, д. 9» [З. Ф. 35. Оп. 1. Ед.хр. 1606. Л. 208об.—209].

Однако не книги и статьи, не успехи в изучении славянской истории и литературы, по мнению Ламанского, составляли главное дело его жизни. Главным своим достижением он считал учеников. «Для профессоров и университетской культуры в целом, — замечает Е.А. Ростовцев, — связь “учитель — ученик” имела и глубоко личный смысл. Сквозь призму учительства и ученичества не только мыслилась история науки и корпорации, но и свое место в ней» [7. С. 328]. Ламанский выработал собственную методологию исследования и манеру преподавания, которая, как он предполагал, помогает избежать поверхностной популярности и привлекает по настоящему заинтересованных студентов [16. С. 67–68]. Философско-методологическую основу учения Ламанского составило славянофильство [17. С. 93–98]. К концу 1870-х годов сформировалась научная школа Ламанского, к которой принадлежали три десятка его учеников, занимавшие до революции кафедры славяноведения в России [18. С. 378–431; 19. С. 82–96]. В одном из писем И.С. Аксакову он признавался в 1877 г.: «Я вообще нетерпелив и как университетский преподаватель чувствую слабость к хорошим дарованиям и не всегда сдержан с тупицами» [З. Ф. 35. Оп. 1. Ед.хр. 1. Л. 107об.]. В другом же письме своему московскому корреспонденту Ламанский замечал: «Есть великое наслаждение в нашей профессорской, обыкновенно довольно горькой, доле. Имеешь возможность следить и подмечать выходы новых сил. Есть бездна дряни между университетской молодежи, но зато постоянно попадаются и отличные, здоровеннейшие силы. Сравнивая их с нашими, бывало, юношескими, замечаешь без всякого преувеличения огромный успех русской мысли, сознания, образованности» [З. Ф. 35. Оп. 1. Ед.хр. 1. Л. 125об.—126]. 24 сентября 1879 г. он вновь писал И.С. Аксакову о своих планах и учениках: «Я работаю по возможности много над славистикой и мечтаю, и Бог даст, если еще проживу и останусь в университете, успею образовать целую группу, если не школу славистов, которые, надо надеяться, оставят след в литературе и будут несравненно производительнее и счастливее меня. Я не умею действовать на публику, не умею себя сдерживать и ограничивать, распоряжаться временем и справляться с своими планами и силами. Я привязываюсь к моим хорошим ученикам и боюсь и мучусь за них часто может быть больше, чем они сами. Славянство, Русь страдали от незнания и непонимания своего положения, своих судеб. Всякий, кто по мере своих скромных сил честно трудится над разъяснением нашего прошлого и настоящего, имеет право на известное уважение русских и славянских образованных людей» [З. Ф. 35. Оп. 1. Ед.хр. 1. Л. 142об.]. К «школе Ламанского» принадлежали Ю.С. Анненков, В.Э. Регель, П.А. Сырку, И.С. Пальмов, Ф.И. Успенский, Ф.Ф. Зигель, А.С. Будилович, Р.Ф. Брандт, И.И. Соколов, М.И. Соколов, К.Я. Грот, Т.Д. Флоринский, Н.В. Ястребов, А.Л. Петров, Г.М. Князев, Ф.М. Истомин, и др. К ученикам Владимира Ивановича относил себя и его зять В.П. Семенов-Тянь-Шанский. В письмах Ламанский изредка давал характеристики своим ученикам. Например, перед И.С. Аксаковым выделял «моего молодца Флоринского» [З. Ф. 35. Оп. 1. Ед.хр. 1. Л. 163]. «Флор[инский] будет и подаровитее и пороигинальнее Грота. Сообщи Вам маленький же отзыв и о Флоринском. Не знаю, люди говорят, что у меня есть школа. Очень рад, если это правда», — не без оправданной гордости признавал он [З. Ф. 65. Оп. 1. Ед.хр. 1. Л. 163–163об.].

Письма учеников раскрывают, насколько жизненно и духовно близок был Ламанский к своим ученикам. Они поверяли его в свои личные переживания,

сообщали о семейных и даже сердечных делах, благодарили за хлопоты по добытию пособий, стипендий, высылке гонораров, рассказывали о своих занятиях, поездках, встречах, делились впечатлениями о новых знакомствах и прочитанных книгах, спрашивали советов и просили быть шафером на свадьбе (как, например, А.С. Будилович). Ламанский присылал свои деньги ученикам, находящимся в тяжелом материальном положении в заграничной командировке из-за задержки министерских выплат, хотя сам не имел никаких материальных излишков, искал ученикам возможности для дополнительного заработка и постоянную работу. При этом он, конечно, оставался в первую очередь учителем: давал рекомендации по тематике диссертаций, указания по необходимой литературе и т.п. Ученики просили Ламанского за своих родственников (братьев и сестер) и он, по возможности, помогал им: всячески поддерживал в Петербурге, хлопотал перед университетским начальством, перед министром, П.А. Столыпиным, обращался за поддержкой к А.С. Суворину, добивался освобождения братьев своих учеников, арестованных за участие в революционных выступлениях и т.д. Привлекал для этого свои знакомства в Академии генерального штаба и среди влиятельных чиновников. В ряде случаев речь шла не об учениках или их родственниках, но о практически незнакомых людях. Так, например, в 1907 г. Ламанский обратился к П.А. Столыпину с просьбой об освобождении под залог до суда бывшей курсистки и сестры милосердия в Манчжурии во время войны Эскиной, обвиненной в революционной пропаганде в войсках. Достаточным основанием Ламанскому для прошения послужило то, что Эскина была подругой уже к тому времени покойной сестры его ученика Н.В. Ястребова.

Философские увлечения Ламанского, его последовательное славянофильство задавали широкий взгляд на проблемы славянской истории и литературы, позволяли преодолеть крохоборство кабинетной работы и выработать целостный взгляд на предмет. По словам К.Я. Грота, «чрезмерной и бездушной специализации и буквредству он не мог сочувствовать» [4. С. 19]. Одни лишь лингвистические штудии и источниковедческие занятия едва ли могли создать школу. Для научной школы нужны общие теоретические, методологические и философские установки. Именно масштабность восприятия славянства, цивилизационный подход к истории и культуре восточноевропейских народов, обосновываемый Ламанским, привлекал к нему учеников. Один из первых его учеников А.С. Будилович писал Ламанскому в Венецию 14–16 декабря 1868 г.: «Мне не хочется верить и никто меня в этом не убедит, что истинное призвание Влад. Ламанского состоит в том, чтобы написать 15 томов наиученейшего сочинения об отношениях Далмации к Венеции [...]. Я даже имею странность думать, что деятельность напр[имер] Кояловича – публицистическая – гораздо важнее его истории униатов, и что ваши брошюры – важнее вашей диссертации [...]. Каждому свое: кто для архива, кто для трибуны. Я бы считал большой [неразб.] для славян, если бы напр. Гильфердинг сделался специальнейшим, величайшим славянским археологом, палеографом, филологом и т. д. Пускай Куник будет нумизматом, но пусть Самарин не пишет более рассуждений о Феофане Прок[оповиче]». И далее А.С. Будилович продолжал: «Славянский ученый долго еще будет обречен на труд чернорабочего: издание материалов, критическое их изучение, прагматическое воспроизведение фактов – и тогда уже откроется поле для деятельности архитекторской – философа» [3. Ф. 35. Оп. 1. Ед.хр. 267. Л. 18–18об.]. Для славистики наступает время философских обобщений. А.С. Будилович предостерегал Ламанского от «пострижения в ученые монахи» и призывал его к философскому осмыслению судеб славянства. Ламанский сполна реализовал пожелание своего первого ученика. «Он не только до мелочей анализировал добытые им научные материалы и делал на основании их важные специальные открытия, – отмечал К.Я. Грот, – но он умел обнаружить в мертвых на вид памятниках голос минувшей жизни и ее духа, сближал отдаленное прошедшее с настоящим и своим замечательным творческим даром создавал смелые глубокомысленные построения, открывал широкие заманчивые ис-

торические перспективы, к изучению которых он увлекал своих молодых учеников и последователей» [4. С. 14]. Перед учениками, занятыми частными изысканиями и работой над источниками, он открывал «заманчивые перспективы важных общих выводов и широкого исторического синтеза» [4. С. 18]. Грандиозность задачи не редко приводила к тому, что работы самого Ламанского оставались неоконченными, но именно на пути к такому теоретическому синтезу он и написал свои лучшие славистические исследования.

Ученики ценили у Ламанского прежде всего общий (философский) взгляд на славянство. Далеко не все из них продолжили его теоретические изыскания. Скорее даже наоборот, большинство его учеников стали высоко профессиональными исследователями и педагогами, но не предложили ничего равного Ламанскому в философии. Однако без славянофильской философии не было бы «школы Ламанского». В юбилейный для Ламанского 1883 г. его ученик Ф.Ф. Зигель писал из Варшавы: «Ваши ученики желали поблагодарить Вас за Ваше, можно сказать, отеческое к ним отношение; мы все вполне осознаем, что мы обязаны Вам надлежащим пониманием отношений романо-германской цивилизации к славянству. Действительно только у Вас одних можно найти ясную постановку вопроса о признаках обеих цивилизаций. Все Ваши предшественники, включая сюда и Хомякова, довольствовались каким-то мистическим отношением к славянству, а о православии употребляли туманные выражения вроде “высота просветительных начал православия” и не думая заняться анализом этой высоты» (цит. по [20. С. 140]). В этом же письме Ф.Ф. Зигель напоминал Ламанскому о задумке написать об этом книгу. Такая книга появилась в 1892 г. — «Три мира азийско-европейского материка».

С годами именно думы об учениках согревали экзистенциальное одиночество Ламанского. Дети выросли, 1898 г. от рака груди умерла жена, ушли из жизни многочисленные братья. Старик Ламанский искал отраду в учениках. Тоской наполнено одно из его поздних (вероятно, 1911 г.) писем к византинисту Ф.И. Успенскому, возглавлявшему Русский археологический институт в Константинополе:

«Многоуважаемый, добрый и милый Федор Иванович.

В последнее время приводил я в порядок все сохраняемые мною письма ко мне (с 1864 г. и даже и ранее) от моей матушки, отца и братьев моих и от единой сестры — братья (8 чел[овек] и 1 сестра) все померли — большая часть даже давно. Я, пятый, пережил всех — старших и младших. Сестра (73 л.) еще бодрится, но уже вдова и бездетная. Я с нею часто вижусь и постоянно вспоминаем нашу семью — отца, матушку и семь братьев. Я пятый, она шестая, уже вдова Полонова, младшего брата, сенатора; и может быть старшего — археолога может быть Вы видали его у меня или у Срезневского.

Все мои университетские товарищи уже померли: Васильевский, Минаев, Владиславлев, из других факультетов — Чебышев, Менделеев и проч. и проч.

Померли и близкие друзья — слушатели мои — Будилович, Соколов.

Видаюсь чаще с Ястребовым и Пальмовым. Флоринский, Петров и Вы — далече [...]. Петров очень редко показывается, хотя живет в Петербурге. С 26 июня 1911 г. мне прошел уже 78-й год. в последнее время Вы уже перестали показываться в Петербурге. Все в прошлую зиму и прошлую весну ждал я Вас и улы обманулся. Правда соскучился и решил, наконец, написать Вам и попросить Вас дать мне о себе добрую весточку о том, как Вы поживаете, что поделываете, как себя чувствуете.

Надеюсь, милый Федор Иванович, не откажитесь написать мне о Вашем житьи-бытьи, о Ваших работах и занятиях, о знакомых с греками, славянами и западными европейцами. Умер милый, добрый и большой любитель России и, что особенно печально любитель русской водки; он ее себе выписывали и употреблял не в меру» [3. Ф. 65. Оп. 1. Ед.хр. 75. Л. 3—Зоб.].

Ф.И. Успенский, по свидетельству В.П. Семенова-Тян-Шанского, на похоронах Ламанского «произнес весьма прочувствованное надгробное слово» [21.

С. 620]. 9 апреля 1915 г. он выступил с докладом, посвященным Ламанскому, в Историческом обществе при Императорском Петроградском университете. «Правда, он не обладал лекторскими качествами, — вспоминал Ф.И. Успенский о занятиях у Ламанского в 1867 г., — от него не слышали мы захватывающих фраз и слов, но он сообщал мысли, дававшие материал для размышления. Те из нас, у кого была способность вдумываться в исторические факты и отдавать себе отчет в современных общественных вопросах, не могли относиться безразлично к его чтениям по славянской истории, вынося из них обильную пищу для выработки самосознания. Он первый побуждал нас останавливаться на словах и терминах, хотя и часто употребительных, но недостаточно каждым продуманных, и наводил мысль на новые понятия, из которых создается мировоззрение. В этом отношении лекции доцента Ламанского подготавливали нас к сознательному отношению к окружающей действительности и делали нас способными отличать реальное от кажущегося, ценное от мишурного и поддельного» [22. С. 94]. Воспоминания Ф.И. Успенского корректирует известный мемуар С.Ф. Платонова, рисуящий несколько карикатурный образ Ламанского [23. С. 109]. По свидетельству К.Я. Грота, он умел сделать предмет славяноведения «необыкновенно интересным и привлекательным» [4. С. 18]. Учеников привлекали и личные качества профессора, «присущий ему дар духовного, идейного влияния на умы и сердца» [4. С. 19], доступность и простота в общении. Ламанский обращался к ученикам как к равным, что поднимало самооценку молодых людей и стимулировало дальнейшую самостоятельную работу. Он позволял ученикам, чувствующим себя в кабинете учителя как дома, пользоваться своей библиотекой, и нередко был вынужден, не найдя книгу у себя, выписывать ее из университетской библиотеки. Доброта и сердечная участливость Ламанского проявлялась также в том, что и после окончания университета он сохранял «постоянно к своим ученикам близкое и дружеское, почти родственное отношение» [4. С. 16]. Заметную роль в становлении «школы Ламанского» сыграли вечерние собрания по субботам на его квартире (особенно последней квартире (ул. Звенигородская, 32, кв. 1), в которой он жил с 1890 г.), где встречались его студенты, университетские преподаватели и ученые (В.Г. Васильевский, И.П. Минаев, В.Р. Розен, Л.Н. Майков, Н.Н. Страхов, А.И. Соболевский, братья Карпинские, Семеновы-Тянь-Шанские, А.И. Воейков, Ф.И. Успенский, С.Ф. Платонов, Ф.Д. Батушков и др.), приезжавшие в Петербург славянские деятели и ученые (Т. Масарик, П. Каравелов, Д. Цанков, Н. Пашич, К. Крамаж и др.), литераторы (А.Н. Майков, Ф.М. Достоевский и др.). Устраивались музыкальные вечера, в которых активное участие принимала молодежь, друзья его сына Владимира и пасынка Н.М. Штруппа, многие из которых впоследствии стали университетскими профессорами и академиками (А.Е. Пресняков, С.А. Адрианов, М.А. Полиевктов, В.А. Голован, И.И. Лапшин, В.Н. Перетц, А.Д. Погодин, Г.Ф. Церетели, Е.Ф. Тураева-Церетели, А.Я. Полонский и др.). Красочное описание этих вечеров приводит В.П. Семенов-Тянь-Шанский [21. С. 265–270].

Идейные разногласия не были препятствием для позитивной оценки Ламанского. Так, в мае 1891 г., т.е. вскоре после начала преподавания на историко-филологическом факультете, А.С. Лаппо-Данилевский писал М.А. Дьяконову, что «на нашем факультете из старых профессоров — Ламанский — человек хороший и стойкий. Васильевский тоже симпатичен кое в чем. С остальными не хочется иметь дела» (цит. по [24. С. 61]). Можно заметить, что Лаппо-Данилевский положительно отзывался не только о личности Ламанского, но и о его ученых трудах, хотя и не разделял его славянофильских взглядов. Первой публикацией Лаппо-Данилевского стала рецензия на «Государственные секреты Венеции», а в 1900 г. он первым приехал поздравить Ламанского сразу же после голосования в Академии наук, избравшей его в ординарные академики.

Ламанский не был строгим профессором, отличаясь в преподавании и на экзаменах либерализмом. «По воспоминаниям П.Г. Васенко, сдававшего государственный экзамен по истории славян в 1897 г., профессор В.И. Ламанский не только заранее договорился со студентами исторического отделения о том,

на какие вопросы они будут отвечать на экзамене, но и, что уже выглядело анекдотично, подсказывал по буквам фамилии забытых персонажей» [7. С. 267–268]. Из сохранившихся бумаг Ламанского видно, что, как правило, он читал 5–6 лекций в неделю, вместо шестичасовой нормы, что порой вызывало недовольство со стороны Министерства народного просвещения [7. С. 437].

Ламанский не оставил крупных работ по славистике, не подготовил обобщающего труда по истории или языку какого-либо из славянских народов, не составил словарь и т.п. Его славистические исследования представлены в основном статьями или циклами статей, далеко не все из которых были закончены. Не были подготовлены к печати и многочисленные курсы лекций, которые Ламанский читал в Петербургском университете. Изданные студентами литографским способом, они доступны лишь узкому кругу специалистов. Около столетия работы Ламанского не переиздавались. Главным его достижением в славяноведении надо считать его учеников, составивших научную школу и фактическое становление истории славян в качестве самостоятельной научной дисциплины. Сам ученый прежде всего гордился тем, что смог создать свое направление в славистике, которое, пожалуй, можно назвать цивилизационным. Для Ламанского был характерен обобщающий, философский взгляд на историю, язык и культуру славянских народов. Он ставил перед собой задачу историософского синтеза судеб славянства. Отчасти это отвращало его от мелочных филологических, историографических, текстологических, лексикографических и подобных исследований, которые бы закрепили его значение как ученого. Однако именно цивилизационный подход способствовал выработке теоретико-методологических установок, необходимых для формирования научной школы. Правда, мало кто из его учеников поднялся на тот же уровень обобщений, что и их учитель, а младшее поколение его учеников и вовсе отказалось от славянофильской точки зрения в науке и политике [20. С. 143]. По словам О.В. Саприкиной, Ламанский, «как человек толерантного сознания прививал студентам интерес к славянству, не ставил им жестких канонических требований. В результате многие ученики Ламанского сумели преодолеть методологические позиции учителя и стали работать в рамках позитивизма. Основой школы Ламанского стало строго научное отношение к источникам, свобода их интерпретации. Исследователь сумел развить в учениках методологическую культуру, ставшую основой их дальнейшей работы в разных теоретических полях и в широком спектре отраслей славистики» [25. С. 18]. К сожалению, «школа Ламанского» просуществовала недолго. В советской историографии он был причислен к сторонникам «воинствующего национализма» [26. С. 45] и «великодержавной шовинистической идеологии» [27. С. 224].

Основные монографии ученого — магистерскую и докторскую диссертации, а также «Три мира Азийско-европейского материка», — лишь отчасти можно отнести к славистике. Сам Ламанский считал их исследованиями, скорее, историческими и политико-географическими. «Оставленные им труды [...], — отмечал в некрологе А.А. Шахматов, — не могут быть строго разграничены по их содержанию на чисто научные и чисто политические. Выступая с трактатами публицистическими, отзываясь на события дня, В.И. Ламанский подчинял свою политическую идеологию своим научно-историческим построениям; научно-исторические исследования В.И. Ламанского в сильной степени отражают на себе его политическое мировоззрение. Но все его трактаты и исследования проникнуты деятельною любовью к родине и беззаветным стремлением к ее благу» [28. С. 1351]. Открыто проповедуемое славянофильство сказывалось в историософских интерпретациях и философских обобщениях. В них реализовался в большей степени политический или даже философский тип мышления, а не филологический. Не случайно с дальнейшим развитием славяноведения значение Ламанского как слависта падало, а его значимость как политического мыслителя и философа славянофильского направления будет расти по мере расширения историко-философских исследований в России. По словам А.А. Шахматова, «Менее всего он был отвлеченным мыслителем или далеким от жизни моралистом. В нем тесно сживались интересы ученого

и публициста, но прежде всего это был страстный патриот. Во всей его деятельности перед ним превозносится один единственный кумир, дорогой, нерукотворный — это его родина, обожаемая им Россия. Он тщательно оберегает ее интересы в настоящем и будущем, он ревниво говорит о них и в прошедшем. Ему ясно, что даже личного счастья и благополучия нельзя отделять от величия и благосостояния народа и отечества; для достижения того и другого требуется развитие самосознания» [28. С. 1345].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Протоколы заседаний Совета С.-Петербургского университета за вторую половину 1870—1871 академического года с приложениями. № 4. СПб., 1871.
2. Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за вторую половину 1873—1874 академического года с приложениями. № 8. СПб., 1874.
3. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 35.
4. *Грот К.Я.* Владимир Иванович Ламанский. Пг., 1915.
5. Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за первую половину 1885—1886 академического года. № 33. СПб., 1886.
6. Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН.
7. *Ростовцев Е.А.* Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX — начало XX в.). М., 2017.
8. *Ростовцев Е.А., Сдорчук И.В.* Кафедра философии Петербургского университета (1819—1917): Коллективный портрет // Философские науки. 2016. № 3.
9. *Ламанский В.И.* Заметка. 1867. Петербург // Документы к истории славяноведения в России (1850—1912). М.; Л., 1948.
10. *Троицкий С.А.* Славянофильство и изучение народной культуры в России // Вече. 2016. № 28.
11. *Куприянов В.А.* Структура Европы в философско-историческом учении В.И. Ламанского // Вече. 2016. № 28.
12. *Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое. Л., 1990.
13. *Малинов А.В.* Из переписки двух историков (к публикации писем Н.И. Кареева В.И. Ламанскому) // Клио. Журнал для ученых. 2012. № 10 (70).
14. *Ламанский В.И.* Славянское житие Св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение и как исторический источник. Критические заметки. Пг., 1915.
15. Речь. 1915.
16. *Малинов А.В.* Политическое славяноведение В.И. Ламанского // Клио. 2016. № 8 (116).
17. *Робинсон М.А.* Методологические вопросы в трудах русских славяноведов конца XIX — начала XX в. (В.И. Ламанский, П.А. Кулаковский, К.Я. Грот) // Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1986.
18. *Лаптева М.П.* История славяноведения в России в XIX в. М., 2005.
19. *Лаптева М.П.* Владимир Иванович Ламанский (1833—1914) и его ученики (к 100-летию со дня смерти учителя) // Славяноведение. 2014. № 6.
20. *Робинсон М.А.* В.И. Ламанский, его взгляды на развитие славяноведения, мнения о не учеников и коллег // Славянский альманах 2013. М., 2014.
21. *Семенов-Тянь-Шанский В.П.* То, что прошло. В двух томах. Том первый 1870—1917. М., 2009.
22. *Успенский Ф.И.* Воспоминания о Владимире Ивановиче Ламанском // Кодекс info. 2006. № 7/8.
23. *Платонов С.Ф.* Несколько воспоминаний о студенческих годах // Дела и дни. Исторический журнал. 1921. Кн. вторая. Пг., 1921.
24. *Ростовцев Е.А.* А. С. Лапо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004.
25. *Саприкина О.В.* Академик В.И. Ламанский (1833—1914): научное наследие и общественная деятельность. Автореф. дис. ... канд. ист. н. М., 2004.
26. *Пичета В.К.* истории славяноведения в СССР // Историк-марксист. 1941. Кн. 3.
27. *Пичета В.И., Шустер У.А.* Славяноведение в СССР за 25 лет // Двадцать пять лет исторической науки в СССР. М.; Л., 1943.
28. *Шахматов А.А.* Владимир Иванович Ламанский. Некролог (Читан в заседании Общего Собрания 29 ноября 1914 г. академиком А.А. Шахматовым) // Известия Императорской Академии Наук. 1914.

1000 лет вместе: ключевые моменты истории России и Греции.
Сб. статей. М., 2018. 440 с. Илл.

DOI: 10.31857/S0869544X0003678-8

В 2018 г. Институтом славяноведения РАН был выпущен сборник статей «1000 лет вместе: ключевые моменты истории России и Греции», подготовленный по итогам одноименной международной научной конференции, которая состоялась 19–20 сентября 2016 г. Организатором конференции стал Институт славяноведения РАН совместно с Греческим культурным центром в Москве.

Открывает книгу «Слово к читателю», подчеркивающее важность конференции, приуроченной к перекрестному году культуры России и Греции. Ее участниками стали ведущие ученые-эллинисты, дипломаты и общественные деятели из России, Греции и других стран, которые единодушно отмечали значимость исследования российско-греческих отношений, длящихся уже более тысячи лет и на протяжении всего этого периода проникнутых взаимным уважением и дружбой.

В сборник включено 29 статей, тематически разбитых на три раздела: «Россия и греческий мир сквозь века», «Греки в истории, литературе и культуре России XVI–XXI вв.», «Российско-греческие отношения в XIX–XXI вв.». Структура сборника призвана способствовать решению главной задачи его составителей – показать основные этапы тысячелетней истории развития российско-греческих отношений, а также выявить ключевые моменты и события, определившие характер этих отношений.

Открывает первый раздел статья А.А. Улуяна «1000 лет: между “византино-славянской” и “эллино-российской”», посвященная особенностям государственно-имперской традиции Византии и византийской

идентичности. В статье показана трансформация византийской идейно-политической концепции с течением времени, а также ее влияние на отношение Российской империи к национально-освободительной борьбе греков и постепенное ее растворение в новых реалиях XIX в. Статья М.В. Бибикова «Византийская традиция греко-русского православия: единство сквозь века» рассматривает отношения Византии и Древней Руси в контексте постепенной христианизации последней. Автором представлена история создания образа «христианнейшего народа Рос», складывающегося из византийских традиций, символов власти и святости, на фоне заката и падения Византийской империи. Широкая – и хронологически, и тематически – проблематика статей позволяет авторам выявить общие закономерности развития отношений между двумя государствами на протяжении нескольких столетий и подчеркивает влияние Византийской империи на формирование русской идентичности и государственности.

В разделе «Греки в истории, литературе и культуре России XVI–XXI вв.» представлены биографии и истории семей греков, служивших России и добившихся признания – переводчика Ивана Дмитриева Селунского с сыновьями (статья Т.А. Опариной), знаменитых братьев Лихудов (статья А.П. Богданова), венецианского грека маркиза Пано Маруцци (статья Т.М. Фадеевой), писателя и дипломата А. Палладоклиса (статья Г.Л. Арша), инженера М. Ласкари, обеспечившего доставку в Санкт-Петербург камня для памятника Петру I – Медного всадника (статья Ю.Д. Пряхина), участника Архипелагской

экспедиции А.К. Псаро (статья И.М. Захаровой), российского дипломатического агента в Каире И.М. Лекса (статья О.Е. Петруниной), морской династии Алексиано-Сарандинаки (статья Е.П. Высоцкой), семьи Ипсиланти (статья Т. Малкидиса) и многих других. Помимо собственно жизнеописаний, безусловно заслуживающих пристального внимания в силу важности деталей, в статьях воссоздается портрет эпохи, исторический контекст, столь важный для понимания характера и сути русско-греческих отношений.

Третий раздел сборника посвящен советско-греческим отношениям и отношениям России и Греции после распада СССР. В статьях отражены некоторые проблемы взаимоотношений двух стран в этот период: восстановление дипломатических отношений между СССР и Грецией в 1924 г. (статья Е.С. Скворцовой); взаимоотношения с Югославией и статус Македонии (статья А. Животича); послевоенное урегулирование и раздел сфер влияния между СССР и странами Запада и место Греции в этом процессе (статья А.А. Калинина); советско-греческие отношения после падения режима «черных полковников» (статья Т.В. Никитиной). В статьях Ю.Д. Квашнина и К.В. Власовой рассматриваются, соответственно, российско-греческие отношения в XXI в. и проблемы Греции в условиях современного миграционного кризиса в ЕС.

Авторы статей биографического характера справедливо отмечают, что греки, состоявшие на российской службе, всегда пытались внести посильный вклад в дело освобождения Греции от власти Османской империи. Этот вклад выражался в сохранении и распространении греческой культуры и языка (А. Палладоклис), материальной помощи угнетенным грекам (Пано Маруцци), участии в Архипелагской экспедиции, ставшей своего рода «предвестником» освобождения Греции от власти Порты (семья Алексиано-Сарандинаки), даже в каперской деятельности служивших в российском флоте моряков-греков, наносившей туркам немалый урон (А.К. Псаро). Здесь проявляется и традиционный для греков поиск опоры и поддержки в России, единоверческой — и великой — державе. Надо отметить, что эти настроения соответствовали внешнеполитическим интересам Российской империи,

стремящейся любыми способами ослабить Османскую империю.

Покровительство русских грекам — важный аспект отношений этих двух народов. Приезжавшие в Россию именитые греки имели возможность построить блестящую карьеру при дворе русских правителей, их образованность и знание иностранных языков вызвали глубокое уважение в России (достаточно вспомнить братьев Лихудов). Начиная с похода Д.Н. Сенявина (1805—1807 гг.), Российская империя играла заметную роль в борьбе Греции за независимость. Генерал русской армии Александр Ипсиланти организовал в 1821 г. восстание в Дунайских княжествах, ставшее «спусковым крючком» греческой революции. Министр иностранных дел России Иоанн Каподистрия стал первым правителем независимой Греции. Российские консульства на подвластных Османской империи территориях покровительствовали и в случае необходимости брали под свою защиту представителей греческого населения.

Затронув тему греко-русских отношений во второй половине XIX — начале XX вв., нельзя не упомянуть представительницу русской императорской фамилии — греческую королеву Ольгу Константиновну, покровительницу русских моряков, некоторые моменты биографии которой освещены в статьях О.В. Соколовой и А.Н. Журавской. В них представлен несколько идеализированный образ Ольги Константиновны-благотворительницы, при этом отсутствует ее политический портрет. Необходимо, однако, отметить, что авторы не ставили перед собой подобных задач.

Еще один сюжет, к которому неоднократно обращаются на страницах сборника, — греки в Крыму. В статье М.Х. Тезиевой «Еще раз к вопросу о языке тавров» отмечается, что греки оставили глубокий след в судьбах народов Крыма и Кавказа. Другие авторы сборника посвятили свои статьи частным проблемам жизни греков в Крыму, например, истории Балаклавского Греческого пехотного батальона (статьи С.А. Пинчука-Галани и А.Ю. Донского), участия греков в севастопольском городском управлении (статья Н.М. Терещук) и др. Жизни и проблемам крымских греков при советской власти посвящена статья М.И. Росиенко.

В статьях О.Е. Петруниной и А.Г. Зоитакиса на различном материале рассмотрена тема консолидирующей и активной роли Церкви в трудные для Греции времена. Так, Русский монастырь на Афоне в период греческой революции 1821 г. стал одним из центров антитурецкого восстания в Македонии. Спустя более века, в период Второй мировой войны, греческое духовенство внесло свой вклад в дело освобождения страны от нацистов, оказывая помощь движению Сопротивления и партизанам и укрывая евреев, объединяя греческий народ в стремлении избавиться от власти оккупантов.

Актуальность каждого из обозначенных вопросов не вызывает сомнений, однако сборнику не хватает комплексного охвата рассматриваемого периода и переломных моментов истории Греции. Такая задача, вероятно, не стояла перед составителями рецензируемого труда. В этой связи было бы логичным предложить создание коллективной работы, основывающейся на принципах, заложенных в данном сборнике, и прослеживающей пути развития российско-греческих отношений на протяжении тысячелетия. Оставшиеся по объективным причинам за рамками представленных материалов проблемы стали бы предметом исследования, которое дало бы возможность для комплексного понимания особенностей развития русско-греческих отношений.

Подобные пробелы во многом объясняются локальностью тем некоторых статей, что никак не умаляет их научной значимости. Именно частные сюжеты в ряде случаев позволяют наиболее ярко охарактеризовать суть и характер отношений между

двумя народами в ту или иную эпоху. Научная значимость помещенных в сборник статей объясняется и тем, что многие из них написаны с использованием новых, ранее неизвестных источников, позволяющих по-новому взглянуть на исследуемые вопросы.

Широта и многообразие проблематики позволили авторам сборника осветить не только политические, но и социально-экономические, культурные и духовные аспекты русско-греческих отношений. При всех различиях масштаба затрагиваемых в статьях вопросов и используемых авторами методологических практик, нельзя не отметить профессионализм их авторов. Здесь следует особо подчеркнуть во многом подвижническую организационно-редакционную работу О.В. Соколовской, сумевшей не только сохранить индивидуальные черты авторских материалов, но и добиться их «контекстного единства». Важно, что в подготовке сборника приняли участие как российские, так и греческие и сербские исследователи, что способствовало комплексному исследованию поднятых проблем.

Таким образом, несмотря на незначительные замечания преимущественно частного характера, сборник «1000 лет вместе: ключевые моменты истории России и Греции» является качественным и высокопрофессиональным научным трудом, отвечающим поставленным его авторами и составителями задачам и заявленным целям. Он может быть интересен как специалистам, так и всем интересующимся историей Греции.

© 2019 г. *А.К. Александрова*
E-mail: *anna.k.aleksandrova@gmail.com*

Strípky z českého Chicaga: Edice dokumentů k dějinám Čechů v americkém Chicagu v letech 1848–1918. Praha, 2017. 478 s.

Отрывки о чешском Чикаго. Издание исторических документов чешской общины в Чикаго 1848–1918 гг.

DOI: 10.31857/S0869544X0003679-9

Новый сборник источников, связанных с прошлым самой крупной чешской общины в США второй половины XIX – начала XX в. вышел в Праге в 2017 г. под названием «Отрывки о чешском Чикаго. Издание исторических документов чешской общины в Чикаго 1848–1918 гг.». Его подготовили сотрудница Исторического института Академии наук Чешской Республики Ленка Кршижова и директор городской библиотеки им. Антонина Марка в Турнове Ярослав Кршиж. Оба на момент выхода книги заканчивали докторантуру на Философском факультете Карлова университета.

Текст книги сопровождается иллюстрациями из собраний архивных документов и фотографиями авторов, на которых запечатлены здания чешских кварталов Чикаго и установленные общиной памятники в их современном виде. В объемном введении, занимающем 44 страницы, дается обзор истории чешской колонии в Чикаго от ее возникновения в середине XIX в. до постепенного исчезновения в первой половине XX в. Он написан на основе разнообразной литературы: от юбилейных сборников, подготовленных в самой общине, до профессиональных монографий о ней, вышедших в последние десятилетия.

В отдельной редакторской заметке сообщается о происхождении опубликованных документов, принципе их группировки и особенностях языка. Материалы для сборника были собраны как в американских, так и в чешских библиотеках

и архивах, что повышает ценность сборника. Авторы отмечают, что большинство источников по теме, как бы то ни было, находятся за океаном, а кроме того, часть документов личного характера до сих пор труднодоступна из-за того, что остается в частной собственности.

Тексты внутри сборника собраны по темам с целью максимально полно и разносторонне показать жизнь чехов в Чикаго. Всего тематических разделов девять: «Путешествие через океан», «Чешские кварталы», «Значительные события», «Хозяйство», «Людские судьбы», «Повседневность», «Идентичность», «Культурные контакты с прежней родиной», «Чешский взгляд». Каждый текст сопровождается отдельным комментарием, поясняющим обстоятельства возникновения документа и его исторический фон. Избранный способ подачи материала и его группировка выглядят обоснованными.

Отдельное внимание авторы сборника обращают на лингвистическую работу с материалом. Они поставили перед собой задачу сделать свою работу вкладом в том числе в исследование языковых процессов, происходивших в общине переселенцев. Для этого все тексты были выверены по нормам чешского правописания второй половины XIX – начала XX вв., а отклонения от нее помечены восклицательным знаком. Таким образом подготовлен материал для анализа, который мог бы отделить индивидуальные особенности письменной речи от изменений системного характера

и подвести к выводам о характере трансформаций, происходивших в языке мигрантов. Встречающиеся в документах английские слова и выражения сохранены в старом написании.

Вкупе с аналитическими работами по истории чешской общины в США, вышедшими ранее, «Отрывки о чешском Чикаго» представляют собой хорошее подспорье студентам для написания квалификационных работ. Они будут небезынтесны и для состоявшегося ученого, лишенного возможности работать в американских библиотеках.

Сборник не только отвечает на вопросы, но и подталкивает к новым. Например, в ряде документов из разных разделов можно найти материал для анализа причин переселения и выбора места для него, хотя специально внимание на этих темах авторы сборника не акцентируют. И если первая хотя бы затронута в пояснениях — отталкиваясь от историографии, Л. Кршижова и Я. Кршиж указывают на социально-экономические причины эмиграции, прежде всего поиск земли и работы — то вторая полностью обойдена вниманием. У чехов, собравшихся поки-

нуть родину, существовала альтернатива как минимум в виде Российской империи, где также располагалась крупная чешская община, начавшаяся формироваться, кстати, примерно в то же время, что и колония в Чикаго. Но в сборнике этой альтернативе практически не уделено внимание.

В общественной жизни Чехии сегодня наблюдается активная полемика между приверженцами ориентации на условный «Запад» (а если точнее, на идеалы, которые они ассоциируют с ведущими странами Европы и Америки, такими как Великобритания, Германия, Франция и США) и условный «Восток» (на идеалы, которые, по их мнению, отстаивает нынешняя Россия). Однако эта дихотомия возникла далеко не вчера и уже на рубеже XIX–XX вв. имела богатую предысторию. Обращение к более раннему периоду ее развития способно сообщить чешскому обществу больше информации о нем самом и помочь в формировании более критического взгляда на вещи, кажущиеся сегодня незыблемыми.

© 2018 г. *К.А. Попов*
E-mail: pcyril90@gmail.com

Советский Союз и польское военно-политическое подполье. Апрель 1943 г. — декабрь 1945 г. в 3-х т. Т. 1. Апрель 1943 г. — август 1944 г. Ч. 1. Апрель 1943 г. — март 1944 г. М., 2018. 864 с.

DOI: 10.31857/S0869544X0003680-1

Увидела свет первая часть первого тома (под редакцией А.Н. Артизова) масштабной трехтомной (в шести книгах) документальной публикации, обращенной к многоаспектному и в значительной степени подвергнутому мифологизации в послевоенные десятилетия вопросу о взаимодействии и взаимоотторжении СССР и структур, связанных с польским эмигрантским правительством в Лондоне, в период с весны 1943 г. по конец 1945 г. (отметим, что в 2016 г. уже была опубликована ч. 1 т. 2 данного проекта, целиком посвященная Варшавскому восстанию 1944 г.).

Прежде всего стоит отметить масштабность и комплексность проекта, реализация которого объединила усилия семи центральных российских архивов — ГА РФ, АП РФ, АВП РФ, ЦА МО РФ, РГАСПИ, Архива СВР РФ, ЦА ФСБ, а также материалы польских, белорусских и британских архивохранилищ. При этом составители (О.К. Иванцова, А.И. Баканов, Н.А. Волынько, А.Р. Ефименко, Е.Б. Лопатина, М.И. Мельтюхов, О.Б. Мозохин, А.Ф. Носкова, Ю.Г. Орлова, А.В. Тихонов, И.В. Фетисов, Н.А. Хорина, С.М. Чурикова) абсолютно логично поставили целью отразить не только вводимые в научный оборот источники (впервые в т. 1 публикуются около 40 % документов), но и представить многослойную, многоцветную и максимально приближенную к исторической действительности картину. В этой связи весьма уместными представляются вкрапления в ткань документального повествования важнейших источников, уже увидевших свет в 1963–2016 гг., при этом

значимая часть репринтного массива впервые публикуется по-русски в переводах с польского и английского языков.

Публикация предварена двумя содержательными предисловиями — общеисторическим А.Ф. Носковой (с. 5–11) и археографическим О.К. Иванцовой (с. 12–26), относящимися к обеим частям первого тома (выход ч. 2 ожидается в 2019 г.). 366 документов первой части охватывают без малого годичный период времени с начала апреля 1943 г. по 29 марта 1944 г. и объемно отражают специфику оказавшегося в конечном счете неразрешимым конфликта между советскими властями и польскими эмигрантскими и подпольными структурами в выигрышной для СССР и Красной Армии ситуации после победы в Сталинградской битве.

Представленные в книге источники во всех подробностях представляют два основных среза исследуемой проблемы — политического противоборства Кремля и «лондонских» поляков, а также вооруженного противостояния советских партизан и польского подполья на западнобелорусских и западноукраинских территориях. Документы убеждают в том, что перед руководством СССР в 1943–1944 гг. стояла задача практически того же масштаба, что и перед Александром I, сумевшим по итогам Венского конгресса легитимизировать в международно-правовом плане итоги трех разделов Речи Посполитой конца XVIII в.

Существенным препятствием на этом пути для И.В. Сталина и В.М. Молотова

к весне 1943 г. оставалось достигнутое 30 июля 1941 г. при посредничестве британского правительства соглашение между премьер-министром польского эмигрантского правительства В. Сикорским и послом СССР в Великобритании И.М. Майским, которое привело к установлению между сторонами дипломатических отношений и существенно осложняло непротой вопрос послевоенной судьбы западноукраинских и западнобелорусских территорий, включенных в состав Советского Союза осенью 1939 г. В декабре 1941 г. в ходе визита в Москву британского министра иностранных дел А. Идена Сталин даже упоминал о возможности возвращения послевоенной Польше Львова, не исключался и выбор польской стороной вместо Львова Белостока и Вильно (с. 774).

Драматические события апреля 1943 г., когда правительство Сикорского обратилось в Международный комитет Красного Креста после обнародования германской версии событий в Катynie, обернулись не только перерывом в дипломатических отношениях между СССР и эмигрантским кабинетом в Лондоне, но и упрощением ситуации с польским вопросом для Кремля и его западных союзников. Ни Великобритания, ни США в условиях, когда они не собирались еще долго открывать второй фронт, не выразили даже в максимально смягченной форме поддержки польской версии событий, приняв в тот момент именно советскую трактовку инцидента. Более того, У. Черчилль в беседе с Майским вечером 23 апреля 1943 г. выразился предельно ясно: «Если бы утверждения немцев даже оказались правильными, это нисколько не изменило бы моего отношения к вам, ибо вы — храбрый народ и прекрасный союзник, а Сталин — великий воин. Я же сейчас подхожу ко всем вопросам как солдат, который прежде всего заинтересован в победе над общим врагом» (с. 62).

Линия правительства Сикорского в апреле 1943 г. в итоге оказалась важнейшей геополитической ошибкой «лондонских» поляков, которая в итоге стоила им утраты власти в своей послевоенной стране, освобожденной от гитлеровцев Красной Армией. И эмигрантские структуры власти за рубежом, и представители Армии Крайовой (АК) внутри Польши даже после Курской битвы и приближения Красной Ар-

мии к границам межвоенной II Речи Посполитой продолжали надеяться на становящееся все более фантастическим развитие событий, сочетавшее надежды на сохранение предвоенных границ с СССР и территориальные приращения за счет Германии на западе, включая Кенигсберг.

Десятки приведенных в книге документов убеждают в том, что вместе с твердой линией советского руководства к устраивавшему его решению польского вопроса в очень значительной степени причастны Черчилль и Ф.Д. Рузвельт. Великобритания и США не предприняли решительных шагов для восстановления дипломатических отношений между СССР и эмигрантским правительством в Лондоне и после гибели Сикорского в авиационной катастрофе над Гибралтаром 4 июля 1943 г. в Лондоне и в чуть меньшей степени в Вашингтоне были согласны на линию Керзона как основу будущей восточной границы Польши и предложенные Сталиным компенсации «вплоть до линии Одера», а Черчилль 20 января 1944 г. на встрече с премьер-министром С. Миколайчиком и его соратниками предельно цинично просил польское правительство не «только принять это в принципе, но и с энтузиазмом» (с. 469). Не менее цинично вскоре, 2 февраля 1944 г., выразился в беседе со Сталиным посол Великобритании в СССР А. Кларк Керр. Весьма характерна невольная импровизация по польскому вопросу этого родившегося в Австралии шотландца: «Он, Керр, полагает, что поляки согласятся на линию Керзона. Он, Керр, провел свое детство в деревне, и, будучи мальчиком, занимался ловлей кроликов. Кролики, будучи пойманными, всегда отбивались, несмотря на то, что знали, что попадут в мешок. То же самое можно сказать о теперешнем польском правительстве. Оно знает, что будет в мешке, но тем не менее оно отбивается» (с. 508).

Разнообразные источники, отраженные в публикации, наглядно показывают, что линия Москвы, Лондона и Вашингтона в польском вопросе вплоть до весны 1944 г., когда западные союзники попытались было отойти от договоренностей Тегеранской конференции и перенести рассмотрение вопроса о послевоенных границах Польши на более поздний срок, «подвесив» ситуацию, в целом оставалась согласованной и не оставляла сколько-

нибудь благоприятных шансов ни польским политикам в Лондоне, ни вооруженному подполью на территориях, которые вскоре освободит Красная Армия. В таких условиях от фантастических планов прибытия в Польшу британских войск с целью помешать Красной Армии польские стра

теги во главе с генералом К. Соснковским уже в 1943 г. вполне предметно и с сознанием собственной обреченности перешли к обсуждению планов восстания, которое в реальности вспыхнет в Варшаве в начале августа 1944 г.

© 2019 г. Ю.А. Борисёнок
E-mail: rodina2001@mail.ru

*Народная проза Акцябршчыны. Мінск, 2018. 192 с., илл.
Народная проза Октябршчыны*

DOI: 10.31857/S0869544X0003681-2

Об успешном развитии фольклорно-этнографических штудий в белорусской науке свидетельствует появление в недавнем прошлом новых книжных серий, посвященных традиционному укладу и фольклору культурно-исторических регионов Республики Беларусь – «Традиционный уклад жизни» (2014) и «Фольклор нашего края» (2018). Книги, выпускаемые в этих сериях, адресованы не только специалистам, но и широкому читателю; при этом публикации выполнены на высоком научном уровне, с полной атрибуцией представленных материалов, богатой библиографией. Благодаря этим изданиям в научный оборот вводится ценный материал, собираемый фольклористами, этнолингвистами, диалектологами, этнографами. При этом публикация фольклорных данных, извлеченных из архивов и полученных в ходе полевых исследований, сопровождается научным комментарием, помогающим взглянуть на образцы регионального фольклора в общенациональной перспективе.

В 2018 г. в серии «Фольклор нашего края» вышло исследование, подготовленное известным белорусским фольклористом Е.М. Боганевой и посвященное народной прозе Октябрьского района Гомельской области. Основу публикации составили записи сказок, легенд, преданий, быличек, устных бытовых рассказов, народных молитв и заговоров, поверий, пословиц и поговорок, сделанные во время полевых исследований в 2004–2016 гг. на территории исторического региона – Рудобельского края (его центр – село Рудабелка (Рудыя Белкі) известен с середины XV в., в настоящее время включен в состав город-

ского поселка Октябрьский). В сборник вошли также материалы из архива Октябрьского районного методического центра. Сюжетно-мотивный состав народной прозы Октябрьского района имеет ярко выраженные черты восточнополюсской традиции (былички и поверья про змеиноного царя, образы страшных русалок с железными или стеклянными грудями, легенды про мужа-ужа и др.). Одновременно народная повествовательная традиция Октябршчыны отражает черты, характерные для Западного Полесья, Центральной Белоруссии и Подвинья (легенда о чудесном росте растений во время бегства Богородицы с младенцем от преследователей, легенда о происхождении кукушки – мотив потерянных ключей и т.п.). Таким образом, перед нами прекрасный пример локальной традиции, в силу своего пограничного положения на стыке нескольких культурно-исторических белорусских регионов аккумулировавшей и развившей черты народной прозы разных традиций.

Во вступительной статье Е.М. Боганева не только объясняет особенности композиции книги и принципы составления ее разделов, но характеризует также жанровые особенности текстов, составляющих фонд народной прозы локальной традиции Октябрьского района (помимо таких традиционных жанров, как сказки, легенды, предания, былички, внимание уделяется жанрам, лишь в недавнее время ставшим объектом специального внимания фольклористов – это легенды-былички, устные бытовые рассказы, а также тексты, составляющие так называемый устный народный дискурс и представляющие собой форму

самоописания традиции в форме диалога, размышления и т.п. ее носителей.

Публикуя тексты локальной несказочной прозы Октябрьского района, составитель сборника поставила перед собой задачу с максимальной полнотой соотнести их сюжеты с вариантами из соседних регионов, а также с корпусом сюжетов восточнославянских сказок, легенд, преданий. Каждый публикуемый сюжет снабжен индексом, присвоенным ему в международной классификации сюжетов [1], что дает возможность составителям современных указателей дополнить географию сюжета новыми региональными вариантами. Так, в Октябрьском районе в 2016 г. зафиксированы два варианта редкого сказочного сюжета про разумную падчерицу, заставляющую черта приносить ей разные вещи до первых петухов – черт теряет свою силу и девушка спасена (СУС–480С** «Мачеха и падчерица»); один из вариантов, возможно, испытал влияние литературной традиции – девушка должна провести ночь возле гроба колдуна (*ведзьмака*), она берет с собой петуха и заставляет его кричать, когда ведьмак посягает на нее (с. 43–44; ср. сюжет гоголевского «Вия»). Е.М. Боганева отмечает, что сюжет СУС–480С** за последние 20 лет фиксировался на территории Республики Беларусь лишь дважды: на востоке в Шумилинском районе Витебской области и на западе в Столинском районе Брестской области (с. 19). Также ни разу за прошедшие 20 лет не фиксировались в белорусских регионах в живом бытовании шуточные сказки «Як мужык і нячысцік проса дзялілі» (СУС 1091 «Кто приведет более необычное животное: человек приезжает на жене»), «Дзеўка і кабыла» (СУС 1440 «Лошадь вместо девушки»). Теперь благодаря записям 2004 г. из деревень Поречье (с. 52–53) и Корма (с. 53–54) сказковеды могут познакомиться с двумя оригинальными вариантами этих сюжетов. В раздел «Сказки» составителем помещен также вариант сюжета СУС 934А («Смерть в колодце»), записанный в 2012 г. в д. Смыковичи (с. 48–49). Этот нарратив в жанровом отношении ближе к быличке, нежели к сказке, о чем свидетельствуют многочисленные параллели из повествовательных традиций других регионов (отметим, в частности, что оригинальные версии этого сюжета были записаны в 1994 и в 2003 г. в Дятьковском и Брянском районах Брянской области [2. С. 285–286,

288–289]). В рецензируемом сборнике на с. 140–141 в разделе «Легенды-былички и легендарные рассказы» помещен записанный в той же деревне Смыковичи от той же рассказчицы вариант сюжета о «несостоявшейся» смерти у колодца (рассказчице во сне является некий «дядок» и предупреждает, что дочери ее на роду написано утонуть и потому нельзя пускать ее купаться, что та и делает на протяжении всей жизни). Возможно, стоило бы объединить оба варианта в одном разделе, что сделало бы для читателя более наглядными и механизмы трансформации сюжета, и место этого сюжета в репертуаре рассказчика, и отношение исполнителя к транслируемому тексту (как рассказчик «примиряет» две версии с разными концовками).

Аналогичное замечание касается широко распространенного сюжета о том, как Бог подбирает людям пары. Дважды представленный в книге сюжет помещен в разные разделы – «социогеничных» легенд (с. 105) и «устного народного дискурса» (с. 166–167). Оба текста записаны в одной деревне Поречье, первый представляет собой пересказ легенды, второй – размышление на тему «Як Бог пары робіць». С точки зрения принадлежности этих нарративов к разным жанрам разнесение их по разным разделам оправдано, но с точки зрения текстологии они представляют собой модификации одного инварианта, зафиксированные в разном коммуникативном контексте (отметим, что начало текста-размышления как раз представляет собой «свернутый» сюжет легенды). Понятно желание составителя представить разножанровые воплощения сходных сюжетов, но в ряде случаев такой формальный подход является помехой для того, чтобы оценить всю полноту содержательной вариативности.

Точно так же не совсем правомерным представляется «разлучение» былички о ходячем покойнике, помещенной в раздел «Верования» (из «устного народного дискурса», с. 174), с текстами об этом же мифологическом персонаже в разделе «Былички» (с. 124–126) – все указанные тексты представляют собой сюжетные нарративы и логичнее смотрелись бы в одном разделе.

Для специалистов, работающих в области текстологии фольклорной прозы, особый интерес представляют тексты, демонстрирующие стратегии текстопорождения и трансляции нарративов. Образцом такого рода текстов может служить легенда

из д. Смыковичи, соединившая в себе несколько сюжетов (почему люди согрешили, откуда появился аист, почему у мужчин на теле растут волосы); при этом каждая составляющая содержит оригинальные (редкие и даже уникальные) мотивы.

Так, проступок человека, нарушившего запрет и заглянувшего в мешок, куда Бог сложил жаб, ужей и гадюк, объясняется корыстью: «А я думаю, што тут золата» (с. 65). Преобладающая мотивировка нарушения запрета в этом сюжете — любопытство человека, но на этом фоне встречаются редкие мотивировки, подобные приведенной выше; нам известен еще один вариант с упоминанием золота, записанный в Волынской области [3. С. 413], при этом заглянуть в мешок человека заставляет нечистая сила.

Сцена грехопадения, согласно этой легенде, произошла на мосту через море — там первых людей застала ночь, и они вынуждены были лежа потесниться так, что «соблазнили друг друга» (с. 64). Как отмечает публикатор, мотив соблазнения на мосту для белорусской «народной Библии» единичен, но не случаен: образ моста выражает идею перехода человека из райского состояния в земное, смену его статуса. Добавим, что в верованиях славянских народов переход через мост символизирует также преодоление границы между мирами (подобно переправе через воду) [4. С. 303–304], а у южных славян бытовало представление об опасности коитуса на мосту, поскольку мост мыслился как «переходный» локус, где человек уязвим [5. С. 525].

Этот же текст содержит вербальный компонент, который можно расценивать как скрытую цитату (интересно было бы установить ее первоисточник). Вначале рассказчица приводит слова своего деда, который был учителем и «умел по-славянски читать»: «Вот, унучка, як начаўся свет... Бог сначала сздаў тры зла: бабу, чорта и казла» (с. 63). Аналогичные речения были зафиксированы на Смоленщине («Бох сатваріў два зла: бабу и казла») и у русских староверов Западного Причудья («Бог создал три зла: бабу, беса и козла») [6. С. 421], и любопытно было бы установить, имеем ли мы дело с устойчивой паремией или же с паремией, свойственной конфессиональному дискурсу. Кроме того, элементы балагурства характеризуют личность рассказчика, украшающего нарратив афоризмами и клише для большей занимательности.

Каждая локальная фольклорная традиция имеет в своем фонде уникальные элементы, выделяющие ее на общенациональном фоне. Найти, зафиксировать и проанализировать такие сюжеты и мотивы всегда удача для собирателя. Примером уникальной фольклорной этиологии является легенда, записанная в д. Протасы — Бог помещает в Ноев ковчег животных и мешок с разными «гадами», а Ной развязывает этот мешок, за что и превращен в аиста (с. 68); в настоящий момент других текстов, упоминающих Ноя-аиста, в восточнославянской фольклорной традиции не зафиксировано.

Еще одна региональная особенность, отраженная в текстах фольклорной прозы, это традиция изготовления оброчных («обыденных») тканых изделий, характерная для Гомельщины в целом и для Октябрьского района в частности. В многочисленных рассказах о том, как в кризисных ситуациях (война, мор, эпидемии, засуха) совместными усилиями в течение одного дня создавались рушники и полотно (с соблюдением всех технологических операций начиная с прядения ниток и заканчивая украшением тканого изделия), представлена не только развитая ритуалистика, связанная с изготовлением и последующим применением оброчных изделий, но и богатая лексика, обозначающая оброчные изделия — *абдзённік*, *абыдзённік*, *дзённік*, *дняўнік* (с. 155–163).

Как и в других белорусских макро- и микрорегионах, традиции этнокультурного и этноконфессионального соседства в Октябрьском районе имеют давнюю историю. В народных рассказах о соседских взаимоотношениях, как и в других регионах, здесь фигурирует мифологизированный «чужой» — представитель другой нации или веры. Так, в истории, записанной в д. Хоромцы, речь идет о профессиях и занятиях соседей-евреев; одновременно указывается, что в Чистый четверг евреи приходили на реку купаться и смотрели в воду — кто не увидит своего отражения, умрет в этом году (с. 164–165). В этом описании, с одной стороны, отражен традиционный обычай моления над водой в дни еврейских осенних праздников [7. С. 177–178, 182, 183], а с другой — на основании семантики очистительных действий (у евреев в Судный день и на праздник Кушей осенью, у славян — в Чистый четверг накануне Пасхи весной) — еврейский обычай в трактовке не-евреев переносится на другое время года (подобный механизм вообще присущ народной

культуре, часто описывающей элементы «чужой» традиции в терминах и образах, характерных для «своей» традиции). И в этом случае перед нами отнюдь не аберрация массового сознания, приписывающего «чужой» традиции несуществующие черты, но тенденция «календарного переноса», характерная для некоторых локальных традиций (например, в Мозырском районе гадание евреев о судьбе посредством смотра в воду также приурочено к весеннему периоду, а именно к еврейской Пасхе [7. С. 236]).

Сборник, посвященный народной прозе Октябрьского района Гомельской области, в очередной раз показал, насколько интересно и колоритно может быть представлена региональная фольклорная традиция и как современные локальные данные могут дополнять общенациональный фонд фольклорного наследия. Хочется пожелать создателям и составителям новой книжной серии успеха в презентации разных регионов Республики Беларусь, а читателям — знакомства в ближайшее время с очередными выпусками «Фольклора нашего края».

© 2018 *О.В. Белова*

E-mail: olgabelova.inslav@gmail.com

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л.Г. Бараг и др. Л., 1979.
2. Былички и бывальщины: Суеверные рассказы Брянского края / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и приложения В.Д. Глебова. Орел; Брянск, 2011.
3. Народная Библия: Восточнославянские этиологические легенды / Сост. и коммент. О.В. Беловой. М., 2004.
4. *Виноградова Л.Н.* Мост // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н.И. Толстого. М., 2004. Т. 3.
5. *Гура А.В.* Коитус // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н.И. Толстого. М., 1999. Т. 2.
6. У истоков мира: Русские этиологические сказки и легенды / Сост. О.В. Белова, Г.И. Кабакова. М., 2014.
7. *Белова О.В.* Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. М., 2005.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «20 ЛЕТ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ РУСИНИСТИКЕ В СЛОВАКИИ»

Город Прешов (русин. Пряшів), часто именуемый «столицей Северо-Восточной Словакии», традиционно является национально-культурным центром русинского нацменьшинства, проживающего в Словацкой Республике. Несмотря на это обстоятельство, история собственно русинистики (или, точнее, карпаторусинистики) достаточно молода. Дело в том, что вплоть до середины XX в., когда власти ЧССР начали целенаправленную административную украинизацию «Пряшевской Руси», в русинской среде господствовало этнонациональное русофильство с его ориентацией на русский язык (или «язычие», обогащенное местными, «карпаторусскими», языковыми элементами). Начиная же с 1989 г. русинские интеллектуалы, осознавшие свои отличия как от украинцев, так и от русских, массово обратились к идее создания собственного литературного языка, который бы основывался на карпатских диалектах. В 1995 г. состоялась торжественная кодификация прешовского варианта русинского языка. Уже в 1998 г. в Прешовском университете (далее – ПУ) было открыто русинское отделение Центра национальных меньшинств и иностранных языков – прямого предшественника нынешнего Института русинского языка и культуры (ИРЯИК ПУ). Именно в ознаменование юбилея этого важного события осенью 2018 г. и была организована международная междисциплинарная конференция «20 лет университетской русинистике в Словакии» («20 років високошкольської русиністики на Словачії»).

Торжественное открытие конференции состоялось 18 октября. С приветственным словом к собравшимся обратились директор ИРЯИК ПУ Анна Плишкова, ректор ПУ Петер Коня, декан факультета гуманитарных и естественных наук ПУ Рене Маглович, проф. Торонтского университета Пол Роберт Магочи, государственный секретарь Министерства образования СР Петер Крайняк, заместитель председателя Всемирного конгресса русинов Владимир Противняк и председатель организации «Русинское возрождение» («Русинська оброда») Мартин Караш. В заключение официальной части состоялось вручение Премии св. Кирилла и Мефодия за развитие русинского языка: этой награды были торжественно удостоены сразу несколько академических и государственных деятелей.

Пленарное заседание открыл обзорный доклад *А. Плишковой* «Динамические процессы в современной русинистике: детерминанты, результаты, перспективы». *П.Р. Магочи* в выступлении проанализировал новейшие успехи и нерешенные проблемы в развитии русинского языка. *Олена Дуць-Файфер* (Ягеллонский ун-т, Краков, Польша) посвятила доклад сложной языковой ситуации в среде русинов-лемков. Греко-католический священник *о. Франтишек Крайняк* (Общество св. Иоанна Крестителя, Словакия) постарался осветить тему «Русинский литургический язык в XXI столетии». *Юлия Дудашова* (ИРЯИК ПУ) продолжила данную проблематику, проанализировав слова церковнославянского происхождения в литературном русинском. *Станислав Конечни* (Словацкая АН, Кошице) поведал о современном состоянии академических исследований национальной идентичности русинов в Словакии.

Первая тематическая секция конференции была посвящена актуальным вопросам современного русинского литературного языка. *Кветослава Копорова* (ИРЯИК ПУ) выступила с докладом «К вопросу альтернатив и полногласия в русинском нормативном языке в Словакии». *Ахим Рабус* (Фрайбургский ун-т, ФРГ) представил квантитативный анализ образования форм прошедшего времени в разных вариантах русинского языка. *Василий Ябур* (ИРЯИК ПУ) посвятил выступление союзу и его функциям. Венгерский исследователь *Миха-*

ил *Капраль* (Русинский научный институт им. А. Годинок) проанализировал дериваты со значением «женскости» в речи жителей закарпатского села Великие Лазы.

Вторую секцию организаторы назвали «Карпатские русины в исторических, общественно-политических и культурных контекстах». Ее открыла презентация *В.И. Фенича* (Ужгородский национальный университет, Украина) «Милостею Божьей... Этноконфессиональная идентичность русинов греко-католиков ужгородской унийной традиции вопреки “сильным мира сего”». *Костадин Костадинов* (Болгарская АН, София) выступил с обширным докладом «Болгарское присутствие в Карпатской Руси (IX–XI в.) и начало русинского этногенеза». *М.Ю. Дронов* (ИСл РАН) рассказал о нюансах восприятия города Прешова участниками Венгерского похода русской армии в 1849 г.

Третья секция конференции была посвящена роли языка, образования, литературы и СМИ в развитии национальной идентичности русинов. Первой в рамках этого блока прозвучало выступление *Эвы Михны* (Ягеллонский ун-т) «Влияние языковых идеологий на процессы эмансипации лемковского языка». *Марек Гаї* (Методическо-педагогический кабинет в Прешове) сделал презентацию о современном состоянии и перспективах русинского образования в Словакии. *Снежанка Великова* (Шуменский ун-т им. Константина Преславского, Болгария) осветила тему присутствия русинов в Интернете и СМИ. В заключение работы секции прозвучал доклад сотрудника ИРЯИК ПУ из Ужгорода *В.И. Падяка* «Основания реализма в карпаторусинской литературе и творчество лемковского драматурга Г. Гануляка».

В пятницу 19 октября состоялось заседание докторантской (т.е., по сути, аспирантско-соискательской) секции, в рамках которой было заслушано пять докладов докторантов ИРЯИК ПУ и одного уже защитившегося воспитанника этого института. Первыми выступили молодые лингвисты *Йозеф Бильский*, проанализировавший склонение существительных в литературных русинском и словацком языках, и *Михала Голубкова*, сосредоточившая внимание на выражении вопросительной модальности в русинском языке. Далее прозвучали выступления литературоведов. *Михал Павлич* посвятил свой доклад творчеству известного русинского литератора Юрка Харитуна. *Катарина Петрусова* выступила с темой «Русинско-словацкие литературные и культурные связи во 2-й пол. XIX ст. (на примере ужгородской газеты “Листок”»». В конце заседания состоялась презентация *Карины Муляр*, посвященная литературному процессу у карпатских русинов в США. Источниками для начинающей исследовательницы послужила заокеанская русинская периодика.

Итоги завершившейся конференции подвела *А. Плишкова*, отметившая высокий уровень большинства выступлений и поблагодарившая всех участников. Примечательно, что практически каждое заседание сопровождалось горячими дискуссиями, носившими в то же время конструктивный и доброжелательный характер. В этом контексте весьма обогащающим стал обмен мнениями между теоретиками и практиками, маститыми и начинающими русинистами, специалистами ИРЯИК ПУ и их зарубежными коллегами. К слову, на конференции господствовал традиционно присущий русинам языковой плюрализм. Кроме различных вариантов русинского языка, на заседаниях также звучала словацкая, польская, русская и болгарская речь.

Уже после формального окончания конференции в ИРЯИК ПУ состоялось торжественное открытие Библиотеки карпаторусинистики, укомплектованной, прежде всего, благодаря многолетним усилиям П.Р. Магочи. Отметим, что для гостей Прешова организаторами дополнительно была подготовлена и культурная программа. Так, участники конференции были приглашены на спектакль в русинском Театре им. А. Духновича.

Прошедшая конференция наглядно продемонстрировала успехи, которые были достигнуты словацкими русинистами (а вместе с ними и русинскими национальными активистами) за последние два десятилетия. Кроме этого, собравшиеся не обошли стороной и существующие сложности (например недостаточную заинтересованность самих этнических русинов в изучении русинского языка). Однако в любом случае состоявшееся мероприятие вселяет надежду, что прешовская русинистика в лице ИРЯИК ПУ и в дальнейшем продолжит свое развитие как на педагогическом, так и на научно-исследовательском поприще — на благо русинов Словакии и других стран.

Материалы научной встречи «20 лет университетской русинистике в Словакии» в ближайшее время будут опубликованы в виде отдельного сборника.

© 2019 г. *М.Ю. Дронов*
E-mail: mikhaildronov@rambler.ru

DOI: 10.31857/S0869544X0003682-3

CONTENTS

ARTICLES

<i>Gusev N.S.</i> (Moscow). South slavs in the early twentieth century: perspectives and complications of scholarly analysis.....	3
<i>Os'kin M.V.</i> (Moscow). Opening of the Romanian Front in the late 1916: the policy of mutual compromise between the Entente allies in the East.....	15
<i>Borisenok E.Yu.</i> (Moscow). Nikolai Mogiliansky on the «Ukrainian question» and the revolution in Russia.....	26
<i>Zelenková A.</i> (Prague). Dramaturgy by Frank Wollman and the Russian theatre.....	39
<i>Zosik V.I.</i> (Moscow). Worlds of Croatian director Oliver Frljić, a theatre provocateur and truth-seeker....	47

ESSAYS

<i>Ganin A.V.</i> (Moscow). The «Russian project» of Hetman Pavel Skoropadsky: Yekaterinoslav experience (November – December 1918).....	56
<i>Lamm M.A.</i> (Moscow). Archaic figurativity in the poetics of the Byelorussian-Polish-Lithuanian borderland literature (in the texts of Grodno region authors after World War Two)	62
<i>Noskova A.F., Nosov B.V.</i> (Moscow). Concerning the political character of the anti-Fascist Resistance in Poland in World War Two and historic significance of the Warsaw Uprising of 1944.....	68
<i>Pokivailova T.A., Sloistov S.M.</i> (Moscow). The problems of national identity of the emigration in the countries of Central and South-Eastern Europe (1917 – the early 1950s). Based on the materials of the conference.....	81
<i>Zaitsev A.V.</i> (Moscow). The end of the All-Slavic Committee	96

FROM THE HISTORY OF SLAVIC STUDIES

<i>Malinov A.V., Kupriyanov V.A.</i> (St.-Petersburg). Vladimir I. Lamansky in the university.....	103
--	-----

REVIEWS

<i>Aleksandrova A.K.</i> 1000 лет вместе: ключевые моменты истории России и Греции. Сб. статей.....	119
<i>Popov K.A.</i> Střípky z českého Chicaga: Edice dokumentů k dějinám Čechů v americkém Chicagu v letech 1848–1918.....	122
<i>Borisenok Yu.A.</i> Советский Союз и польское военно-политическое подполье. Апрель 1943 г. – декабрь 1945 г. В 3-х т. Т. 1: Апрель 1943 г. – август 1944 г. Ч. 1: Апрель 1943 г. – март 1944 г.	124
<i>Belova O.V.</i> Народная проза Акцябршчыны.....	127

SCHOLARLY LIFE

<i>Dronov M.Yu.</i> International scholarly conference «Twenty years of the Ruthenian studies in Slovak universities».....	131
--	-----